

IS IT POSSIBLE TO FALL IN LOVE AGAIN
Is it possible to fall in love again
WHEN ALL YOU KNOW IS HATE?
when all you know is hate?

СЕЗОН РАСПЛАТЫ

ОТ АВТОРА "В ПЛЕНУ", "ТЕРЯЯ НАДЕЖДУ"
И "СЛОМАЙ МЕНЯ, ЕСЛИ СМОЖЕШЬ"

ЮЛИЯ ДИНЭРА

Возможно ли влюбиться снова, когда все, что ты знаешь это ненависть? Когда ты красива и популярна, когда самый крутой парень школы встречается именно с тобой, когда твои родители богаты, и ты получаешь от жизни все, что захочешь, о чем ты можешь еще мечтать? Моей единственной мечтой было обучение в Лондоне, и эта мечта вот-вот должна была осуществиться, но в один момент все планы рухнули. Спустя пять лет моего отсутствия в городе, я возвращаюсь, и вся моя прошлая популярность сваливается мне на голову худшим кошмаром. Та ночь поставила клеймо на моей жизни. Каждый в этом городе знает меня. Люди шепчут за моей спиной так, словно я этого не слышу, кроме него... Он задает вопросы, но не настаивает на ответах. В одну ночь, всего в один момент моя жизнь стала адом и, этот кошмар должен был закончиться с появлением этого местного рок-музыканта в моей жизни, но я понятия не имела, что кошмар только начинается. Николас Янг станет спасением моей души и ее уничтожением, а это лето станет особенным для меня, оно станет сезоном расплаты за то, что я сделала, за то, что молчала... И я не знаю, смогу ли я все пережить. Когда все карты раскрыты, а сил бороться больше нет, кто-то должен заставить подняться тебя с колен.

СЕЗОН РАСПЛАТЫ

ЮЛИЯ ДИНЭРА

**Возможно ли влюбиться снова,
когда все, что ты знаешь это ненависть?**

Когда ты красива и популярна, когда самый крутой парень школы встречается именно с тобой, когда твои родители богаты, и ты получаешь от жизни все, что захочешь, о чем ты можешь еще мечтать? Моей единственной мечтой было обучение в Лондоне, и эта мечта вот-вот должна была осуществиться, но в один момент все планы рухнули.

Спустя пять лет моего отсутствия в городе, я возвращаюсь, и вся моя прошлая популярность сваливается мне на голову худшим кошмаром. *Та* ночь поставила клеймо на моей жизни. Каждый в этом городе знает меня. Люди шепчут за моей спиной так, словно я этого не слышу, кроме него... Он задает вопросы, но не настаивает на ответах.

В одну ночь, всего в один момент моя жизнь стала адом и, этот кошмар должен был закончиться с появлением этого местного рок-музыканта в моей жизни, но я понятия не имела, что кошмар только начинается. Николас Янг станет спасением моей души и ее уничтожением, а это лето станет особенным для меня, оно станет сезоном расплаты за то, что я сделала, за то, что молчала... И я не знаю, смогу ли я все пережить. Когда все карты раскрыты, а сил бороться больше нет, кто-то должен заставить подняться тебя с колен.

Пролог

— Лондон! Я лечу в Лондон, сучки!!

— Ааа! Поздравляю, Лу.

— Круто. Будем скучать. Спорим, не проживешь и дня без издевок над Лорой Вудс.

— О, не завидуй, Кэти. Я тоже буду скучать, стервы.

— Когда вернешься?

Пожимаю плечами, гримасничаю.

— Наверное, сразу, как закончится учеба. Будем созваниваться по скайпу каждый день, обещаю.

— Ты уже сказала Дениелу?

— Вы первые. Скажу ему сегодня.

Дениел — местный красавчик, — так считают все в школе, он здесь самый популярный, объект воздыхания многих девчонок и по совместительству мой парень. Встречаемся уже второй год, вроде как у нас все серьезно, не учитывая того, что до секса дело так и не дошло. Все, включая Дени думают, что я уже профи, а на самом деле я чертова девственница. Только об этом тсс, никому. Мои подруги — стервятник, как называет их мой парень, — Елизабет Кингстон, Ребекка Грейс и Кэтрин Стэнфилд, думают, что я гребанная королева, и если я скажу, что еще не трахалась ни с кем, то потеряю часть своего авторитета, мне это не нужно, даже учитывая то, что я сваливаю учиться в Лондон, но я ведь вернусь. В городе меня знает каждый, в школе завидуют, и по правде, все что, я имею — заслуга моих богатеньких мамочки и папочки, но об этом тоже тсс. «Саманта Луиза Хейл — главная сучка школы Скайлет Хай Хиллз, королева ботаников, местных стерв и шлюх», кто-то ненавидит меня и завидует, кто-то считает меня Божеством, и я люблю это больше жизни. Лондон — моя мечта, и когда теперь, она уже завтра осуществится, единственное чего я боюсь, что вернувшись обратно у меня ничего не останется. Сегодня я планирую закатить грандиозную вечеринку, такую, чтобы ее запомнили на все годы, пока меня не будет, чтобы они никогда не забывали меня.

Я хотела, чтобы меня помнили.

И они не забыли.

Глава 1

Пять лет. Я думала, что будучи в Лондоне, эти пять лет пролетят незаметно и станут воистину лучшими пятью годами в моей жизни. Они тянулись, они были бесконечны, я считала каждый день, зачеркивала их в календаре, записывала в дневник. Для меня прошло не пять, а словно десять, даже может быть и двадцать лет, и клянусь, что повзрослела я тоже именно настолько. Домой. Я возвращаюсь сегодня. Родители встретили меня в аэропорту, мама сухо обняла, а папа и вовсе не подошел ко мне. Мы едем в одной машине, и я не чувствовала себя более чужой и далекой никогда, находясь вместе в таком маленьком пространстве. Вот он, мой город, мой дом, я помню каждый треклятый угол этого места, и в то же время не помню ничего. Мы приближаемся к дому, все молчат, страх окутывает меня, пуще прежнего. «Все хорошо» — повторяю я себе, «Это всего лишь дом, мой дом». Ворота распахивает какой-то незнакомый мне мужчина, он кивает и папа заезжает во двор. Я смотрю в упор, все как прежде, те же ворота, та же ландшафтная плитка, те же окна, двери, тот же балкон на третьем этаже. Закрываю глаза. Вдох-выдох, вдох-выдох. Выхожу из машины, смотрю на мужчину, закрывающего ворота.

— Маам, а где мистер Харпер?

— Иди в дом.

Достаю из багажника большой чемодан с вещами, который взяла с собой для отвода глаз. На самом деле, я собираюсь все это сжечь. Эти тряпки... я больше не притронусь к ним, сплошное напоминание.

Отец открывает входную дверь дома и пропускает нас с матерью вперед, у входа нас встречает какая-то девушка.

— Где Сьюзи? — Возмущаюсь я.

Никто не отвечает.

— Маам, паап? Где Сьюзи и мистер Харпер?

— Они давно уволены. — Безразлично отвечает мать. — Познакомься это Карен — наша новая помощница. — Презрительно смотрю на новую гувернантку. — Джэки — новый дворецкий.

— Что значит «уволены»? — Пищу я.

Мистер Харпер — милый старичок и его племянница Сьюзи работали у нас столько времени, сколько я себя помню. Они были не просто дворецкий и гувернантка они были моими единственными друзьями. Никто об этом не знал, только они и мать с отцом. На людях я конечно никогда не показывала своей привязанности к работникам дома и даже очень часто вела себя отвратительно с ними, но они понимали меня, я должна была держать лицо.

— Закрой рот, Саманта и иди разбирать свои вещи, Карен позже возьмет, что нужно постирать.

Саманта. Саманта. Это все, что нужно было сказать. Не «закрой рот», нет, не это. Отец назвал меня Самантой и это имя стало комом в моем горле. Все знают, что я ненавижу его, все называют меня Луизой или сокращенно Лу, никогда Самантой, только придурки из школы, которые меня ненавидели, но это мало меня волновало.

Молча хватаю свой чемодан и тащу его наверх, в свою комнату. Новая гувернантка догоняет меня и пытается ухватить ручку чемодана.

— Отойди. Я сама. — Девушка виновато опускает голову и отходит назад.

Моя комната. Все как раньше: те же розовые стены, бархатные розовые подушки на кровати, старые виниловые пластинки над окном, бежевый шкаф, обклеенный моими фотографиями. Закрываю дверь на ключ, выдыхаю, бросаю чемодан на пол, иду к окну. Все тот же вид, тот же бассейн, то же абрикосовое дерево, которое я сама посадила, когда мне было шесть, помню так радовалась, когда оно выросло. Пять лет. Этот дом не меньшее напоминание о тех годах, проведенных вне этих розовых стен. Достаяю телефон из кармана джинсов, вытаскиваю сим-карту и вставляю в разъем свою старую, которой не пользовалась уже пять лет. Пришлось «просить» оператора мобильной связи не блокировать ее, надеюсь она все еще активна, а с другой стороны, хочу чтобы она больше не работала. Включаю мобильник. Найдена сеть. Открываю книгу контактов, сажусь на край кровати.

Лиззи. Ребекка. Кэтрин. Дениел. Руки дрожат, когда я останавливаюсь на его номере телефона. Нет, я не могу ему позвонить. Может быть, у него вообще другой номер, как и у всех остальных. Лиз, она была мне ближе всех, хоть я никому никогда об этом не говорила. Она всегда строила из себя редкостную суку, но это чтобы не упасть в моих глазах и глазах всей школы, на самом деле я знала ее настоящую, без всех этих масок. Кэтрин та еще сука, это ее жизненное кредо. На самом деле, она должна была быть предводителем нашей школьной группировки, но так получилось, что им стала я. Нажимаю на кнопку вызова. Гудки. О, Господи, помоги мне. Ладони вспотели, чувствую, как кровь отхлынула от моего лица.

Возьми, возьми трубку, Лиз. Нет, нет, не бери.

— Алло.

Боже, Господи. Почему так трясет? Это всего лишь Елизабет Кингстон.

— Лу? Это ты что ли? — Ее голос настороженный и тихий. Она не рассчитывала меня услышать.

— Лиз.

— Ты меня напугала. Ты где?

— Дома.

— Дома? То есть дома?

— Да.

— Господи, ты что вернулась?

— Угу.

— И..и что планируешь делать? В смысле..

— Давай встретимся.

— Это плохая идея, Лу.

— Что? Почему?

— Я рассталась с Тайлером, и только помирилась с родителями и если они узнают, что я..

— Встречалась со мной. — Продолжаю я, понимая суть разговора, и то, почему она шепчет и разговаривает так, словно кто-то держит пистолет у ее виска. — Все понятно. Поэтому ты не брала от меня трубку.

— Лу. — Слышу, как тяжело вздыхает.

— Ты три года не отвечала на мои звонки. — Я звонила, я звонила ей каждую неделю на протяжении трех лет, но потом это все показалось мне абсурдом.

Тишина.

— Все понятно.

Я хочу повесить трубку, но Елизабет меня останавливает.

— Я встречу с тобой. Черт, конечно, я встречу с тобой. Сегодня в десять приходи в «Еллоу Бич» там будет тусовка, Никсоны выступают сегодня.

— Кто?

— А. Не важно. Народу будет куча, и моих предков там точно не встретишь.

— Хорошо, в десять буду там.

— До встречи.

Кладу трубку первой.

Это был один из самых тяжелых разговоров за последние годы. Чувствую себя отвратительно. Интересно, как остальные? Знают ли они, что я вернулась? Позвонит ли им сейчас Лизи и расскажет? Рано или поздно мне придется с ними встретиться, мы вроде как были друзьями, хотя за пять лет я не слышала от них ни звука.

Быстро принимаю душ, открываю шкаф с одеждой и понимаю, что ничего из того, что там висит я больше надеть не могу, плевать, что это уже старье, я просто не хочу носить эти дурацкие вещи, за которые в прошлом я могла бы убить. «Шанель», «Диор», «Прада», «МакКуин». Захлопываю дверь шкафа, расстегиваю чемодан и достаю оттуда обычные синие джинсы и черную свободную футболку. Поджег вещей сможет подождать, пока не куплю что-то новое буду носить это. В любом случае, от прошлого не избавиться и никакая одежда и ее уничтожение ничего уже не сможет изменить.

Оставляю волосы сохнуть естественным путем, больше ни минуты не хочу находиться в этом доме, который успел стать чужим. До встречи с Лиз еще полтора часа, прогулка на

свежем воздухе мне не мешает, и этот страх который вселился в меня так глубоко, что не достать, я обязана прогнать. Ничего ведь не случится со мной, если я выйду на улицу? Встречусь со старыми знакомыми? Это плохая идея, я знаю, но мне нужно начать заново свою жизнь, я не могу сидеть взаперти, с меня хватит.

— Куда ты идешь? — Окликает отец, когда я спускаюсь по лестнице.

— Гулять. Нельзя?

— С кем?

— Какая разница?

— С кем? — Требует он.

— Одна.

— Иди. Ненадолго. К ужину, чтобы вернулась.

— Я приду в одиннадцать.

— В десять.

— Мне двадцать два, я сама могу решить.

— Мы слишком много тебе позволяли раньше, ничем хорошим это не закончилось.

— Теперь будете держать меня взаперти, а?

Отец молчит какое-то время, а затем видимо, решает, что нет смысла со мной спорить.

— Иди.

И я иду.

— Карен, вещи Саманты для стирки, в ее комнате.

— Хорошо, сэр.

Я останавливаюсь у двери, медленно оборачиваюсь и сверлю отца глазами. С каких пор я перестала быть Лу и стала Самантой? Глупый вопрос. Наверное, с того самого дня, когда покинула этот город, а может раньше, когда устроила эту дурацкую вечеринку в честь своего отъезда.

Глава 2

«Еллоу Бич» — последний раз я здесь была по поддельным документам. Хоть в городе все знали, кто я, и охрана прекрасно понимала, что если я учусь в школе — мне нет двадцати одного, а значит мои документы — подделка, они делали вид, что не в курсе всего этого. Сейчас, все по-прежнему знают, кто я и, документы на входе уже не требуют, хотя я немного изменилась, но мое лицо помнит каждый. Здесь шумнее, чем раньше, людей больше и все они что-то кричат, звучит так, словно они орут так долго, что сорвали себе глотки. Прежняя сцена, раньше на ней играл Крэг Чип — местный ди-джей, сегодня это какая-то группа, состоящая из трех парней и одной девушки. Из-за гула народа и громкой музыки я не могу разобрать, что они поют, похоже на альтернативу, не знаю... Никогда раньше не слушала такое. Смотрю на часы, уже десять, нужно найти Лизи. Проталкиваюсь сквозь толпу, задеваю кого-то плечом. Раньше бы я свалила все на того, кого сама двинула, оскорбила и выкинула еще какую-нибудь гадость, сейчас я просто извиняюсь и иду дальше. Задеваю еще кого-то.

— Осторожней.

— Извините.

— Куда прешь!

Господи, что я здесь делаю?

Пробираюсь недалеко от сцены, останавливаюсь, оборачиваюсь по сторонам. Все так

завороженно наблюдают за группой на сцене, они поют их песню, девушки вокруг визжат, когда солист снимает с себя бейсболку и кидает в зал. Им это нравится, а мне не очень, потому что в погоне за этой штукой толпа девушек почти сбивает меня с ног. Поднимаю голову, замечаю довольную ухмылку солиста. Идиот.

Музыка замолкает, парень с гитарой на сцене подходит к барабанщику, затем к девушке, судя по всему, бэк-вокалистке, что-то шепчет им, зал заливадается новым потоком музыки, клавишник кивает солисту, а тот в ответ довольно улыбается.

Разбуди, разбуди

Скажи, что ты не сон

Разбуди, разбуди

Вдыхай мое тепло

Шепчет он. Одна его рука плавно касается микрофона, вторая «ползет» вниз по стойке.

Господи, смотрит на меня.

Ты возвращаешься

Теперь ты стоишь предо мною

Ты окисляешься, в сосудах моих нет покоя

Когда ты рядом мой пульс дрожит и грохочет,

но я-то знаю, что ты этого не хочешь

Смотрю по сторонам. Вокруг меня полно людей, не обязательно, что он смотрит именно на меня. Та Лу, пять лет назад именно так бы и подумала «Он смотрит на меня, потому что я лучшая в этом зале, потому что он хочет со мной замутить, мне приятно, но я занята, дружок».

Мой мир сомкнулся на тебе,

Тебя ищу глазами

Ты отражение планет

Ты яд в крови

Ты дым над облаками

Сейчас нет. Если этот парень на сцене и смотрит на меня то, по какой-либо нелепой случайности. Да, он не сводит с меня взгляд уже минуты две, и это случайность. Я не такая уж и привлекательная. Обычная, ничем не выделяюсь.

Ты смерть

Твоя душа покрыта мглой

Ты враг

Я не хочу тебя такой

Мурашки покрывают мою кожу. Дрожь пробежала по моему телу, когда этот парень начал петь и когда закончил, так, словно он разговаривал со мной в этот момент. Это все эффект громкой музыки, и я не понимаю, отчего эти дуры в зале так реагируют. Ну, симпатичный он, да и только, смазливый мордашка, каштановые почти черные спутанные волосы, чем-то похож на азиата, но явно он из «наших».

— Дорогие друзья, спасибо, что пришли, эти вечера здесь воистину особенные, потому что это наш родной город, мы здесь родились и выросли, и я знаю в лицо почти каждого из вас. Приходите в следующую субботу в это же время, наша Кэндис хочет представить вам пару своих сольных песен. — Кивает на бэк-вокалистку, а та смущенно смотрит на него в ответ. — Спасибо еще раз, развлекайтесь.

Продвигаюсь вдоль сцены, следуя за солистом группы, которого явно где-то видела. Он

местный, а значит, точно знаю его. Спрыгивает со сцены, идет вперед, судя по всему в служебку, медленно иду за ним. Резкий разворот. Ступор.

— Ты заблудилась?

— Нет...ээ. Я просто..

— Что? — Он уже не выглядит таким милым, каким был на сцене. Словно все его улыбки, стрельба глазами лишь игра на публику, а на самом деле он устал от всех этих людей.

— Мы знакомы с тобой? — Набираюсь смелости.

— Может быть.

— Мне кажется, я тебя где-то видела.

— Не удивительно, каждый вы этом зале видел меня.

— Я не это имею ввиду. Я... в общем, ты типа популярный, да? Меня не было здесь пять лет и, я не знаю о тебе и твоей группе абсолютно ничего, просто ты показался мне очень знакомым, а еще ты смотрел на меня. Вот. — Выдыхаю.

— Смотрел на тебя? — Удивляется. Я бы даже сказала, насмехается.

— Да.

— Тебе показалось.

— Нет.

— Да. — Издевается?

— Ты пялился на меня целых две минуты, так что... — Слышу, как повышаю голос, а затем звонкий заразительный, но мне не понятный смех раздается из уст парня напротив. Он подходит ближе и протягивает мне руку.

— Николас, можно просто Ник. Я действительно смотрел на тебя, потому что твое лицо тоже показалось мне знакомым. Кажется, мы учились в одной школе. Как твое имя?

Качаю головой.

— Если бы мы учились в одной школе, ты бы знал мое имя.

— Правда? Но я не знаю. Извини, плохая память на имена. И к тому же, я уехал за год до того, как выпустился твой класс. Ты на два года старше, училась у миссис Макбетт, верно?

Он знает обо мне больше, чем я о нем. Сейчас это кажется странным, но я не придаю значения, потому что раньше я бы больше удивилась тому, что он вообще обо мне ничего не знает.

— Лу. Луиза. Лу. — Протягиваю руку в ответ.

— Ник. — Девушка с ярко-рыжими волосами окликает парня, презрительно, пялясь на меня.

— Я сейчас, Кэн, скажи Дугласу, что я жду его фирменный шот.

— Хорошо.

— Приятно было познакомиться, Лу.

Такой счастливой при звуке собственного имени, я никогда прежде не была. Отец называет меня именем, которое я ненавижу, мать вообще еще никак не обратилась ко мне, а больше ни с кем я и не разговаривала, и мне так важно, чтобы кто-то назвал меня по имени.

— Взаимно. — Стараюсь скрыть улыбку.

Он уходит, а затем резко останавливается.

— Кстати, если хочешь быть незаметной, придется смыть эту красноту с волос.

— Что? — Провожу рукой по волосам.

Ник больше ничего не говорит, не останавливается, словно и не слышал звук моего голоса. Узнал ли он меня? В смысле, насколько много ему обо мне известно? Если, по его словам, он уехал на год раньше, чем я окончила школу то, он ничего вовсе не знает. Если бы знал, не беседовал бы так мило, вообще бы не разговаривал с такой как я, с такой, какой меня теперь видит этого город.

— Не связывайся с ним. — Знакомый голос, позади, возвращает меня в реальность.

— Лиз. Лизи. — Набрасываюсь на нее и крепко обнимаю, вдыхая привычный аромат ее каштановых длинных волос.

— Ты меня задушишь.

— Ты все еще пользуешься миндальным маслом.

— Я заказала столик, у нас есть полчаса, прежде чем придет Кэтрин и..

— Ребекка. — Продолжаю я.

— Нет, парень Кэтрин.

— У нее постоянные отношения? Наша Кэти, кажется, выросла. — Говорю это, а сама понимаю, что не должна была. Я права в том, что Кэтрин швырялась парнями, как перчатками, в разные стороны, но я ошиблась в том, что назвала ее «нашей», нет больше никаких нас. — Как Ребекка? — Перевожу тему, пока поднимаемся по узкой лестнице на пристроенный второй этаж клуба.

— Мы не общаемся. Осталась только я и Кэтрин.

— Почему?

Никогда бы не подумала, что из всего нашего «стервятника» вместе останется только Кэтрин и Элизабет. Лиз больше подходила мне, а Кэтрин и Бекка были почти одинаковы для меня. Если разбить нашу дружбу по парам то, так бы правильно все и сложилось: Я и Лизи, Ребекка и Кэти, но судьба распорядилась иначе. Я первый день в городе, а уже чувствую себя изгоем.

— Это сейчас не имеет значения. Ты зачем приехала, Лу?

— Я думала, ты рада меня видеть, Лиз.

Молчит. Перекидывает ногу на ногу, цокает языком.

— Это больше не школа, не твой маленький мирок, в котором ты правишь. Тебе стоило остаться в Лондоне.

— Ты понятия не имеешь, чем я занималась все эти годы.

— Знать не хочу. Подумать только... Как ты собираешься жить... здесь? Каждая собака знает тебя в этом городе.

— Тот парень из группы — нет.

Лизи искоса смотрит на меня и фыркает.

— Я здесь ради тебя. Было бы плевать — не пришла. Просто... будь осторожней, раз уж намерена здесь остаться, и не связывайся с Николасом Янгом.

— Парень из группы?

— Угу.

— Почему же?

— Просто совет.

Янг, значит. Откуда же я тебя знаю, Николас Янг?

— Тебе пора, Лу. — Спокойно говорит Лиз, и я испытываю толику злости на нее. Зачем я вообще сюда приходила?

— Так значит, дружбе конец, из-за того что..

— Из-за того что, не было никакой дружбы. — Она не дает мне договорить то, что я собиралась сказать и, слава Богу, потому что я не хочу произносить вслух то, о чем постоянно думаю последние годы своей жизни. — Школа закончилась, нам больше не нужно строить из себя местных королей с завышенным самомнением, а людям больше не к чему прикидываться твоими преданными фанатами. Ты не понимаешь? Роль стервозных дурочек окончена. Все. Конец.

Встаю.

— Не могу поверить, что слышу это.

— Поверь.

Теперь она даже не смотрит на меня, отвела взгляд в сторону, и это обычно для нее означает: разговор окончен, проваливай. С силой отодвигаю ногой стул, чтобы показать, что для меня этот разговор не входит в рамки удовлетворительного. Металлические ножки звонко соприкасаются с кафелем на полу, я не собиралась привлекать внимание таким образом, но люди вокруг сразу заметили упавший стул. Не останусь здесь больше ни на секунду. Задрвав подбородок кверху, я с отвращением фыркаю в сторону уже бывшей подруги и быстро ухожу. Спускаюсь вниз по лестнице, почти бегу, пробираюсь через толпу на первом этаже, задеваю кого-то плечом.

— Осторожней. — Знакомый голос. Дрожь по телу. Нет, я бы сказала зуд, зуд презрения, злости и чего-то еще, того, что давно уже должно быть забыто. Я любила его. Никогда раньше не признавала этого, но я любила. Мы были шаблонной парочкой, мальчик и девочка с картинки. Встречались потому что идеально подходили друг другу, потому что нам обоим нравилось чужое внимание, сплетни о нас, возгласы ненависти, зависти и восхищения. Это были отношения «по контракту». Фиктивные, на первый взгляд, но я любила его.

Убираю локон красных волос за ухо, тем самым открывая лицо. Даже в темноте вижу, что глаза Дени округляются, а Кэтрин, стоящая рядом с ним, противно хихикает. Нервно сглатываю, смотрю на одного, затем на другую. Лизи сказала, что придет Кэтрин со своим парнем? Я не ошиблась? Нет. Не могу поверить. Кэти и Дени? Мой Дени и моя Кэти? Он ненавидел ее, он на самом деле ненавидел ее. Врал? Врал мне. Должно быть, он всегда врал мне.

— Уйди с дороги, Сэм. — Кэтрин произносит мое имя с насмешкой, прекрасно понимая, что я терпеть его не могу.

— Ты разжирела в мое отсутствие, Кэти? — Цокаю языком. — Здесь полно места.

— Прекратите. Обе. Можно тебя на минуту? — Он обращается ко мне, я со всей яростью во взгляде, плююсь на него.

— Ну, уж нет. — Встревает бывшая подруга.

— Кэтрин. — Мягко произносит Дени, как бы говоря: «все хорошо, милая». Предатели. Оба.

Он кивает мне и направляется к выходу, я следую за ним, пока Кэтрин строит недовольное лицо. Мы выходим на улицу и, Дениел резко хватает меня за предплечье, уменьшая расстояние между нашими телами. Он почти не изменился, волосы стали чуть короче и кажется, немного посветлели, должно быть выгорели на солнце. Я любила запускать в них пальцы, наматывать локон за локоном, утыкаться носом в его голову, засыпая на его кровати, когда дома никого не было. Это были искренние моменты, ни к чему не обязывающие. На публике мы были другими: пафосными и высокомерными. До сих пор

ТОШНО.

— Какого черта, ты здесь делаешь, Луиза?

— Пришла повеселиться.

— В городе, что ты делаешь в городе? — Требуется он.

— Я здесь живу, если ты забыл.

— Ты уехала в Лондон.

— Ага. Пять лет назад.

Удар под дых. Лондон. Пусть Дени думает, что мне все так легко далось, не позволю думать иначе.

— И что, черт возьми, с твоими волосами? — Дотрагивается рукой до кончиков моих волос, которые теперь едва достают до плеча.

Мои русые длинные локоны остались там, где и прежняя Лу, они исчезли, растворились, они больше не могут принадлежать той, кем я стала, я больше не она.

— Кэтрин, значит?

Молчит. Смотрит.

— Я отвезу тебя домой.

— Нет. — Твердо, уверенно. Спятил? Наверняка.

— Лу..

— Не смей произносить мое имя, Дениел Харт.

— Хорошо, Сэм, хорошо. Просто предупреждаю, не путайся под ногами, не подходи к Кэтрин.

— Ты надеялся, что я не вернусь, а может и, вообще, умру, да?

— Я скажу Кэти, что нужно отвезти тебя домой, не стоит гулять здесь одной.

Словно не слышит, о чем говорю.

— Она не одна. — Голос, прозвучавший позади меня, заставляет меня засунуть свой язык куда подальше и не произносить то, что я собиралась сказать. — Какие-то проблемы?

— Нет, все в порядке. — Натягиваю улыбку.

— Вы знакомы? — С подозрением интересуется мой бывший бойфренд.

— Луиза моя подруга, а ты? — Наглости и самомнения ему не занимать. Даже такой, как Дениел осядет перед натиском этого взгляда.

Теперь мой бывший парень смотрит на меня так, словно я предала его, переспала с его лучшим другом, пока мы встречались или что-то такое... так будто я растоптала все его надежды на будущее. Он больше ничего не говорит и уходит, возвращается обратно в клуб, к Кэтрин. Боже, не могу поверить.

— Извини, я, кажется, взбесил твоего парня. Будут проблемы?

— Что? Нет. Он не мой парень.

— Нет? Было похоже..

— Нет. — Резко отвечаю я, а затем корю себя за это. Дурацкая привычка срывать злость на невинных людях.

— Хорошо. Подвезти домой?

— Спасибо, сама как-нибудь.

— Ладно, понимаю, мы мало знакомы, было бы странно, если бы ты так сразу села в мою машину.

— Не из-за этого. — Бормочу я, думая о том, почему вообще здесь нахожусь. Поднимаюсь вверх на горку, по мощенной тропе, чтобы выйти к дороге и попасть домой,

краем глаза слежу, чтобы этот не поперся за мной. Хотя, это глупость.

Больно знакомое у него лицо, и он не из моего бывшего круга общения, а это либо лузер, либо я не знаю... потому что на лузера он уж точно не похож. Он высок, почти на две головы выше меня, относительно... да, относительно симпатичен, может быть красив, смотря с какой стороны посмотреть. «С любой, Лу, с любой» — Шепчет мое подсознание. И я успела заметить его карие, почти черные глаза. Кто же ты?

Могла бы я остаться в другом городе, может даже, в другой стране? Наверное, могла бы, но я снова вернулась сюда, потому что если уеду, это будет означать побег, побег от самой себя, а от себя нельзя сбежать. Я должна быть здесь, я должна научиться справляться со всем, что меня ждет, тогда я, возможно, наконец, смогу найти себя.

Глава 3

Он едет за мной. Думает, я не замечаю? Даже слепой мог бы увидеть. Останавливаюсь, черный «Ягуар» тормозит рядом со мной.

— Я тебя вижу. — Говорю я, приняв позу «руки в боки»

— И? Я и не собирался прятаться. — Несмотря на мой гнев, его улыбка заставляет меня расслабиться.

— Зачем едешь за мной?

— Уже поздно.

— И? Как это связано с тобой?

— Твой парень оставил тебя одну.

— Он... Дениел не мой парень, ясно? Он встречается с моей подругой, бывшей подругой.

— Вот. Ты расстроена, и ты отказалась, чтобы я тебя подвез, поэтому позволь просто проводить, я буду ехать сзади и не помешаю.

— Чего ты хочешь? — Сужаю глаза. — То есть, почему я? Там была еще куча девушек, посимпатичнее.

Смеется.

— Я так не думаю.

Это намек на то, что я симпатичная или что? Мне вообще-то все равно.

— Ты маньяк?

— Это вряд ли.

— Ладно, езжай, куда хочешь.

Разворачиваюсь на пятках и иду дальше, пытаюсь не думать о парне, который преследует меня на своей машине.

— Эй, Луиза Хейл, как Лондон, сучка? Я думал, ты сдохла там. — Кто-то выкрикивает из окна проезжающего автомобиля. Всматриваюсь. Бретт Томпсон, у нас был совместный английский в школе. А так же он друг Дениела, и он тоже был на той вечеринке в честь моего отъезда.

Не обращаю внимания, не останавливаюсь. Слышу звук, приближающейся машины.

— Почему он так с тобой разговаривал?

— Не знаю. — Резко отвечаю я.

— Не позволяй. Никому.

— Мне плевать.

— Не плевать.

— Послушай. — Резко торможу. — Отвали от меня, понял? Я не твоя фанатка и песни у тебя отстой и голос твой как..

— Как что? — Улыбается.

— Ничего, просто исчезни. Нам не по пути.

Дальше я шла, не обращая внимания на едущего за мной Николаса. Я не обернулась в его сторону, чтобы сказать «спасибо» или просто попрощаться. У меня действительно дерьмовое настроение, и я чувствую, что это только начало.

Дома меня никто не встречает, кроме новой гувернантки (даже не помню ее имени), но когда поднимаюсь по лестнице к себе в комнату, слышу голос отца позади.

— Ты опоздала на ужин.

— Я не голодна.

— Нужно поговорить, мы с мамой ждем тебя в моем кабинете, через пятнадцать минут.

— Хорошо.

Интересно, что хотят сказать мне эти люди? Я больше не чувствую их заботы, словно попала в приемную семью, которая была вынуждена меня взять.

Открываю дверь комнаты и сразу нажимаю выключатель справа на стене, свет загорается и, я вздрагиваю.

— О, Господи.

— Это просто я.

— Да, ты. Что ты тут делаешь?

— Тихо.

Дениел встает с моей кровати, смотрит в окно, затем с обеспокоенным видом в глазах подходит ко мне, я отступаю назад, упираясь спиной в дверь.

— Ты боишься?

— Нет. Как ты вошел?

— Дал твоему дворецкому сотню.

— Скажу родителям, чтобы уволили его.

— Не нужно. Пожалуйста. Не хочу никого подставлять.

— Правда что ли?

— Я уйду.

— Конечно, ты уйдешь.

— Хотел всего лишь поговорить. — Проводит ладонью по лицу, я складываю руки у себя на груди и жду, что скажет мне этот предатель.

— В общем... Луиза... — Выдыхает. — Я хотел тебя попросить..

Усмехаюсь. Конечно, я знаю, о чем он пришел просить, это дураку понятно, мне стоило ожидать его появления рано или поздно.

— Я знаю, зачем ты здесь. Я не за этим вернулась, я просто приехала домой.

Он обсматривает меня с ног до головы.

— Кажется, ты похудела.

— Не твое дело.

— Я и Кэтрин..

— Плевать.

— Луиза. Я и Кэтрин. — На мгновение замолкает. — Она знает.

— Знает? Какая мне разница?

«Она знает». Да, мне плевать, но... Откуда? Ее не было. Кэтрин не было с нами, а я

никогда ничего не говорила, не проронила ни слова, даже не успела.

— Ты не понимаешь.

— Не понимаю? Ты сам рассказал ей, а теперь пришел похвастаться мне об этом.

— Клянусь, я не говорил, и я знаю, что ты не говорила. И прошу тебя, давай так все и оставим.

— Сегодня Бретт Томпсон назвал меня сукой и сказал, что думал, будто я сдохла. Это мой первый день в городе, я надеюсь, ты понимаешь, что меня ждет.

— Я разберусь с этим. Никто из школы не будет тебя травить. Раз уж ты вернулась... Хотя не стоило, тебе нужно было остаться в Лондоне, Лу, так бы было лучше.

Его глаза говорят о том, что он беспокоится, очень, но я знаю, что они врут, поэтому злюсь вдвойне.

Издаю истерический смешок, отворачиваюсь, а затем снова поворачиваюсь.

— Я никогда не была в Лондоне! — Выплюываю то, что не должна была то, что хотела хранить втайне ото всех до конца своих дней. Наблюдаю за реакцией Дени, он не понимает, его лоб образует две тонкие складки, а глаза предательски округляются, замечаю, как вздрагивает его кадык.

— Что ты сказала?

— Никогда. Ясно? Никогда.

Направляюсь в сторону кровати, сажусь на край, тяжело дышу, закрываю лицо руками.

Дениел опускается передо мной и убирает своими руками мои руки, смотрит, наверняка, теперь уже в раскрасневшееся лицо. Я облажалась, в первый же день.

— Луиза.

— Ничего не говори. Я хочу, чтобы на этом все закончилось, ты занимаешься своей жизнью и жизнью своей девушки, я занимаюсь своей.

— Я бы с радостью плюнул на все и вернул прошлое обратно, я бы с радостью забил на эти прошедшие бессмысленные пять лет моей жизни, но я не могу, не могу... — Проводит кончиками пальцев по моему лицу, закрывает глаза. — Ты нечто большее, чем моя школьная подружка, Лу, я никогда не говорил, но хочу, чтобы ты знала.

Я тоже никогда не говорила и, наверное, никогда не скажу, потому что больше это не имеет смысла, мое сердце разорвано в клочья и, ты разорвал его, Дениел Харт.

— Мы с тобой так и не попрощались. — Единственное, что я произношу в ответ.

— Хм?

— Когда я уехала, мы не попрощались, Дени. — Быстро вытираю слезу скатившуюся по щеке. — Настало время это сделать.

Кивает.

— Луиза!

Вздрагиваю, смотрю на бывшего парня.

— Уходи, родители не должны видеть тебя здесь. Сейчас иду, мам! Когда вернусь, чтобы тебя тут не было. Прощай, Дени.

— Не говори никому, что я приходил.

Теперь он вызывает у меня еще большее отвращение. Встаю, последний раз заглядываю в его глаза, читаю в них страх, недоверие и что-то еще.

— Исчезни до того, как я вернусь.

Выхожу, громко хлопаю дверью.

— Маам!

— Спускайся вниз.

Делаю, как она велит.

Мама стоит, опершись плечом на дверной косяк отцовского кабинета, сверлит меня взглядом.

— Меня не радуют твои изменения, чтобы ты знала. — Кивает на волосы. — Не хочу говорить об этом при отце, он итак подавлен. Я надеюсь, в скором времени бунт закончится и, ты вытащишь хотя бы это ужасное кольцо из носа.

— Это не бунт.

Никакой это не бунт, это моя новая внешность, моя новая жизнь.

— Проходи. — Открывает дверь, пропускает меня вперед, я сразу же замечаю отца, сидящего в своем кожаном дорогом кресле. Мама идет к нему и становится рядом, кладет руку ему на плечо, в ответ, он кладет свою сверху. — Присаживайся.

— Я постою.

— Луиза. — Предупреждающе произносит мать, и я рада, что хотя бы она не называет меня моим вторым именем.

Сажусь в кресло, потираю вспотевшие ладони о джинсы. Интересно, этот идиот смог уйти из моей комнаты? Если нет, сдам его полиции за незаконное проникновение в дом.

— Что-то случилось?

— Случилось. — Спокойно отвечает отец. — Но не сейчас, ты и сама знаешь.

— Генри. Луиза, ты помнишь, что говорила тебе миссис Такер? — Мама старается быть со мной помягче, а вот отец... Мне больно видеть то, как он на меня смотрит. Он не смог получить дочь своей мечты, дочь, которой смог бы гордиться.

— Эта женщина много чего говорила.

— Тебе нужно чем-то заняться. С пользой проводить время. Интересная работа.

— Угу.

— И мы нашли тебе такую.

— Работа?

— Да. Будешь работать на ферме. Здорово, правда? Да, Генри? — Толкает папу локтем.

— Да, это лучшее, что пока для тебя можно найти. Миссис Такер сказала, что общение с животными благоприятно повлияет на твоё здоровье и душевное состояние.

— Я в порядке.

— Это не обсуждается.

— Ферма? Серьезно, мам?

— Ты не ослышалась.

— Никто в этом городе даже..

Отец не дает договорить мне:

— Мы все решили. Ближайшая ферма в паре километров от города, ты будешь проводить там несколько часов в день.

— Как долго?

— Как только осознаешь, что чувствуешь себя лучше.

— Я же сказала, что в порядке.

— Судя по тому во что, ты себя превратила — нет! — Папа повышает на меня голос, пожалуй, впервые в жизни. Обычно он сдержан, даже если очень зол, он умеет это скрывать.

— Хорошо. — Киваю, сглатывая собравшийся в горле ком. — Ферма так ферма.

Глава 4

Около сорока минут мы ехали по городу, преодолевая небольшие пробки в центре, связанные с аварией у сквера на «Таун Риз», еще минут пятнадцать добирались до фермы, на которую мои родители решили устроить меня работать. Отец всю дорогу молчал, я старалась не смотреть в окно, чтобы не видеть тех людей, которые не хотели бы видеть меня. Сердце гулко застучало, когда мы приблизились к месту назначения. Ферма казалась не очень большой: маленький по сравнению, с нашим, кирпичный домик с простирающимися вокруг загонами для животных и большим огородом и все это огорожено примерно полуметровым деревянным забором. К нам вышла женщина среднего возраста, похожая на прислугу, но скорее всего это и есть хозяйка фермы. На вид ей около пятидесяти, но по факту кажется меньше. Ее лица еще не сильно коснулись морщины, но ее давно неокрашенные волосы, легкая седина на висках, уставший вид и сухая кожа рук, говорит о том, что женщина просто не следит за собой.

— Здравствуйте миссис Макэвой.

— Можно просто Кайла. Здравствуйте. — Ровным безразличным тоном, отвечает хозяйка дома.

— Это моя дочь Саманта. — Отец кладет руку мне на спину и проталкивает вперед, заставляя чувствовать меня не в своей тарелке.

— Луиза, пожалуйста. — Прокашливаюсь. — Меня зовут Луиза. — Миссис Макэвой бросает взгляд от меня к моему отцу, который никак не реагирует на сказанное.

— Во сколько она должна быть у вас и как часто?

— Пять дней в неделю, я думаю с десяти до трех часов вполне достаточно. Не хочу отнимать у девочки ее время.

— Ну что вы, Луиза... — он так выделяет мое имя, словно оно становится комом в его горле, — Любит животных, для нее радость находиться здесь. — Продолжает он.

Если бы я в этот момент что-то пила или ела то, наверняка поперхнулась бы.

— Хорошо, но все же, этого времени достаточно.

— Здесь есть автобусы, которые идут в город?

— Да, три раза в день.

Он хочет, чтобы я ездила на автобусе? Лучше не придумашь. Если я встречу кого-то из знакомых... Наверняка, они будут пялиться, в лучшем случае.

— Отлично. Ну, что, оставляю ее Вам, Кайла. — Отец пожимает женщине руку и возвращается к машине, чувствую себя одной из овец, которые наверняка здесь имеются.

— Я..

— Ничего не говори. Иди за мной.

Делаю, как она велит, шагаю по тропе, ведущей к дому. Я бы сказала, что здесь свежий воздух, если бы так не воняло фекалиями и прочей деревенской гадостью. От чего, так это от безгливости я за прошедшие пять лет так и не избавилась.

Дверь со скрипом открывается, я немного любопытничаю, оглядываясь по сторонам, — признак невоспитанности, как говорит мама. Может быть.

Коричневые деревянные окна, расположенные друг напротив друга, старая кресло-качалка в углу, по левой стороне стены стоит диван, засланный серым шерстяным покрывалом, и наконец, первое, что я заметила — квадратный столик у чего-то, что похоже на камин. Пол деревянный и немного поскрипывает, когда я наступаю на него. Запах в доме приятный: еда, домашняя еда, а еще легкий аромат цветов, видимо тех орхидей, которые

стоят на подоконнике.

Миссис Макэвой резко разворачивается ко мне лицом и смотрит в упор.

— Я знаю, кто ты, так что, чем меньше ты болтаешь, тем лучше.

Мое сердце делает сотню оборотов вокруг желудка. Что это значит?

— Вы... эмм..

Не могу этого произнести.

— Я не знаю, зачем тебе это, но если хоть одно из моих животных или даже растений пострадает я..

Теперь мне, на самом деле становится не по себе. В таком случае, ты думаешь, куда еще хуже? Но бывает и хуже, поверьте, я заставлю вас в этом убедиться, когда моя история подойдет к завершению.

Вздрагиваю, не от скрипа двери, а от прозвучавшего мужского голоса за спиной.

— Привет, мам.

Оборачиваюсь.

— Луиза? — Его брови почти сходятся на переносице, глаза кажутся еще темнее, чем я видела их прежде. Он запомнил мое имя. И... он преследует меня? Нет, о, Господи. Что он сейчас сказал? «Луиза», да это мое имя. Нет. Если перемотать еще дальше... «Привет, мам». Нет, нет и нет, и еще раз нет. Хочется убежать.

— Вы знакомы? — Интересуется женщина, ее голос звучит грубее, чем прежде.

— Виделись пару раз. — Говорю, прежде чем открывается рот Николаса.

Интересно, он живет здесь? Мамочки, что происходит? Не понимаю, почему этот парень нагоняет на меня страх. Чувствую, что ничего хорошего из этого не будет. Неужели это совпадение? Я здесь, на этой ферме, а его мать ее хозяйка, хочется под пол провалиться.

— Я говорила, тебе о девушке, которая хочет работать у нас.

Наконец, на лице брюнета появляется легкая улыбка.

— Я пойду, заглушу машину и вернусь.

Разворачиваюсь на пятках.

— Держись подальше от моего сына.

— Он..

— Он не знает, кто ты, поэтому не смей портить ему жизнь.

Ха..

— Это он, он..

— Что? Даже не думай, девочка.

— Мне нет никакого дела до вашего сына, мы виделись всего-то раз.

— Вы учились в одной школе, но это не важно. Я благодарна Богу, что еще в то время, он не связался с такой, как ты.

— Что я вам сделала? — Почти пишу.

— Ты, правда, об этом спрашиваешь? Ты..

Сердце все еще грохочет. Нет, не говори, не произноси это.

Дверь снова открывается, слава Богу. Этот кретин спас меня от своей мамы.

— О чем болтаете, девушки?

— Рассказываю Луизе, какой у меня замечательный сын.

— Маам.

Женщина встает на носочки и целует Николаса в лоб, тот лениво улыбается.

— Ты голоден?

— Нет, спасибо.

— Луиза?

— А? Что?

— Ты голодна?

Уверена, она спрашивает это, потому что ее сын здесь. Эта женщина, будь ее воля, уморила бы меня с голоду.

— Ох, нет, я завтракала. Спасибо.

— Хорошо, тогда я покажу тебе ферму и расскажу об обязанностях. Сынок, теперь когда есть Луиза, ты можешь вообще не помогать здесь, сможешь больше уделять время музыке.

Я слышу этот намек, она не хочет, чтобы мы виделись, словно я могу отрицательно повлиять на него..

— Ты же знаешь, что мне нравится тут. Я буду здесь, как можно чаще, теперь... — Он смотрит и меня как-то слегка передергивает, и кажется его мать тоже. — Я бы мог тебе предложить работу у нас, точнее в клубе, где мы часто выступаем, можно договориться.

Пялится на меня.

— Луиза просто любит животных, поэтому она здесь. — Встревает миссис Макэвой.

У них разные фамилии.

— Правда? — Делает вид, что ему интересно.

— Угу. — Мычу я, сглатывая дурацкий ком.

— Я покажу тебе здесь все, пойдем.

— Нет. — Ее голос, словно грохочущий гром.

— Все нормально, мам, мне не сложно.

— Ладно, только быстро, нужно поговорить.

— О чем?

Обо мне, конечно. О чем же еще. Она расскажет ему, наверняка расскажет. Мне должно быть плевать, но мне страшно.

— Ничего особенного, идите.

Николас пропускает меня вперед, когда выходим во двор.

— Я бы и не подумал, что ты любишь все такое..

— Какое?

— Грязь, животные. У нас есть свиньи, ты знаешь? Они очень грязные.

— Ты меня не знаешь.

— Ты права. Надеюсь, мы познакомимся..

Останавливаюсь, складываю руки на груди.

— Чего тебе?

— Что? — Делает вид, что не понимает, улыбается. Ей-богу, как ребенок. Познакомься я с ним раньше, никогда бы не подумала, что он солист рок-группы. Его улыбка, кажется, может озарить всю планету, а его бледная кожа дает сильный контраст с его растрепанными темными волосами и глазами лани. Выгляжу я на его фоне даже грубее, чем та девица из его группы.

— Что ты от меня хочешь?

— Ничего.

— Ты со всеми девушками себя так ведешь?

— Может быть. — Снова улыбка. Идиот.

— Показывай ферму и расскажи об обязанностях, а потом проваливай.

— Хорошо. Иди за мной.

Иду. Останавливаемся у чего-то похожего на конюшню, в фильмах она выглядит именно так, по крайней мере.

— У нас две лошади и два коня. — Открывает маленькие створки — подобие дверей, идет вперед, следуя за ним.

— Они должны быть всегда накормлены, напоены и в чистоте.

— Чистоте. Ты имеешь виду?..

— А ты как думала, будешь убирать за ними.

Усмехается. Кажется, заметил мою мгновенную эмоцию отвращения, которую невозможно было скрыть.

— Не пугайся, я часто здесь. Если мама будет нагружать работой, я спасу. Это Герцог.

Указывает на белого шикарного коня с идеально вычесанной блестящей гривой.

— А это Герцогиня.

У меня вырывается смешок. Ловлю на себе взгляд Николаса.

— Вы назвали лошадей Герцог и Герцогиня?

— А что? Они выглядят благородно.

— Согласна.

— Томас. — Следующий конь, который вообще не обратил на нас внимания, когда мы подошли. — Вообще-то ему бы подошло имя Зануда, но я назвал его Томасом, потому что мой зануда — одноклассник носит это имя.

Чувствую, что улыбаюсь.

— Это Тиффани.

— Какая красивая. — Ее шелковая грива блестит больше, чем мои волосы, даже когда я еженедельно посещала салон красоты.

— Хочешь прокатиться?

— Я?

— Да, ты.

— Нет.

— Не умеешь?

— Умею, конечно. Просто... просто... Я здесь не для этого. Ты не все еще мне показал и..

— И что? Да брось, она тебе понравилась, уверен, ты ей тоже.

— Нет, это плохая идея. — Отступаю назад, Николас ловит меня за руку, думаю, он заметил мой страх. Смотрю на наши руки.

— Всего один круг по лесу, я возьму Герцога. Давай.

— Я давно не ездила, да и они меня не знают еще..

— Тиффани очень дружелюбная.

Он тащит меня за руку вперед, открывает большой деревянный короб и достает оттуда седло, вручает мне, затем достает второе — для себя.

— Я напомню тебе, это не сложно.

Не сложно? Я в ужасе. Я боюсь этих животных до смерти. А если она укусит или еще что хуже? Я не могу озвучить эти мысли. Если уж врать то, до конца. Действительно, что сложного? Я просто сяду на эту милую лошадку и, она повезет меня. Правда?

Господи, что я здесь делаю? Побереги мои нервы и мою маленькую ничемную жизнь. Может, я еще кому-то могу пригодиться. Вряд ли. Боже, спаси. Какая ужасная идея, самая ужасная идея в моей жизни. Интересно, Николас видит, как меня трясет или это только мой внутренний страх?

— Т..воя. эмм. твоя мама не будет против, что я в первый же день залезла на вашу лошадь?

— Она будет рада, их давно никто не выгуливал. Веди себя достойно, леди Тиффани. — Гладит лошадь по гриве, нежно пропуская длинные пальцы сквозь ее блестящие локоны.

— Не подгоняй ее, я буду позади, Герцог не любит когда его преследуют, у него своего рода паранойя на этот счет. — Улыбается.

— Хорошо. — Киваю.

Все нормально, Лу, это просто лошадь.

Слегка встряхиваю поводья, надеюсь это правильно, Тиффани начинает идти, я невольно улыбаюсь, как ребенок при виде пушистого котенка и, оборачиваюсь к Николасу, он улыбается в ответ.

Ничего сложного.

Мы идем по узкой лесной тропе, направляясь куда-то, понятия не имею куда, очевидно, что Тиффани ведет меня, а не я ее.

Спуск под гору. Господи, помоги. Закрываю глаза, руки трясутся. Открываю снова. Лошадь издает какой-то странный фыркающий звук, и я вздрагиваю, когда та пытается повернуть свою голову ко мне, чтобы почесаться. Видимо, ее кто-то укусил. Это нормально. Она двигается плавно и спокойно, но мне все равно страшно.

— Ты в порядке? — Кричит Николас. Кажется, он отстал, а мы ведь едем довольно, медленно.

— Да! Да, я в порядке.

Когда же это закончится?

Какое-то насекомое кружится над ухом Тиффани и, она всячески пытается его отогнать, а я даже боюсь убрать руку от поводьев, чтобы помочь ей. Эта поездка не приносит никакого удовольствия. Лошадь снова дергается.

Это оса? Нет, что-то крупнее осы. Теперь начинаю дергаться я.

— Уйди по-хорошему. — Шиплю я. Ага, будто что-то могу ей сделать. — Проваливай.

Еще лучше. Теперь, кажется, у нее вызываю интерес я.

— Не смей приближаться. — Я на самом деле начинаю чувствовать себя в западне. Смотрю на дорогу, мы все еще плетемся под горку.

— Луиза, все в порядке? Можешь остановиться?

Все, что я делаю сейчас, это думаю об этой осе и ее подруге, или кем бы эти насекомые друг другу ни были, они меня атакуют. Боже, спаси меня. Одна из них садится мне на палец, я почти подпрыгиваю и одергиваю руку так, что случайный шлепок приходится по спине Тиффани, мы набираем скорость.

— Потяни на себя поводья! — Кричит вслед Николас, пока лошадь несется вниз под горку.

— Это была плохая идея! — Ору я.

— Что случилось? — Его голос стал ближе, а Тиффани кажется не собирается останавливаться.

— У меня... проблемы с насекомыми. — Я почти заикаюсь, и чувствую, что вот-вот я

просто сдамся и спрыгну с лошади на ходу.

— Потяни на себя поводья!

Делаю, как он велит, животное издает громкий вопль и становится на дыбы, я с легкостью отпускаю эти дурацкие веревки из рук и позволяю себе упасть на землю. Тиффани фыркает, я слышу звук топчущих рядом копыт и, приземляющихся на землю тяжелых ботинок. Лежу на земле, даже не пытаюсь встать. Больно. Николас опускается рядом со мной, его непослушная прядь волос падает ему на лоб, когда он опускает голову.

— Ты сильно потянула поводья.

— Она напугала меня.

— Ты напугала ее.

— Я пыталась убить осу.

— Это дикие пчелы, их здесь полно, а от тебя пахнет цветочным парфюмом. Можешь двигаться?

Шевелю ногой, затем рукой, киваю. Парень осторожно расстегивает мою жокейку, касаясь пальцами моей шеи, затем приподнимает мне голову, чтобы избавиться от этой неудобной шапки. Подает мне руку, через пару секунд я вцепляюсь в нее и встаю. Немного пошатывается, Николас сразу подхватывает меня за плечи, испуганно смотрит. Наверняка думает, что у него могли бы быть проблемы, если бы я разбилась.

— Я в порядке. — Отвечаю уверенно, не дожидаясь вопроса.

— Могла бы просто сказать, что не умеешь ездить.

Смотрю на него. Да, к черту, я понимала что идея — отстой. Что и кому я пыталась доказать? Все-таки черты прежней Луизы во мне все еще проскакивают: упрямство и желание всем доказать, что ты лучше, как минимум не хуже.

— Так заметно?

— Весьма. Я просто хотел, чтобы ты чувствовала себя здесь комфортно. Может, подумаешь о работе в клубе?

Нет. Только не там. Столько людей будут видеть меня. Нет. Даже не в этом причина.

— На самом деле родители настояли, чтобы я работала здесь. Мои отношения с животными весьма плачевны.

— Почему? — Хмурится. Чувствую, что могу ему сказать, но в следующую секунду считаю эту идею еще более глупой, нежели прогулка верхом на лошади.

— Не важно. Ладно?

Не хочу его спугнуть. Он кажется милым, и он добр ко мне, что выглядит подозрительно, хотя для меня теперь любая доброта является первым признаком подозрительности. Даже мать Николоса сразу показала мне свои коготки и напомнила, кем я являюсь для всех, в этом городе. Рано или поздно он тоже узнает, поэтому лучше мне не сближаться с этим парнем. Если он станет мне другом? Он будет разочарован, потому что я понятия не имею, кого он видит во мне сейчас, и кого будет видеть, когда узнает... Я не хочу испытать это на себе.

— Я пойду пешком. Кажется, мы не далеко уехали.

— Уверена, что сможешь идти?

— Я же сказала, что все нормально. — Получилось слишком резко.

— Хорошо, но тебе все равно придется вести за собой Тиффани.

Вести лошадь, идя по земле ни чуть не лучшее «удовольствие», чем ехать верхом на ней, мне пришлось постоянно наблюдать за ее поведением, в страхе того, что она меня укусит. Я успокаивала себя тем, что сама виновата в том, что она меня сбросила. Голова все еще болит, локоть зудит, кажется, поранила. Мы шли молча, затем в подобной тишине Николас показывал мне ферму, я ничего не спрашивала, только кивала в ответ. Здесь есть свиньи, как он и говорил, их восемь и козы, шесть коз, не так уж много, да? Еще гуси, утки и две коровы: Марта и Стефания.

Когда мы вернулись в дом, я заметила, что Николас обратил внимание на мой локоть. Он принес аптечку.

— Все в порядке. — Заверила я.

— Прекрати это повторять.

Я позволила обработать свою рану и наклеить на нее пластырь. Парень был осторожен, словно моя рука сделана из хрусталя ручной работы.

— Спасибо. — Тихо прошептала я.

— Что произошло? — В дверях кухни появилась миссис Макэвой, она продолжала смотреть на меня с предупреждением и опаской.

— Я..

— Луиза упала с Тиффани. — Заявил Николас.

Глаза женщины округлились.

— Ты посадил ее на лошадь?

— А в чем проблема?

— Нужно поговорить.

— Не сейчас.

— Сейчас, Ник.

Парень тяжело вздохнул и направился за матерью на кухню. Они закрыли дверь, но это не помешало мне слышать все, о чем они говорили. Ну, может не совсем все, потому что поначалу они шептались, а затем женщина начала повышать голос.

— Она белоручка, посмотри на нее! В жизни не видела грязи.

— Откуда ты знаешь?

Тишина.

— Я знаю ее родителей. Ты знаешь? Генри и Шейла Хейл, они владеют сетью коттеджей на «Свимен таур» знаешь, где это?

— Богатый район.

— Ага. А еще «Флоренс Ризорд» — сеть отелей и торговый центр в «Хай сити».

— Какая мне разница?

— Я запрещаю вам общаться.

— Она работает у нас.

Смех миссис Макэвой заставляет меня напрячься. Она меня ненавидит.

— Ты же знаешь, кто она, сынок.

— Понятия не имею.

— Знаешь! — Выкрикивает она.

— Я вижу запуганную девочку, мам. Не важно, кто ее родители.

— Запуганную? Она настоящая змея, вот кто она.

— Разговор окончен.

— Как ты разговариваешь с матерью?

— Я не хочу это обсуждать! Если она тебе не нравится, зачем приняла ее к нам?

— У нас долги по налогам и все это... слишком дорого обходится.

— Я помогаю тебе. Причем здесь вообще эта девчонка?

— А при том, что ее отец неплохо платит, за ее пребывание здесь.

Господи. Я ухмыляюсь. Серьезно? Меня взяли на работу и, мой отец платит за это? Они что все издеваются надо мной? Я ухожу.

Встаю, немедля выбегаю из дома, доберусь на чем-нибудь, если нужно пойду пешком. В кармане два доллара, это хватит на автобус? Понятия не имею, никогда на нем не ездила.

— Луиза!

Боже. Продолжаю идти, спускаюсь к дороге, не думаю останавливаться.

— Луиза, стой! — Он что бежит?

Хватает за предплечье, одергиваю его руку, разворачиваюсь.

— Почему ты ушла?

Молчу.

— Вернись.

— Зачем? Иначе мой отец не заплатит?

— Послушай, мне все равно. Это не проблема и..

— Для меня проблема. — Иду дальше.

— Подожди. Я не знаю, что тебе сказать. Если бы ты рассказала мне, почему твои родители так поступили... Черт. Ты не обязана ничего говорить, просто хочу извиниться за то, что ты слышала.

— За то, что слышала? Я ведь такая запуганная. Тебе меня жаль, да? Выгляжу я жалко, поэтому таскаешься за мной? У тебя слабость к жалким девчонкам?

Вздыхает.

— Это ферма моего отца, мама не хотела бы ее потерять, это все, что от него осталось.

— Мне жаль.

— Нет. Этот придурок просто ушел к другой женщине, мать опустила руки.

— Я должна пожалеть вас? — Доброе утро, стерва.

— Если сейчас ты хочешь домой, я отвезу, ты подумаешь и если захочешь, — вернешься завтра.

Качаю головой. Сдаюсь.

— Я не хочу домой.

— Хорошо. — Немного улыбается.

— И на ферму к тебе не хочу, не сейчас.

— Как скажешь.

— Я могу оплатить автобус двумя долларами?

Смеется.

— Я отвезу тебя, куда хочешь?

— Не нужно, правда.

— У тебя нет выбора, следующий через три часа. — Смотрит на дорогу, как раз в тот момент, когда проезжает автобус.

**

Я соглашаюсь. Обычно, я не приводила никого в «свое» место, даже Дениела, это было слишком лично, я всегда приходила сюда подумать, скрыться на часик другой от этой безумной жизни, от людей.

— Все заросло. — Говорю я больше для себя.

— Хм?

— Тут не было никого пять лет, все заросло. Я ухаживала за этой поляной, здесь росли цветы. Васильки, знаешь такие?

Кивает. Разгребаю руками траву, сажусь, смотрю на небольшую лужицу впереди, поблескивающую на солнце.

— Высохло.

— Что? — Николас присаживается рядом, не смотрю на него.

— Здесь было маленькое озеро, вот там. — Указываю пальцем на прозрачную лужу обросшую камышом, чувствую, как щиплет глаза.

— Как ты нашла это место? — Кажется, он пытается меня отвлечь, видимо, заметил, что я расстроилась. Все отвернулись от меня, даже «мое» место, оно не дождалось.

Вздыхаю, поглощаю воздух до боли в груди.

— Однажды, я сбежала от родителей, мне было десять, они поссорились, я сбежала и заблудилась, так и оказалась здесь. Сюда никто не приходит, там наверху дорога, люди, машины, но здесь внизу, тут нас не видно, никто не знает, что ты здесь.

— От кого же ты пряталась?

— Хм... От себя, наверное. — Наконец, смотрю на него. — Я не хороший человек, Николас.

— Это предупреждение? — Улыбка.

— Факт. — Поднимаюсь, достаточно, пора уходить.

— Уходим?

— Можешь остаться, если хочешь, я доберусь до дома сама.

— Тогда и ты останься.

Молчу.

— Давай. Я не буду ни о чем спрашивать, просто посидим в тишине.

Снова сдаюсь, возвращаюсь на свое место, вытягиваю ноги, кладу руки на колени.

Мы долго не разговариваем, Николас смотрит на меня, я — на высохшее озеро.

— Я никогда никого сюда не приводила. — Наконец, говорю я.

— Что изменилось?

— Я, наверное.

— Я солгал, когда сказал, что не знаю твоего имени.

Смотрю на него, прищутив глаза.

— Я пялился на тебя со сцены, потому что не сразу смог вспомнить, где тебя видел.

— Почему я не помню тебя?

Это бы мало волновало меня пять лет назад, полно людей, которых я не знаю, но которые знают меня. Сейчас это вызывает подозрение и интерес.

— Я на два класса моложе, ты не дружила с малолетками.

Он прав. Я даже не здоровалась с теми, кто моложе даже на класс, когда они говорили «привет», я задирала нос и шагала по коридору так, будто я одна из участниц топ-модель по-американски. До модели мне было далеко, ростом не вышла, но тогда меня это мало волновало.

— Ясно. Что еще ты обо мне знаешь?

Сердце начинает биться сильнее, когда задаю этот вопрос. Как много он знает? Я не хочу, чтобы он говорил об этом, но мне нужно убедиться в том, что привела сюда нужного

человека.

— Ничего особенного.

— Не ври. — Мой голос острый, как бритва. Я жду. Николас сглатывает, я надавила, это заметно.

— Ты училась со мной в одной школе, твои подруги Кэтрин, Элизабет и Ребекка, ты встречалась с Дениелом Хартом, знаю, что пять лет провела в Лондоне. Все.

Какая прекрасная легенда о Лондоне, и мне кажется, что люди еще больше ненавидят меня за это.

— Хочешь совет?

— Не-а.

— Все равно скажу. Держись от меня подальше. Даже если я собираюсь у вас «работать» нам не обязательно общаться.

— Обещаю, что подумаю над твоим советом. — Снова улыбка, такая живая, такая искренняя, словно спрятавшееся за тучу солнце, снова выглянуло.

— Думаю, нам пора.

— Я отвезу тебя.

— Нет. Я сама. Пожалуйста.

— Я скажу маме, что тебе нездоровиться.

— Спасибо.

— Придешь завтра? — Кричит в след. Я поднимаюсь вверх по скользкой, путающейся в ногах траве, больше не оборачиваюсь. Я бы не пришла, но знаю, что родители скажут на этот счет, а точнее, что могут сделать. Я не вернусь обратно. Пять лет одиночества, пять лет ненужных бесконечных таблеток и процедур, пять лет промывания мозгов. Я удивлена, что уехала отсюда в здравом уме, не стала одной из тех, в кого превращаются многие находящиеся там. Это страшное зрелище. Я видела, как одна женщина описалась прямо в коридоре и ей было абсолютно плевать, настолько ее напичкали разным дерьмом, что та стала похожа на зомби при жизни. Они не живут там, и я не жила, мы существовали, загнанные в угол животные. Ко мне неплохо относились, потому что родители хорошо платили, меня пичкали таблетками, которые я часто прятала под подушку, а затем смывала в унитазе. Они хотели сделать меня своей узницей, чтобы я не покинула это место никогда, и мои родители продолжили спонсировать это гадкое место. Я не вернусь обратно. Лучше умру.

Глава 7

Я привыкла к одиночеству, и в то же время, я устала от него, дико устала. Иногда мне хочется громко кричать или рвать на себе одежду от этого чувства.

Я видела, как проскочил мимо меня черный «Ягуар» на котором мы сюда приехали, Николас не остановился, не подал знака типа: «Пока, увидимся», я тоже не обратила на него внимание. Идти сейчас домой — худшая идея. Хочу вернуться, когда все уже будут спать, не хочу их видеть, никого. Бродить в одиночестве по городу — еще более худшая идея. Мне кажется, что все будут пялиться на меня, указывать пальцем: «это она, это она», а я... я должна побороть этот страх, я не смогу до конца жизни сидеть взаперти, прятаться от людей. В кармане два доллара, достаю их, смотрю, засовываю обратно, иду дальше, сложив руки на груди, пытаюсь укрыться от вечерней прохлады. Телефон звонит. Мама. Сбрасываю вызов.

Иду по обочине, смеркается. Мимо проезжающие машины уже включили передние фары, кто-то сигналит, не обращаю внимания.

— Эй, крошка, заблудилась? Ох ты ж мать твою. — Уверена, что знаю голос в машине. Звук тормозов, заставляет ускорить шаг. — Что с волосами, Хейл? — Больше, чем имя Саманта, раздражает, когда меня называют по фамилии, в школе никто не осмеливался это делать.

Теперь машина следует параллельно мне, даже не хочу знать, кто там, наверняка Бретт Томпсон.

— Запрыгивай в тачку, малышка. Слушай, а ты еще горячее, чем была в школе.

— Ууу! — Добавляет второй голос. — Мне плевать, что там о тебе говорят, нашей любви это не помешает. Да брось, остановись.

Побежать — слишком трусливо, остановиться — слишком страшно.

— Заткнись, Гарри. — Гарри? Гарри Стэнфилд — брат Кэтрин. Не может быть, он был нормальным парнем, он приносил мне кофе, когда я приходила в гости, был всегда мил со мной, я считала его братом. И этот голос. В последний раз я слышала его буквально вчера. Дениел. Они что, теперь типа тусуются вместе? Как много изменилось в этом месте, кажется, сам воздух в городе стал другим.

— Запрыгивай в тачку, красная шапочка, иначе... не важно, ты все равно в нее сядешь.

Машина снова тормозит, леденящая кожу дрожь, пробегает по телу. Сильные руки хватают меня за плечи и разворачивают лицом к парню, которого я помнила, как своего младшего братишку. Это не он. Гарри больше не тот мальчик, он вырос, стал выше, намного, его мускулатуре позавидует даже Дени, блеск в его голубых глазах все тот же, но теперь от него веет холодом. Вижу, как из старого «Хаммера» выпрыгивает мой бывший парень, за рулем Бретт Томпсон, я угадала. Замечаю, что тачка не его, у отца Гарри и Кэтрин была такая машина, скорее всего это она и есть.

— Отстань от нее, братан. — Спокойно говорит Дени, и взволнованно смотрит на меня.

— Тебе какое дело? — Гарри таращится на меня, прямо мне в глаза, долго, пронзительно, я вижу, как его ноздри раздуваются с каждым вдохом.

— Не то, что ожидал увидеть? — Тихо спрашиваю.

— Скройся отсюда, Дэн. — Не сводит с меня глаз.

— Отвали от нее. — Дениел кладет руку ему на плечо, но тот одним движением стряхивает ее.

— Свали, чувак, пока я не позвонил своей сестре. Брэтт! Забери этого козла и, валите.

Мой бывший отступает назад, но продолжает смотреть на меня, он что-то шепчет, одними губами, я хмурюсь, не сразу понимаю. «Заплачь», «Заплачь, Лу». О, это легко, но не уверена, что готова сделать это при них.

«Заплачь»

Ладно. Ладно. Я не хнычу, не кривлюсь, я быстро вспоминаю все то, что произошло с момента вечера первого июня две тысячи двенадцатого, и позволяю одной слезинке скатиться по щеке. Лицо Гарри как-то странно передергивает, будто ему противно, он сжимает мои плечи и ничего не говорит, кроме тех коротких фраз, которые пускает в сторону своих друзей.

— Дэн, сядь в чертову тачку и свали нахер, твоя потаскуха будет в порядке, я не скажу Кэтрин, что ты драл за нее свой зад.

Я замечаю, как Дениел предательски хлопает глазами, а затем вовсе отводит их в

сторону, возвращаясь в машину. Бретт бьет по газам и, машина стартует вперед, провожая ее взглядом, оставшись наедине с обозленным Гарри и с бесполезными идиотскими слезами.

— Неужели это, правда, ты? — Мышцы его лица расслабляются, он тяжело выдыхает.

Я вытираю еще одну слезу со щеки, пожимаю плечами.

— А кого ты видишь?

— Что с тобой? — Отпускает мои плечи, тянет руку к моим крашеным волосам, но затем резко убирает ее.

— Если ты ищешь во мне Луизу пятилетней давности то, у нее истек срок годности. Что ты хочешь Гарри? Ты оскорблял меня, я не собираюсь с тобой долго разговаривать.

— Не хотел, чтобы эти придурки... Аа... — Запускает пальцы в свои светло-каштановые волосы, отворачивается на мгновение. — Я не знал, что ты вернулась.

— Теперь знаешь. Мне пора. — Срываюсь с места, парень хватает меня за руку.

— Я просто хотел тебя обнять, Лу.

Я, наверное, стала слишком сентиментальна, этой фразы было достаточно для того, чтобы я поверила, чтобы позволила себя обнять, я позволила ему уткнуться носом в мои волосы, вдохнуть их аромат, я позволила своим рукам коснуться его спины.

— Я рад, что ты в порядке.

«Я не в порядке, Гарри, я не в порядке.» — Хочется прокричать мне, но я судорожно глотаю воздух, чтобы вновь не распустить сопли.

Он отпускает меня, смотрит в упор, его выражение лица меняется со скоростью света, я вижу насмешку на его лице.

— Думаешь, я идиот?

— Что? — Я не понимаю.

— Ты ведь ждала этого? Объятий? Хотела, чтобы я сочувствовал тебе? Ты отвратительна! Луиза Хейл, слышишь? Ты отвратительна! Я был мелким придурком, который пускал по тебе слюни, пока ты кружилась с Дениелом Хартом, хорошо, что моя сестра прибрала этого идиота к рукам. Вряд ли ты найдешь себе здесь друзей, так что проваливай. Проваливай из этого города! — Я вздрагиваю. Что я сейчас чувствую? Ничего. Опустошенность. Боль, которой больше не хватает места в моей груди, я готова провалиться сквозь землю, разбиться вдребезги, но я просто уйду. Обняв себя руками, медленно шагаю по обочине вдоль дороги, пытаюсь держать подбородок кверху, чтобы не выглядеть еще большим лузером. Я знаю, что Гарри смотрит, чувствую его взгляд на своем затылке, жду, когда скроюсь за ближайшим поворотом.

Он не мог так поступить со мной, но он поступил, поиздевался над моими чувствами. Когда мы учились в школе, мало, кто знал меня настоящую, я мало с кем была милой, просто той, кем хотела быть, искренне, без масок, без игры. Гарри был человеком, к которому я относилась, как к брату, он должен был стать единственным, кто бы меня понял, кто бы спросил: «Луиза, ты в порядке?», кто бы сказал: «Я не верю во все это дерьмо, даже если это правда». «Я пройду через это с тобой, даже если он (Дениел) не сможет». Он не сделал этого, не сказал, он всадил мне нож в спину, острый длинный нож.

Когда я приходила в дом Стэнфилдов, Гарри радовался больше всех, я видела, как он рос, я слышала, как он сочинял про девчонок, с которыми якобы встречался, наверное, хотел казаться более взрослым. Теперь, наверняка, за ним толпы бегают и не таких, как я раньше и тем более не таких, как я сейчас.

Вернуться домой позже уже не получится, не хочу встретить на улице еще кого-то, кто

будет насмеяться надо мной, не сегодня. Я переживу это завтра, может послезавтра, другого выбора нет. Задержать бы ненадолго время, когда все было иначе, могла бы я быть другой? Я ведь могла бы предотвратить, все, я бы училась в Лондоне, как планировала, а когда вернулась, то могла бы обрадоваться отношениям Кэти и Дени, хотя не уверена, что они бы были, будь все иначе..

Войти в дом сразу или подождать, пока свет в комнате родителей погаснет? Уставившись на родительское окно, находящееся на третьем этаже нашего дома, я невольно перевела взгляд на маленький балкон, расположенный левее, ненавижу его. Отвожу взгляд, медленно шагаю вперед, мне придется войти в этот дом, мне придется делать это снова и снова.

— Луиза. — Нелепый шепот. Разворачиваюсь на пятках, вздыхаю.

— Мне, правда, не до тебя сейчас.

Подходит ближе.

— Он обидел тебя? Гарри.

— Ты сам все слышал. Зачем пришел? Снова.

— Я ждал тебя, чтобы убедиться, что ты в порядке. Я оставил тебя. — Говорит с толикой вины в голосе, но я на это не куплюсь.

— До тебя только дошло, что ты оставил меня. Не нужно мне от тебя ничего, Дениел. Ты теперь собираешься преследовать меня?

— Нет... нет. То, что ты сказала мне вчера, я не могу не думать об этом. Где ты была, Лу? Я имею в виду Лондон и все такое..

— Думаешь, это имеет сейчас значение?

— Имеет, для меня имеет.

— Не боишься, что тебя кто-то может увидеть здесь, хм?

Оглядывается по сторонам, я усмехаюсь.

— Я хочу знать, что ты в порядке, черт возьми, и вернуться к своей гребаной девушке!

— Я в порядке! Доволен? У меня все прекрасно! — Резко повышаю голос до крика, а затем перехожу на сдержанный шепот, подхожу ближе к Дени. — Пять лет назад, я скинула тебе СМС со своего нового номера, не смотря ни на что, я написала тебе, но ты не перезвонил, даже не написал в ответ, ни разу. Я отправила сообщение каждой из них (Кэтрин, Лиз, Ребекка), никто не ответил.

— Я... думаю, все, мы боялись.

— Боялись? — Почти перехожу на писк. — Меня? Или того, что кто-то узнает, что мы общались?

— Мы были детьми! Никто не знал, что делать.

Киваю головой.

— Зато ты знал, знал, как начать встречаться с моей подругой, которую терпеть не можешь. Сколько вы вместе?

— Пару лет..

— Пару лет?

Говорит так, словно не помнит, не знает, словно ему плевать, что абсолютная чушь.

— Мы попрощались вчера, давай просто представим, что тебя здесь не было. Уходи.

— Луиза..

Я не заметила, как ворота открылись, мама стояла в коротком тонком халатике, пошитом из итальянского шелка (отец подарил ей его, когда мне было четырнадцать, и она

до сих пор его носит, что немного странно, для моей мамы)

— Здравствуйте, миссис Хейл.

Даже в темноте я вижу, как лицо матери наливаются оттенком злости.

— Твоя мама знает, что ты здесь, Дениел?

— А должна?

— Иди в дом, Луиза.

Она больше ничего не говорит Дени, но продолжает искоса смотреть на него.

— Луиза. В дом.

У меня нет выбора, поэтому я просто иду, молча, без оговорок.

— Передавай Шарлотте привет. — Шарлотта Харт — мама Дени.

— Обязательно, миссис Хейл.

Не передаст.

Мама толкает меня рукой в спину, ворота за нами закрываются.

— Не говори мне, что ты снова с этим мальчишкой.

— Не скажу. — Тихо отвечаю я.

— Я серьезно, Луиза. — Разворачивает меня к себе. — Не смей с ним даже разговаривать?

— Почему это? — Я конечно и не горю желанием общаться с Дениелом Хартом, но мне интересно, почему мама настроена так против него.

— Он бросил тебя в самый сложный момент твоей жизни.

Согласна.

— После этого его родители отказались от полного сотрудничества с нами, мы потеряли много клиентов, я не хочу, чтобы ты виделась или общалась с этими людьми.

Деньги. Деньги. Деньги. Мама бывает предельно ясна, делая такое угрожающее выражение лица, которое всегда меня сместило. Сейчас она на самом деле выглядит серьезной, а еще подавленной. Я всех разочаровала.

— Я не собираюсь с ним общаться, если для тебя это так важно. — Не даю ей времени, чтобы что-то ответить, захожу в дом и скрываюсь в своей комнате. До утра.

Глава 8

— Привет. — Его лицо растекается в кошачьей улыбке, когда я переступаю порог дома.

Отец привез меня на пятнадцать минут раньше, чтобы я не создавала впечатление непунктуальной.

— Привет. — Скванно улыбаюсь в ответ, пытаюсь выпустить Николаса на улицу, а он пытается запустить меня в дом, при этом, не сводя взгляд с моего лица.

— Нужна помощь? Я имею ввиду... во всем этом. — Он обводит рукой вокруг себя. — Мне сейчас нужно на репетицию. — Крутит на пальце ключи от своей машины. — Но я скоро вернусь.

— Это. эмм не обязательно. — Ловлю себя на мысли о том, что немного смущаюсь, особенно после того, как показала ему «свое» место, которое никогда никому не показывала, для меня это словно открыть частичку души. Чужому человеку — напомнила я себе.

— В любом случае, увидимся да?

— Угу. — Пробормотала я и проскочила в дом. — Затем остановилась, и заметила, что парень тоже замедлил шаг.

— Ты здесь живешь, ведь так? — Не знаю, почему этот вопрос пришел мне в голову.

Здесь живет его мать, и он вышел отсюда утром, значит..

— Не совсем. Я ведь говорил, что это ферма моего отца. Я живу в городе. — Он быстро подмигивает мне и уходит.

— Э... э — Это все, что вырвалось из моего рта, затем я тихо поздоровалась с миссис Макэвой, когда та вышла из кухни.

За первые два часа я напоила и накормила всех животных в загоне, кроме лошадей. Мама Николаса предупредила, что убирать у свиней, лошадей, коз и коров нужно раз в два-три дня, у птиц — раз в неделю, и сегодня был именно такой день — день уборки дерьма.

Не знаю, как это пережить, но я должна. Мне приходится сторониться этих мерзких... затыкать нос рукой, пока широкая лопата скребет по деревянному полу загона.

Когда чистка какашек была окончена, я подошла к Тиффани и искоса взглянула на нее, она посмотрела на меня в ответ взглядом подобным моему.

— Что? Это ты скинула меня. И не смотри так.

Открываю затвор, наполняю большую посудину водой, в другую насыпаю корм, похожий на засохшую спрессованную крупу, Тиффани хлопает своими большими ресницами, наблюдает, запираю затвор.

— Я всего лишь пыталась отогнать от себя осу, или пчелу, мне не важно, кто она..

Не сводит с меня взгляд, будто все слышит и понимает. Иду дальше. Томас не обращает на меня никакого внимания, когда я выливаю остатки его старой воды на пол и наливаю ему новую. Гордый осел.

— Бу!

Никакой реакции.

Герцог и Герцогиня ведут себя почти также.

Выхожу из конюшни, вздыхаю. Мне пришлось четыре раза сходить за водой, чтобы напоить этих невеж.

— Они привыкнут к тебе.

— О Боже. — Вздрагиваю, ведро из руки с грохотом падает на землю. — Что ты здесь делаешь?

Николас посмеивается.

— Репетиция закончилась раньше, решил заскочить. Ты грязная.

— Хмм? — Осматриваю себя. Вот блин. Мои джинсы забрызганы чем-то... Это. Да, я знаю что это. Свиньи, к сожалению, не очень чистоплотные.

— От меня плохо пахнет? — Хмурюсь.

Снова улыбка, темные поблескивающие глаза, волосы зачесанные кверху..

— Тебе нужно привезти сюда старую одежду.

— Как я сразу не догадалась.

— Хочешь уйти?

— Я не могу. — Поднимаю с земли, упавшее ведро.

— Ты ведь закончила? До вечера еще несколько часов.

— Моим родителям это не понравится.

— А кто им скажет?

— Ты серьезно?

Подмигивает.

— Я верну тебя до вечера.

Смотрю на свои джинсы, вижу, что Николас тоже.

— Можешь их снять? — Он что серьезно спрашивает?

— Что?

Легкий смешок.

— Не знаю, о чем ты подумала. Зайди в конюшню, сними джинсы и подай мне их.

— Ладно. Ладно. — Возвращаюсь в конюшню, стягиваю с себя штаны и, скрывшись за стеной, вытягиваю руку вперед.

— Жди здесь, буду через пять минут.

— Ты ведь не бросишь меня тут в трусах?

Смеется.

— Я все еще боюсь твоих лошадей.

— Ты не в их вкусе, поверь.

Улыбаюсь, закусив губу.

Через несколько минут Николас возвращается, слышу его шуршащие о траву ботинки.

— Готово. — Он протягивает мне обратно мои джинсы. Или то, что от них осталось.

— Ты... ты испортил..

— Они уже были испорчены, надевай.

— Я думала..

— Я их постираю?

— Боже. — Выдыхаю.

— Надеюсь не слишком криво.

— Слишком коротко. — Натягиваю на себя остатки своих джинсов и медленно выхожу из конюшни, брюнет осматривает меня, точнее нижнюю часть меня, я кажется, розовею. Раньше меня не смущали подобные взгляды, я любила их.

— Отлично. Поехали. — Резко переводит взгляд на мое лицо.

Хорошо, что хоть задница немного прикрыта. Не хочу привлекать внимание еще этим.

— Куда мы едем? — Ни чуть не сомневаясь, запрыгиваю на сидение «Ягуара».

— На репетицию. Я смылся всего на полчаса. — Пожимает плечами.

Я напряглась.

— Где вы репетируете?

— «Еллоу Бич»

Закрываю глаза, набираю воздух в легкие.

— Все нормально?

— Не хотелось бы встретить кое-кого. — И правда и ложь. Я не хочу встречаться со многими людьми в этом городе, это трусливо с моей стороны, но после того, кем я была раньше и кто я сейчас... Никто не будет скрывать своей ненависти, никто не станет держать язык за зубами.

— Там никого нет, кроме моих ребят, мы забили зал до шести. — Смотрит, словно на самом деле понимает меня, будто знает о моих страхах. Я молчу. — Я не буду настаивать, если..

— Нет. Нет. Все в порядке. — Уверяю скорее себя, нежели его. Я не дикарь, я не стану прятаться вечно. Я должна это сделать. Я ведь уже была там. Я встречалась с Лиззи, видела Кэтрин и... Дени, я не трусиха.

Охранники не стесняясь осматривают меня с ног до головы, я делаю вид, что не замечаю их чрезмерного внимания. Возможно, у меня паранойя. Николас кивает двум здоровенным парням и, мы проходим дальше. В зале почти такой же полумрак, как и в

рабочие часы, в период громких и пьяных вечеринок. Клуб оформлен в коричневых тонах, полностью — ничего не изменилось. Брюнет улыбается и машет рукой своей группе, они в это время смотрят на меня.

- Ребят, одну минуту. Это Луиза, она послушает нас, о'кей. — Он не спрашивает, но показывает, что считается с их мнением.

Девушка с ярко-синими волосами продвигается вперед по сцене, сузив глаза, смотрит на меня, в прошлый раз она была рыжая, должно быть парик. Она спускается со сцены, не затруднив себя воспользоваться ступеньками. Замечаю ее раздражение, когда подходит к Николасу.

— Что она здесь делает? — Кивает в мою сторону.

— Кэндис.

— Что «Кэндис»? Ник.

— Отойдем на минутку.

Девушка проходит вперед, за сцену, Николас следует за ней, не подумав, хватаю его за руку, затем быстро отпускаю. Он оборачивается.

— Мне лучше уйти.

Да, я признаю свое поражение, еще до начала войны.

— Нет, ты останешься. Она всегда ведет себя так.

Киваю, как обычно.

Нет, не всегда. Кэндис Девелпорт, у нас была совместная биология в школе. Лора Вудс — отличница по всем предметам, главная школьная зазнайка и ботанша, а так же мой главный объект для насмешек, она была первой в моем «списке» лузеров, Кэндис следовала сразу за ней. Я не помню, чего хотела от обеих, но мне поднимало настроение издевательство над обеими. Кэндис всегда выглядела странно, ее волосы были в ужасном состоянии, черные, как крыло ворона и слишком пышные, для того, чтобы я не обратила на них внимания, ее одежда часто гармонировала с черной подводкой на ее глазах и бледной кожей, но никак не гармонировала с моим видением нормальной одежды. Она точно узнала меня, и она стопроцентно знает обо мне то, что я хочу стереть из своей памяти.

— Ты обещал, Ник! — Выкрикивает она, прерывая нервный шепот. Николас смотрит на меня, я отворачиваюсь, словно мне вообще не интересно о чем они говорят.

Через пару минут оба возвращаются. Девушка смотрит на меня, ее глаза бегают по моему лицу, и у меня ощущение, что она хочет плюнуть в него, как однажды... Боже. И она это делает. Я закрываю глаза, позволяя слюне стекать по моему лицу, сглатываю ком в горле, пытаюсь дышать. В ушах появляется дикий звон, я слышу голоса и не слышу их вовсе, злость окутывает меня с ног до головы. Вдох-выдох, вдох-выдох. Она ждет ответного «удара»? Медленно открываю глаза, ошарашенный Николас тащит за руку Кэндис, в это время его взгляд прикован ко мне. Девушка упирается.

— Извини. — Выплевывает она. — Это меньшее, что ты заслуживаешь.

— Уйди Кэн. — Рычит брюнет. Он подходит ко мне, и осторожно, краем своей футболки вытирает мне лицо, легкая улыбка касается его губ, словно говорит мне «Все хорошо».

— Это была твоя идея, придурок! — После этих слов, она как ни в чем не бывало, поднимается на сцену и берет в руки микрофон.

Чувствую, как мои глаза расширяются, жжение в груди поднимается все выше, к горлу, я отступаю назад.

— Лу..

— Да пошел ты.

Выбегаю на улицу.

— Луиза! — Идет за мной, я ускоряю шаг.

— Отвали. — Вытираю рукой лицо, ощущая на нем остатки чужих слюней. Это отвратительно.

Николас хватается за предплечье, когда я уже приближаюсь к дороге и пытаюсь остановить какую-нибудь машину.

— Не трогай меня. Не приближайся, понял?

— Я не знал... Я просто сказал, чтобы она была справедливой в своем отношении к людям, я не знал, что она..

— Плюнет мне в лицо? — Почти кричу.

— Ты сделала это? — Он задумался.

На мгновение замолкаю, позволяю себе отдышаться.

— Это было еще в школе. — Признаюсь я.

Однажды я плюнула Кэндис Девелпорт в лицо, за то что та наступила на мои новенькие «Джимми Чу»¹. На самом деле это был предлог, я плюнула, потому что просто захотела.

— Отвези меня обратно. Сейчас.

1. Джимми Чу — малайзийский дизайнер обуви, основатель компании Jimmy Choo Ltd.

Глава 9

Не задерживаюсь в машине, выхожу в тот же самый момент, когда она останавливается, Николас пытается что-то сказать, но я не позволяю себе дослушать, я слишком зла. Прекрасно понимаю, что не могу, не имею права злиться на него, мы знакомы всего ничего и он не мой друг, но не могу избавиться от этого, оно глубоко внутри, очередная обида, сваленная в кучу других.

Быстро набираю ведро воды, одно за другим, чтобы напоить животных, и побыстрее исчезнуть отсюда, приношу заготовленную на вечер траву для Марты и Стефании, а так же для остальных. Ни на кого не обращаю внимания, хотя замечаю, что Тиффани снова изучающе пялится.

— Смотри сколько угодно, мне все равно.

Возвращаюсь в дом, чтобы забрать сумку. Миссис Макэвой встречает меня у старого камина за столом, она ставит на стол две чашки с чем-то, что пахнет, как райское зелье в аду, и присаживается на стул, указывая мне рукой на другой, стоящий напротив.

— Сядь. — Испепеляет меня взглядом, не смею ей противиться, хватит на сегодня, молча отодвигаю стул и сажусь.

— Ты была с моим сыном. — Не вопрос. Опускает глаза к кружке, затем поднимает их на меня. Я ничего не отвечаю.

— Вы поладили, не так ли? — Говорит так, словно ее это бесит, больше, чем мое нахождение здесь.

— Он не плохой парень. — Это все, что пришло мне в голову.

— А ты? — Наклоняет голову в бок. Я ненавижу этот разговор и ему подобные.

— Я знаю, к чему Вы клоните, не волнуйтесь, мне ничего не нужно от Вашего..

— У него есть девушка, имей ввиду. Она очень мила и красива, но это ничего по

сравнению с ее добрым сердцем.

Он ничего не сказал мне. О девушке. А должен? Конечно, нет. Кажется, я немного скукоживаюсь. О чем думаю, понятия не имею.

— Я поняла Вас, могу я идти?

— Иди.

Никто раньше не смел мне приказывать, но теперь это происходит, будто моя новая жизнь — расплата за все старое, что я когда-либо делала, говорила. Кого я должна ненавидеть? Эту женщину или все же себя?

Хватаю с дивана маленькую сумку с длинной ручкой, вешаю ее на плечо и быстро удаляюсь из дома. Было ли у вас такое, когда вы не знаете, куда вам пойти? Вы выходите на улицу и просто понятия не имеете, что делать дальше и куда идти. Это чувство теперь преследует меня слишком часто. Раньше я бывала в одиночестве среди кучи людей вокруг, но я никогда не была одна.

За полчаса раздумий, я отправляюсь в единственное место, которое все еще готово меня принять, пешком, не так уж близко.

С тех пор как я покинула ферму, прошло около двух часов, с тех пор как впервые мне позвонила мама — около получаса, сейчас она звонит в третий раз, я кладу телефон на траву, обнимаю свои колени и продолжаю смотреть на почти высохшее озеро.

— Я делала много... не хороших вещей. — Говорю в пустоту, как часто раньше здесь делала.

— И я не собираюсь оправдываться. Я позволю ненавидеть меня за то, что я делала, но..

— Все мы совершаем ошибки.

Мои внутренности натягиваются, как гитарная струна. Я не слышала, как он подошел. Снова мама звонит. Смотрю на телефон, отвожу взгляд, не оборачиваюсь в сторону Николаса, стоящего за спиной.

— Предполагал, что найду тебя здесь. — Садится рядом. — Ты не вернулась домой.

Молчу. Как он узнал?

— Твои родители звонили маме. — Словно прочел вопрос в моей голове. — Должно быть волнуются.

— Нет. — Резко отвечаю я. — Теперь ты будешь появляться здесь, когда вздумается? Зря я тебя привела.

Легкий смешок.

— Только если будешь пропадать.

— Тебе какое дело? — Нервно качаю, из-за этого раскачиваю свое тело назад-вперед, назад-вперед, дурацкая привычка с детства осталась.

— Я не хотел тебя обидеть, Луиза, Кэндис она... вспыльчива.

— Твоя девушка знает, что ты здесь? — Перевожу тему, наконец, поворачиваю к нему голову.

Удивление и легкая улыбка касается его лица. Я вообще не должна это спрашивать. Не мои проблемы.

— У меня нет девушки, Лу. — Вздыхает. — Вероятно, ты говорила с моей мамой.

Смотрю в упор, кажется, это и является моим положительным ответом.

— Она думает... Хочет думать. — Поправляет самого себя, как будто это самая надоедливая тема в его жизни. — Якобы Кэндис моя девушка, но это не так.

Кэндис Девелпорт? Эта чудачка. Стоп, Лу, стоп. Я не имею права даже думать об этом,

думать так о ком либо.

Качаю головой.

— Ты не должен объяснять.

Николас пожимает плечами, его прекрасные темные глаза рассматривают черты моего лица, я так же упрямо пялюсь на него, положив голову на колени.

Почему я не встретила тебя раньше, Николас Янг, в школе? Все сейчас бы было иначе.

— Ты не против, если я отвезу тебя домой?

— Каждый раз, когда ты появляешься то, намереваешься отвезти меня домой. Что с тобой не так? — Заставляю уголки своих губ немного приподняться. Снова звонит телефон.

— Твои родители волнуются. — Кивает головой в сторону моего мобильного. — Возьми хотя бы трубку.

Беру телефон в руки, выражение моего лица сразу меняется. Это не родители. Кэтрин. Кэтрин Стэнфилд. Дрожь пробирается по всему моему телу, когда я принимаю вызов.

— Алло.

— Звучишь так, словно не рада меня слышать, подруга.

— Чего тебе, Кэтрин? — Встаю, отхожу чуть дальше от того, места, где сидит Николас.

— Есть разговор.

— В этом я сомневаюсь.

— А я нет. Секунду. — Она что-то делает в своем телефоне, а затем мне приходит сообщение. — Открой. — Сладко мурлычет она. Я знаю, что там нет ничего такого, что могло бы меня напугать, но я напугана. — Посмотрела?

Дрожащим пальцем нажимаю на файл. Фото. Одно. Второе. Что-то загорается внутри меня, все горло окутывает пламенем.

— Что за чушь? — Выплюываю я. — Где ты это взяла?

— Какая разница? Не встретишься со мной, это разлетится по всем знакомым и не дай Бог дойдет до твоей драгоценной мамочки.

— Закрой пасть, пока я тебя... — Замолкаю.

Она громко смеется мне в трубку. Меня трясет, чувствую, как чья-то рука подкрадывается сзади и забирает у меня телефон. Оборачиваюсь. Николас смотрит мне в глаза и демонстративно сбрасывает вызов, затем передает мне телефон обратно, осторожно беру его. Ком застрявший в горле никуда не исчезает.

— Я не стану спрашивать.

Я знаю. Смотрю в его глаза и, черт возьми, он словно видит меня насквозь, будто чувствует меня изнутри. Я хочу закричать, громко, хочу упасть и рвать на себе волосы до тех, пока силы не иссякнут.

Этот парень будто слышит мой внутренний крик. Помоги мне, помоги мне, помоги мне.

— Я должна перезвонить. — Трясущимися руками пытаюсь найти последний входящий вызов.

— Не должна.

Качаю головой, отворачиваюсь. Она сделает это, сделает. Я не могу поверить, что он... Он обманул нас? Меня? Плевать. Он обманул мою маму, которая восемь лет носит один и тот же халат, который он ей подарил.

— Отвези меня домой. — Запускаю руку в свои волосы.

— Хорошо.

— Нет. Нет, не нужно домой. Я сейчас... сейчас. — Нажимаю кнопку вызова.

— Рада, что ты одумалась. — Ее голос так противен, и как я раньше этого не замечала.

— Что ты хочешь?

— Разговор, не больше.

— Где?

— «Сант-Тринити парк» знаешь где?

— Это час езды..

— Мне все равно.

— Хорошо, я буду, я буду там, тупая ты стерва... Если ты..

Снова смеется, я сбрасываю вызов и швыряю телефон на землю, вцепляюсь руками в свои собственные волосы.

— Насколько неадекватно я сейчас выгляжу по пятибалльной шкале?

Брюнет ничего не отвечает, лишь берет мои руки в свои, я наблюдаю за каждым его движением.

— Тебе угрожают?

— Нет.

Почти нет. Это не угроза. Шантаж своего рода. Поверить не могу, не могу поверить. Мать Дени и мой отец, это какое-то безумие, никто не должен видеть этого позора, моя мать не должна узнать об этом. Никогда.

Глава 10

Сант-Тринити парк.

— Останови здесь. Дальше я сама.

— Ты в порядке? — Убирает мою руку ото рта. Я так отчаянно кусала пальцы, что даже не заметила этого.

— Не вздумай меня ждать или появляться..

Кивает. Я настороженно смотрю. Если он припрется и влезет в наш с Кэтрин разговор, та может психануть и все полетит к чертям, не знаю, что ей от меня нужно, но я не собираюсь рисковать своей семьей, моя мама не должна увидеть эти фото.

— Я понял. Это не мое дело.

Выхожу из машины, преследую Николааса взглядом, в ответ он смотрит на меня через лобовое стекло, я жду. Заводит машину. Уезжает.

Иду, оглядываясь по сторонам, в парк вхожу с главного входа со стороны проезжей части. Это место даже в дневное время славится различного рода преступлениями: грабеж, изнасилования, даже убийства, и это парк культуры.

Я увидела ее, сидящей на скамье, расположенной вдоль мощенной аллеи, усаженной в ряд крупными елями. На Кэтрин черные обтягивающие, словно вторая кожа, штаны, черная майка с глубоким декольте, открывающая вид на пышную грудь, сверху джинсовая куртка, волосы высоко собраны в конский хвост.

Хитро улыбается, встает.

— Знала, что ты придешь.

— Ты не оставила выбора.

— Никого не напоминает?

В груди что-то заныло, намекает на меня. Правда. Выбор? Для кого-то. Я не знала, что это.

— Ближе к делу.

Каждый ее шаг точный и уверенный, она действительно та, кто должен быть на моем месте в школе, первоклассная стерва, стройная, высокая, сексуальная, я теперь не удивлена тому, что Дениел переключился на нее.

— Ты виделась с моим братом. И парнем. Но это не главная причина, почему ты здесь, мы вернемся к этому позже. — Делает несколько шагов вперед, медленных спокойных, затем на каблучках разворачивается ко мне. — Кстати, ты же видела фотографии? Твой отец не промах.

— Заткнись. Об этом больше никто не узнает, поняла?

Смеется.

— Ты больше не главная... но, ты знаешь, я умею хранить секреты, большие, долго, пока мне не надоест. Знаешь ли ты, что такое свобода? — Демонстративно запрокидывает голову назад и делает глубокий вдох. — Сколько людей почувствовали ее, когда ты свалила. И теперь, ты здесь. Хочешь ли ты прощения?

Фыркаю от отвращения. Цепляю маску безразличия, не стану показывать как, на самом деле, ее слова действуют на меня.

— Ты что в монахини подалась?

— Я? Нет. — Смеется. — Но я хочу, чтобы ты заплатила. Хотя нет такой цены..

— Ты понятия не имеешь, что говоришь.

Она не обращает больше на меня внимания, берет в руки телефон и кому-то звонит.

— Птичка прилетела. — Это все, что она сказала, и я естественно ничего не поняла, до момента пока передо мною не оказалось шесть девушек, которые поочередно вышли из-за деревьев.

— Маленькая игра, Луиза. — Кэтрин шагает вперед, проталкивая девушек, выстроившихся передо мною в ряд

— Какая к черту игра?

Не могу отвести взгляд от блондинки, стоящей с краю, ее длинные волосы заплетены в косу, переброшенную на бок, на ней надета длинная черная юбка и блуза с длинным рукавом, голова опущена вниз. Я должно быть ошибаюсь.

— Итак, девушки, сейчас наша Луиза познакомится с вами... по своей памяти, и вспомнит... Что сделала каждой из вас. — Широко улыбается. — Я сейчас вернусь.

Кэтрин скрывается за кустами, я рассматриваю девушек, которые и слова не проронили с тех пор, как подошли. Знаю двоих из них, точно, может троих. Они же не собираются меня бить?

Бывшая подруга возвращается, я делаю вид, будто не в полной растерянности, словно мне плевать на нее и всех присутствующих, у нее в руке большая пластиковая корзина, которую я также, якобы не замечаю.

— Маленькая игра, Лу. — Повторяет она. — Ты можешь уйти, но... ты же знаешь.

Знаю. Фотографии. Я не уйду, что бы эта стерва ни придумала.

— Девушки, итак. Узнаешь кого-нибудь из них, Луиза?

Всматриваюсь в лица каждой, смотрю на корзину. Черт. Та блондинка, на которой я заострила внимание, по-прежнему не поднимает головы, я знаю ее, очень хорошо знаю.

— Ребекка. — Говорю еле слышно. Девушка поднимает голову и смотрит на меня в упор, я узнаю ее взгляд: холодный, расчетливый и... печальный.

— Бинго! — Взрывается Кэтрин и подходит к Бекке. — Бери, сколько считаешь нужным.

Это не та девушка, которую я помню. Раньше ее волнистые темные волосы обрамляли лицо, едва касаясь плеч, сейчас это длинная небрежная коса из светлых волос, ни грамма косметики, никакой мини-юбки и декольте. Что она здесь делает?

— Познакомься, Лу это Ребекка твоя лучшая подруга, в прошлом конечно. А теперь у тебя есть минута, чтобы вспомнить, как ты отплатила ей за ее дружбу.

— Что? — Качаю головой. Я ничего ей не сделала, никогда, ни Ребекке, ни Кэтрин, ни Элизабет. — Это абсурд.

— Абсурд или нет, вспоминай.

— Ты не в себе. — Говорю я.

Ребекка выходит из линии, приближается ко мне, равнодушно изучает меня, молчит, в этот момент ее рука тянется в корзину, которую держит Кэтрин, она достает оттуда что-то и разбивает мне о голову. Яйцо. Никто не смеется, все смотрят.

— Тридцать секунд. — Шепчет.

Качаю головой, вытирая с лица, растекшуюся по нему слизь.

— Я ничего не сделала тебе, Бекс.

Снова тянется в корзину, достает еще одно яйцо и снова разбивает о мою голову.

Кэтрин хохочет, я бросаю на нее озлобленный взгляд.

— Я предложила поджечь твои волосы, ну или сделать тебе стрижку, по «новой моде», ну все как ты любишь.

— Ты не в своем уме. — Убираю, прилипшие к лицу волосы.

— Говори!

— Я... я не знаю. — Я правда не знаю, клянусь, я не знаю. Последний раз я видела Ребекку на своей вечеринке, в *тот* вечер, прокручиваю его в голове, ничего, все было хорошо, до тех пор... снова эта картина перед глазами, тошнота подступает к горлу. Нет, это все не имеет никакого смысла.

— Ну что? — Спрашивает Кэтрин и в этот момент Ребекка бьет меня по лицу, я рефлекторно прижимаю ладонь к щеке, смотрю в наполненные слезами глаза бывшей подруги и все еще не понимаю. Она отступает назад, мои глаза начинают щипать при виде всего этого, при ощущении всего этого.

— Следующая. Кто? Саманта, кого ты еще узнала из этих милых дам? — Ненавистно выделяет мое имя, я в этот момент разглядываю девушек.

— Честер Край. — Сглатываю ком, вытираю остатки яйца с лица.

— Ну и?

— Ты была со мной, тупая дрянь! Ты была со мной.

Кэтрин заливается смехом и передает Честер одно яйцо. Девушка быстро подходит ко мне, она сомневается какое-то время, а затем безжалостно разбивает яйцо мне о голову, завтра там будет шишка, уверена.

— Ешь. — Шипит она, разбивая второе яйцо и размазывая мне его по лицу, пытаюсь затолкнуть его в рот, я убираю ее руки.

— Ешь, я сказала! — Орет она, и я не узнаю ту хрупкую рыжеволосую девчушку, которую когда-то заставила... Боже, я заставила ее пить воду из унитаза, я воспользовалась ее слабостью, теперь она пользуется моей. — Это всего лишь яйца, маленькая сука. — Она отстраняется, я закрываю глаза. Это был тот же год, выпускной год, многие из школы были в тот вечер на вечеринке у костра, Честер тоже была там, мы играли в бутылочку... Нет, это было после... Я поцеловала ее парня у всех на глазах, она обозвала меня шлюхой, а на

следующей день пила воду из унитаза. «Пей, я сказала! Выпей, это всего лишь вода, маленькая сука!» Она запомнила это. Я посмотрела на Кэтрин и Ребекку, они обе были там, они смеялись и аплодировали мне, а сейчас они позволяют разбивать яйца о мою голову за это.

Следующий удар был от Вероники Джаспер, я даже не смогла вспомнить, что сделала ей, возможно, обозвала, может быть подставила подножку в коридоре, я не знаю... Я просто... просто погрязла в этом дерьме.

Когда все закончили, я стояла целиком и полностью, обтекающая сырыми яйцами, с головной болью, жжением в глазах и комом в горле, насмешка на лице была лишь у Кэтрин, остальные даже не смотрели в мою сторону, и я поняла насколько они лучше меня, ведь я почти не испытывала стыда, когда задевала их.

— Мы никого не упустили? Ах да, самый важный гость нашей вечеринки.

Слышу шаги позади себя, не смею обернуться, а зря... Кто-то сильно хватает меня за волосы, закручивая их в жгут на затылке, я пытаюсь выкрутиться в обратную сторону, краем глаза замечаю знакомое лицо и... ножницы.

Это Лора Вудс с ножницами в руках.

— Опустит их. — Говорю я, сопротивляясь. — Мы можем обе пораниться.

— Оу, я буду рада, если случайно проткну тебя ими.

Я заслужила. Я заслужила. Заслужила. Заслужила. Резко отталкиваю от себя Лору, подхожу к ней ближе, смотрю на ножницы в ее руке, затем в ее глаза, в которых отражается злость, ненависть и страх.

— Давай. Сделай что-нибудь, раз взяла их.

Смотрит в упор, поднимает руку. Она замахивается, я немного вздрагиваю, замахивается снова, медлит. Хочет меня напугать? Боится? Снова поднимает руку вверх, и кто-то в этот момент перехватывает ее. Дениел. Его глаза бегают из стороны в сторону, останавливаются на мне. Он тянет руку к моему лицу, я отступаю назад.

— Вы что здесь спятили? Что происходит? — Подходит к Кэтрин. — Что ты делаешь?

— Ты все пропустил.

— Ты больная? Какого черта?

Ловлю себя на мысли, что медленно отступаю назад.

— Ты куда, милая? У меня еще для тебя сюрприз. — Достает из корзины очередное яйцо и протягивает в мою сторону. — Теперь твоя очередь.

Чего она хочет? Чтобы я разбила его об ее чертову голову? Медленно-медленно, продолжаю шагать. Нет. Она хочет, чтобы я разбила его о голову Дени.

— Иди сюда, Луиза! — Она мчится в мою сторону, но мой бывший перекрывает ей путь.

— Уходи, Лу. — Говорит он. — Иди.

Я иду, Дени, иду. Не повернусь к ним спиной, это одни из тех людей, которые всаживают туда ножи. Спотыкаюсь, кажется о бордюр. В голове шум, крики, смех Кэтрин, события прошлых лет, Дениел, папа и миссис Харт, я падаю. С помощью рук пытаюсь подняться на ноги, мой бывший подбегает ко мне и помогает встать.

— Вернись! — Орет Кэти.

— Уйди. — Шиплю я.

— Все хорошо. — Проводит рукой по моим волосам.

— Дениел Харт! Вернись немедленно или клянусь Богом..

— Что? Что ты сделаешь?

— Ты знаешь..

— Мы поговорим об этом позже. Забирай своих клоунов и, уходите. Все хорошо, Лу. —

Успокаивает он. — Нужно привести тебя в порядок.

— Я сама.

Домой в таком виде я точно не явлюсь. А может все-таки стоит? Папа, должно быть оценит.

— Не упрямясь, идем.

Он обнимает меня за плечи, я позволяю вывести меня так из парка, Кэтрин, наверняка в ярости. Высвобождаюсь из рук Дени, когда поднимаю голову и вижу парня, подпирающего собой черный блестящий «Ягуар». Николас. Он смотрит на меня, я смотрю на него, затем он смотрит на Дениела, руки которого я пытаюсь от себя убрать. Наконец, ступор рассеивается и, брUNET быстрым шагом направляется к нам.

— Лу. — Дени почти рычит.

Брови Николаса смыкаются на переносице, он изучает меня, мое лицо, волосы.

— Какого черта?

— Кэтрин. — Равнодушно выплевывает мой бывший и, отворачивается.

— И ты, мать твою, допустил это?

— Я пришел, когда все уже закончилось! Ясно? Я не знал, зачем она меня позвала.

— Чтобы еще больше посмеяться надо мной. — Бормочу я.

Оба смотрят на меня.

— Мы уходим. — Ник не спрашивает вслух, осторожно берет меня за руку, задавая тем самым молчаливый вопрос. Я долго ничего не говорю, затем смотрю на Дени, он фыркает и снова отворачивается. Понял. Я киваю и позволяю Николасу посадить меня в машину. Боюсь, что либо испачкать, боюсь говорить что либо, боюсь показаться неуместной, жалкой.

Он смотрит на меня, я не могу повернуть голову, он ждет, я не могу..

— Либо ты примешь себя со всем этим дерьмом, либо ты погубишь себя. Нет твоей вины в том, что они сделали, здесь нечего стыдиться.

— Если бы ты знал меня раньше, Николас Янг, если бы ты знал, почему я позволила сделать это с собой, я бы скорее всего не сидела сейчас в твоей машине.

Молчаливый взгляд, словно он все понимает, все знает и все равно я здесь. Нет, это не так.

Глава 11

Все содеянное тобой рано или поздно возвращается к тебе в трехкратном размере. Добро, зло, для меня все, что я делала раньше было лишь развлечением, кроме того конечно, чего я не делала вовсе. Может когда-то я делала кому-то хорошее? Иначе я не вижу причины, по которой Николас Янг появился в моей жизни.

Он привез меня в свою городскую квартиру, расположенную на пятом этаже новенького здания, находящегося недалеко от центра. Большая комната разделена на две части: спальня и кухня, спальня больше похожа на студию, имея при этом огромную кровать, книжный стеллаж, шкаф для одежды и шикарный вид на город из панорамного окна, кухня сделана по последним технологиям бара, высокие стойки, стулья, алкоголь, много алкоголя.

Медленно ступаю по паркетному полу, не стесняясь, оглядываю все вокруг, парень улыбается.

— Вот здесь я и живу.

— Мило. — Бормочу я. Над книжным стеллажом, развешаны виниловые пластинки, похожие на те, которые висят у меня над окном.

— Нравится?

— У меня что-то похожее.

— Правда?

— Угу.

— Ты можешь принять ванную, затем я отвезу тебя домой.

Напрягаюсь, вот оно, снова это слово «дом», которое больше не вызывает никаких приятных эмоций.

— Твой телефон звонил несколько раз. — Николас пытается перевести тему. Будто я не слышала, что мама звонит мне уже шестой раз подряд. Имею ли я право поступать с ней так? С отцом? Определенно. С ней? Нет. В любом случае, я все равно не беру трубку.

— Извини... за неудобства. Это так... — Не знаю, как продолжить. Стыдно?

— Все нормально, ты не вызываешь неудобств, почувствуй себя, как дома, правда.

— Спасибо.

Суть в том, что и дома я не чувствую себя, как дома, я не знаю, где мой дом.

Николас провожает меня до двери ванной комнаты, отдает чистые полотенца, натянуто улыбается, желая разрядить обстановку.

Мне приходится дважды помыть голову, чтобы быть уверенной в том, что яичная слизь полностью покинула волосы. Футболка оказалась не менее чистой, поэтому я позволила парню забрать ее в стирку и надела его майку, которая была достаточно длинной, чтобы прикрыть хотя бы задницу.

Нелепо поправляю мокрые волосы, когда выхожу из ванной.

— Спасибо за футболку. — Стараюсь улыбнуться, Николас кивает.

— Хочешь поговорить об этом? О том, что произошло.

Молчу. Хотела бы я рассказать об этом кому-то? Тому, кто бы понял меня, да. Поймет ли он?

Сажусь на край кровати, вытягиваю ноги, как дура рассматриваю свои ногти, накрашенные черным лаком, Николас сидит рядом и пристально наблюдает за мной. Я чувствую его запах на одежде, которую он мне дал. Пахнет свежестью, свободой и силой.

— Я говорила, что я плохой человек?

— Я не настаиваю, чтобы ты рассказывала мне об этом.

— Я хочу. — Говорю неожиданно, кажется для нас обоих. Он смотрит и его невероятной глубины, словно лунные кратеры глаза, говорят, что он готов меня слушать. И я рассказываю, рассказываю обо всем, что произошло в парке, я запинаюсь, но продолжаю говорить, я рассказываю о причине того, почему я оказалась там, почему я позволила каждому яйцу разбиться о мою голову, почему я вообще пошла на поводу у Кэтрин. Николас молчал, он злился, и я бы поняла, если бы он выгнал меня, но все что он сделал это глубокий вдох, а затем большим пальцем руки он вытер слезу с моей щеки.

— Ребекка?

Ребекка единственная причину появления, которой я не знаю.

— Клянусь, что не знаю, почему она была там. Я никогда... — Он прикладывает указательный палец к моим губам.

— Я верю тебе.

— Спасибо.

— За что? — Хмурится.

— Это намного больше, чем дают мне другие. Я благодарна. Ты добр ко мне и..

Кажется, я расчувствовалась и это явно лишнее. Николас выплевывает быстрый смешок.

— Это не доброта, Лу.

— Нет?

Вот оно. Сейчас он поступит со мной так же, как и Гарри Стэнфилд, посмеется и скажет проваливать.

— Нет.

Он улыбается мне самой яркой улыбкой на всей планете, а я как дура сижу и хлопаю, испуганными до смерти глазами. — Нет? — Снова повторяю я.

— Ты слишком много предаешь всему этому значения. Твой парень так сильно запугал тебя?

Качаю головой. Телефонный звонок. Пытаюсь встать, Николас останавливает меня.

— Я принесу.

— Кто там?

Протягивает мне мобильник. Уверена, что выражение моего лица становится еще более отвратным.

— Папа. — Говорю сама себе. — Он никогда мне не звонит. — Беру трубку, осторожно, словно предчувствую, что не к добру это.

— Где ты?

Сердце колотится как бешеное.

— На ферме.

— Не ври мне, Саманта.

— Пап. — Это все что я могу сказать.

— Живо домой, где бы тебя ни носило.

Клянусь, все мои органы сотрясаются от звука его голоса. Хочется напомнить, что я давно выросла, но язык не поворачивается. Ощущение, будто я что-то должна, многое должна моим родителям, не покидает меня. Я ужасная дочь.

— Я... я... не могу.

— Я сейчас у миссис Макэвой, она говорит, ты исчезла несколько часов назад, возвращайся домой, тебя ждет сюрприз.

Конец вызова. Сердце грохочет. Не нравится мне этот тон и слово «сюрприз» мне не нравится. Почему отец приехал за мной на ферму?

Поднимаю голову, смотрю на парня, ждущего, что я что-то скажу. Еще один звонок. Не у меня. Ник достает телефон из кармана.

— Да мам. — Вздыхает, отходит в сторону. Разговаривает недолго. Возвращается.

— Мне нужно отвезти тебя домой. — Вижу, как сглатывает ком.

— Что-то случилось? — Тихо спрашиваю я.

Я словно запуганная серая мышка, ненавижу себя, ненавижу.

— Я не знаю... Твой отец рвет и мечет, моя мать в бешенстве.

Она в бешенстве, потому что он со мной, она предупреждала меня, чтобы я не приближалась к ее сыну, миссис Макэвой знает кто я, Николас — нет.

— Это для твоего блага.

Киваю. Да, конечно, все для моего блага. Не впутывать бы тебя в мою жизнь, Николас

Янг.

— Моя одежда?

— Немного влажная.

— Пойдет.

Кажется, мы ехали вечность, я смотрела в окно и думала о том, как впервые за пять почти с половиной лет отец позвонил мне, и что так сильно могло его разозлить.

— Останови здесь.

Мы приближаемся к соседнему дому посилившихся здесь восемь лет назад зажиточных мексиканцев.

— Я сказала здесь. — Сама не замечаю, как начинаю злиться. Николас кидает на меня быстрый взгляд, смотрит, сжав губы в тонкую линию, но продолжает ехать.

— Я подвезу тебя к дому, ничего плохого не случится.

Не будь так уверен, парень. Меня всю трясет от страха, когда мы приближаемся к воротам моего дома, я закрываю глаза, руки начинают дрожать, совсем как тогда пять лет назад, это было худшим кошмаром за все мои двадцать два. Я предчувствую что-то не очень хорошее. Отец стоит, сложив руки у себя на груди, словно он ждал меня несколько часов. У ворот двое мужчин в синей рабочей форме, они ничего не делают, кажется, все ждут меня. Господи, помоги. Я вижу это, и знаю, что Николас тоже видит, от этого меня бросает то в жар, то в холод, я не осмеливаюсь посмотреть на парня сидящего рядом, и не осмеливаюсь открыть дверь, чтобы выйти. Одежда на мне все еще влажная после стирки, но я уже не обращаю на это внимания, это меньшее, что меня сейчас волнует. Папа приближается к нам, открывает дверь с моей стороны.

— Выходи. — Командует он.

— Я ничего не сделала. — Говорю еле слышно.

— Я сказал: вышла отсюда.

— Вам нужно держать себя в руках, сэр. — Встревает Ник, папа злится еще больше, он дергает меня за руку, вытаскивая наружу, я не сопротивляюсь.

— А ты. — Он указывает на Николаса, который также покинул машину. — Попридержи язык, сопляк.

Отец толкает меня вперед, прямо лицом к нашему высокому забору.

— Видишь это?

Киваю. Глаза жжет от слез, которые я не собираюсь выпустить на волю.

— А еще это. — Он тянет меня за руку к своей машине и, я вижу то же самое, что и на нашем заборе, огромная надпись красными буквами, с намеренно растекшейся краской, похожей на кровь. «Убийца». Это не имеет никакого отношения к моему отцу или к кому-либо еще из моей семьи, я знаю, почему папа зол, потому что тот, кто написал это, пришел сюда по моей вине.

— Тебе нужно уехать, Николас. — Бросаю я через плечо, не сводя взгляд с папиной машины. Это даже не моя тачка. Они не имели права.

— Я могу помочь.

Нет, ты не можешь.

— Уходи.

Я прогоняю его не потому что сама так хочу, а для его же блага, я не хочу впутывать невинного парня в свою гадкую грязную жизнь, не хочу чтобы он чувствовал себя

ущемленным или оскорбленным, люди будут шептаться, делать отвратительные вещи. Это ведь только начало, да?

Машина Николаса отъезжает, я вижу, что он смотрит на меня через лобовое стекло.

— Они не имели права. — Злюсь я. — Я отмою это.

— Нет, ты не отмоешь. Я уже записал ее на покраску, просто хотел, чтобы ты взглянула, во что втянула нас.

Я закипаю, вся внутренняя обида, подступает вверх к моему горлу.

— И что я должна сделать? Убить себя? Чтобы не доставлять вам с мамой проблем. —

Пищу я.

— Что ты такое говоришь? — Я слышу маму, она приближается ко мне, кидает на папу грозный взгляд, ее глаза на мокром месте и мне хочется разрыдаться, я испортила им жизнь. — Не смей так говорить, никогда. Это ерунда, забор, машина, все это исправимо.

— Это не закончится. — Говорю я.

— Мы будем бороться. Постарайся... подружиться с людьми.

Она серьезно? Меня ненавидят все, даже те, кто никогда меня не встречал. Исключение Николас Янг, которому кажется было вообще плевать на эту историю пятилетней давности. Может он и слышал об этом, но думал, что это какие-то сплетни, сегодняшний день стал доказательством обратного. Уверена, что он больше не приблизится ко мне и на метр.

Глава 12

Я думала о том, как поговорю с папой о тех фотографиях, которые мне прислала Кэтрин, сейчас я больше не ломаю над этим голову, случай с надписью на заборе и машине придал мне уверенности, отец презирает меня, но разве имеет он право на это, после того, что сделал. Я знаю свою мать, она сделает для этого мужчины все, что угодно. Я верила в целостность нашей семьи, даже после проведенных пять лет черт знает где, я думала, не пошатну эту крепость. Мне только остается решить, что делать с информацией которой я владею, я думаю, папа поможет мне принять решение.

После того, как в доме поутихло, все забились по своим комнатам, прислуга не болтается под ногами, мама уснула. Я приоткрыла немного дверь спальни и заметила, что папы там нет, значит он должно быть в своей комнате. Или с этой женщиной. Мгновенная мысль проскочила в моей голове, но я тут же ее отогнала.

Стукнув один раз в дверь кабинета, я не ждала приглашения и сразу вошла. Отец поднял голову, убрав взгляд от каких бумажек, разбросанных по столу.

— Если ты пришла извиняться, сейчас не время.

Извиняться? За то, что какой-то идиот испоганил нам забор и отцовскую машину? Ну уж нет. Это, пожалуй, последнее, за что я буду испытывать чувство вины.

— Я пришла не поэтому.

— Нет?

Я не стану медлить, это не имеет никакого смысла, либо мы решаем этот вопрос, либо я не знаю..

— Шарлотта Харт. — Говорю я, папа снова поднимает голову. Кажется, я его заинтересовала. Закрываю дверь, подхожу ближе к столу. Отец делает вид, будто не понимает, что я от него хочу.

— Ничего не хочешь мне рассказать, может маме?

— Что я должен рассказать?

— Что у вас с ней? С Шарлоттой, я имею в виду.

Пожимает плечами.

— Ничего.

Слишком легко, слишком непринужденно, словно я спросила, как погода. Сжимаю в руке телефон.

— Ты можешь не врать, я все знаю.

— Понятия не имею, о чем ты говоришь, Луиза. — Ох, я снова стала Луизой. Он собирает, разбросанные по столу документы в стопку, затем ослабляет галстук, словно ему сложно дышать.

— Я видела фотографии.

— Не говори ерунды. — Он злится, и я знаю, что врет мне.

Открываю сообщение, присланное Кэтрин, подхожу к отцу, подставляю экран телефона к его лицу, он снова поправляет галстук, сглатывает, вижу, как нервничает, я злюсь на него.

— Это ничего не значит, я оказал Шарлотте некую помощь в бизнесе, она просто поблагодарила меня.

Продолжает врать, мне становится тошно. Почему бы просто не признаться? Я хочу помочь.

— Она трогает тебя, и я вижу, как ты смотришь... — Открываю следующее фото. — Вы целуетесь, пап.

— Где ты это взяла? — Вырывает у меня телефон.

— Какая разница?

— Будешь учить меня жизни?

— Я покажу их маме. — Вру я.

— Даже не думай.

— Прекрати общаться с этой женщиной, ты разрушаешь семью. Мама любит тебя.

— Я тоже люблю ее, как свою жену, как мать моего ребенка, но не... — Замолкает.

— Не как женщину?

— Я не могу сейчас это решить, удали эти фотографии, матери не стоит об этом знать. Когда придет время, я сам скажу.

— Это убьет ее!

— Где ты взяла их, кто нас видел?

— Это не имеет значения. Ты просто расстанешься с Шарлоттой и, мы забудет об этом.

— Ты понятия не имеешь, о чем просишь. Дай мне шанс самому во всем разобраться.

Молчу. Должна ли я на него давить?

— Хорошо. Я хочу попросить тебя об одолжении.

— Хм?

— Верни мистера Харпера и Сьюзи на работу.

— Ты вздумала меня шантажировать, соплячка?

— Это просто просьба!

— Это невозможно.

— Почему нет? Они работали у нас достаточно долго, чтобы заработать уважение.

— Я не могу их заставить..

— Заставить? Мама сказала... — Когда я вернулась, она сказала, что те давно уволены.

— Мама не хотела тебя расстраивать. Уйти было их желанием.

Я долго молчу. Должны быть они уволились после того, как я уехала. Конечно, это

очевидно, что они не захотели оставаться в этом доме, я бы и сама так поступила.

— На наш дом обрушилась «гроза», Луиза. Репортеры, соседи..

Это моя вина, я подвергла родителей этому, я стала причиной увольнения мистера Харпера и Сьюзи.

— Где они сейчас, ты знаешь?

Я хочу поговорить, я правда хочу знать, как у них дела, я хочу, попросить их вернуться.

— Знаю. — Тихо говорит отец.

— Скажешь адрес?

— Луиза..

— Пап.

— Они работают у Хартов.

Еще один удар. Они ушли работать в дом Дениела? Чувствую толику предательства и корю себя за это. Не имею права. Они всего лишь работники и хорошее обращение ко мне было лишь частью их работы, я слишком наивна.

— Тебе нужно решить проблему с Шарлоттой, пап. — Перевожу тему

Отец открывает рот, чтобы что-то сказать, но тут же закрывает его, как только мы оба слышим оглушающий крик, разносящийся вихрем по дому. Я выбегаю из кабинета, папа идет за мной, на лестнице я сталкиваюсь с Карен и велю ей вернуться к себе.

Я нахожу маму на полу, она рыдает, уставившись в телефон, лежащий рядом.

— Мам. — Подхожу ближе, смотрю на отца, он напуган. — Что случилось, мам? — Она кричала так, словно кто-то умер. Поднимаю с пола ее телефон, руки дрожат, сердце выскакивает из груди. Тварь, я убью ее. Она скрыла номер, будто итак не понятно, кому принадлежат эти фото. Встаю.

— Дай мне ключи от машины. — Обращаюсь к замершему в дверях отцу. — Дай ключи.

— Доктор запретил..

— У меня есть права.

Да мне запретили водить машину, ссылаясь на то, что я неадекватная, но я вполне в себе, я не сумасшедшая.

— Если, это из-за лекарств, то я их не принимаю. — Признаюсь я. — Ключи, пап. — Требую.

Он лезет в карман и протягивает мне ключи от своего автомобиля, я немедленно выбегаю на улицу и завожу тачку.

Я не принимаю лекарства, и понимаю, что только что сдала себя. Вероятно, у меня будут проблемы, но не это сейчас важно. Что бы мне ни сказали, я не собираюсь пить это дерьмо, которое делает из людей овощей.

Еду слишком быстро, надеюсь, меня не остановит полиция. Слава Богу, копов на дороге нет, паркуюсь у дома Стэнфилдов, едва заглушив двигатель, выхожу из машины и несусь к двери, тарабаню в нее, что есть сил.

— Луиза? — Озабоченный взгляд Гарри, меня вообще никак не волнует. — Родители дома?

Качает головой.

— Что-то случилось?

— Кэтрин? — Тяжело дышу, проталкиваюсь вперед.

— Она наверху. Тебе нужна помощь?

Иди к черту, Гарри. Не обращаю на него внимания.

— Кэтрин! — Ору я. — Иди сюда, грязная стерва.

— Луиза! — Младший Стэнфилд хватается меня за плечи.

— Убери свои руки. Кэтрин! — Снова ору.

Она спускается, сонно потирает глаза, на ней короткий бежевый халатик, волосы слегка растрепаны и мне хочется вцепиться в них, выдрать каждую волосинку из этой тупой головы.

— Ты что здесь устроила, дура?

— Т..ты. — Запинаюсь. — Ты знаешь, что ты сделала дрянь?

Хмурится.

— Ты с ума сошла, покинь мой дом.

— Ты столкнула меня с тем, что я совершила в прошлом, как думаешь, что я должна сделать за то, что сделала ты?

— Что ты мелешь? Гарри убери ее отсюда.

— Я пришла на твою встречу, позволила унижить себя, а ты все равно сделала это..

— О чем она говорит? — Влезает Гарри.

— Понятия не имею. Я ничего не сделала.

— Моя мать только что получила те фотографии, ты довольна?

Ее глаза округляются, кажется, она удивлена, но я не верю ей.

— Я этого не делала. Я спала, идиотка, последние два часа. И у меня не осталось ни одной фотографии, можешь проверить мой телефон, я чиста, это не мое дело.

Заставляет меня сомневаться, но я все равно не верю.

— Если с моей семьей..

— Угрожаешь? Кем бы я ни была для тебя, Луиза, я не отправляла эти фотографии, это кто-то другой.

— Например? Они были только у тебя.

— Я так не думаю.

— Что?

— Иди домой, Луиза, я не могу тебе помочь, что сделано то, сделано, но это не я.

На секунду я верю ей, зачем ей врать? Нет на то причин. Будь это ее рук дело, она бы не стала скрывать, с гордостью бы призналась в этом. Я отступаю назад, сдерживая подступающие слезы. Я не собираюсь здесь реветь. Я даже не могу спросить, у кого еще были эти фотографии, какой урод это сделал, я боюсь открыть рот, чтобы не разреветься. Я боюсь вернуться домой и увидеть вдребезги разбитую мать и отца, загнанного в угол.

Возвращаюсь в машину, кладу голову на руль, пытаюсь отдышаться. Стук в окно.

— Луиза.

— Исчезни, Гарри.

— Что бы там ни произошло, Кэтрин этого не делала. Она спала.

Не удивительно, что он на ее стороне, он ее брат, и ненавидит меня. Я ничего не говорю, набираю в легкие воздуха, завожу машину и уезжаю.

Я не знаю, как мне вернуться домой, что говорить, что делать. Как я могу сохранить свою семью, если я полностью бесполезна?

Отец встретил меня в гостиной, я плюхнулась на диван, потирая лицо рукой.

— Как мама?

— Я дал ей твои таблетки, она спит.

Киваю. Впервые, я согласна с тем, чтобы кто-то принимал эту наркоту. Интересно, они

вообще законны?

— Что мы будем делать?

— Мы? Ничего. Я завтра поговорю с ней, я обещал.

— Ты ведь не бросишь ее?

— Луиза.

— Ответь мне.

— Мне нужно поговорить с Шарлоттой.

— Сделай это быстрее.

— Как дела на ферме, справляешься? Тот парень..

— Николас.

— Он хороший?

— Хороший, но не думай, что мы... Он сын миссис Макэвой.

Отец чувствует свою вину, я вижу это, он разговаривает со мной, спрашивает как мои дела, и якобы заинтересован парнем, который привез меня домой. Это нетипично для нынешнего поведения моего папы.

— Я думаю, нам обоим пора спать, был тяжелый день. Постарайся, завтра встать вовремя.

Обычно мне всегда тяжело уснуть, мысли мешают, именно поэтому по словам моего врача, мне прописаны лекарства, которые я не собираюсь принимать. Сегодня был тяжелый день, и у меня будет очередная ночь с кошмарами, в которые я давно приняла, как часть своей жизни. Мне нельзя расслабляться, потому что завтрашний день может стать еще хуже.

Глава 13

Руки дрожат, я вся дрожу, словно на улице зима, и я вышла в одном купальнике, ничего не видно из-за собственных слез. Я трогаю свое лицо, размазывая слой туши по нему, запускаю руки себе в волосы, тяну их.

— Луиза. — Успокаивает меня женщина, ее голос доносится издали, но я знаю, что она стоит рядом.

— Тебе нужно успокоиться. Присядь.

Сажусь, не могу унять дрожь, смотрю на свои руки.

— Расскажи мне, что произошло.

— А?

— Расскажи мне все, я должна знать.

— Кто вы? — Поднимаю глаза на смуглую худенькую женщину лет тридцати пяти на вид, всхлипываю.

— Я твой адвокат, Луиза, Аделаида, помнишь меня? — Она кажется напуганной. Я киваю. Да, она забрала меня из полицейского участка.

— Он мертв? — Осторожно спрашиваю я.

Женщина кивает, меня начинает колотить еще сильнее. Это не я. Это не может произойти со мной. Я не верю, что все это на самом деле происходит со мной.

— Луиза, я защищаю тебя, поэтому мне нужно знать правду. Ты сделала это?

Правду. Я сделала это? Я сделала это. Я сделала это. Я. Я. Я.

— Я хочу домой. — Пищу, сквозь рыдания. — Где мои родители? — В ужасе оглядываюсь по сторонам, но все что вижу, это пустую комнату.

— Луиза, тебе нужно все мне рассказать.

— Я хочу домой, к моим родителям, понимаешь?

— Боюсь, это невозможно, детка.

— Маам! П-пааап! — Ору я. — Пожалуйста.

Женщина с жалостью смотрит на меня и нажимает какую-то кнопку на столе. Что происходит? Двое в халатах входят в помещение, они берут меня под руки, и пытаются вывести, я кричу изо всех сил.

— Оставьте меня в покое, я не сумасшедшая! Мааам!

Меня тащат куда-то, я все еще сопротивляюсь. Они кладут меня на кровать и всовывают иглу в вену моей руки, через какое-то время я понимаю, что нет сил даже говорить, так устала..

— Какое сегодня число, Луиза? — Спрашивает женщина в белом халате, ослепляя глаза дурацким фонарем.

— Первое июня. — Шепчу я.

— Тридцатое июля, детка.

«Идиотка» — думаю я. Звуки почти пропадают, но клянусь, что слышу голос мамы где-то вдалеке.

— Она сошла с ума?

— Мы это исправим, но сейчас Вам это на руку, вы ведь понимаете?

Я не знаю, что ответила мать, потому что я должно быть, отключилась.

Слишком часто я вижу это, и еще много других смазанных отрывков, после которых просыпаюсь в холодном поту и с головной болью. Я знаю, что это не просто сны, это было на самом деле, и мне придется жить с этими воспоминания.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Отец привез меня на ферму ровно в десять, я не видела маму с утра, наверное, она все еще спала после тех таблеток, мы с папой не обсуждали эту тему, вообще не разговаривали. Миссис Макэвой попросила меня помочь ей в субботу и, она была на удивление в хорошем настроении, она сделала мне липовый чай в обед и угостила горячими пирожками. Животные действительно стали неплохим отвлечением от собственной жизни, особенно эти дурацкие грязные свиньи, после которых от меня воняло за три мили. Николас не появился ни сегодня, ни на следующий день. Признаюсь, в глубине души, я ждала его, но и в то же время, выдохнула от того, что его нет. Не хочу обсуждать ту ситуацию с надписью на моем заборе. Его не было и на третий день и, я поймала себя на мысли, что он уже в курсе всего обо мне, и очевидно, не хочет больше меня знать. Может оно и к лучшему. Не хочу стать разочарованием еще для одного человека, лучше пусть это произойдет рано, чем поздно.

Мама ходила по дому, как приведение, ни с кем не разговаривала, и я не лезла с расспросами, отец обещал все уладить, я просто жду, когда все станет нормальным хотя бы дома. Мысль о том, что мистер Харпер и Сьюзи работают в доме моего бывшего, все еще не дает мне покоя, я думаю с этим мне тоже нужно разобраться поскорее.

Сегодня отец остался дома, я приняла это как попытку наладить семейные отношения, и он даже позволил мне взять его машину, чтобы не пришлось забирать меня с фермы, потому что вчера, я перепутала автобус и добиралась домой на такси, слава Богу, деньги были. Последние несколько дней были спокойными, и я даже словила мысль, что все налаживается.

Я позволила себе остановиться у центрального супермаркета, чтобы купить воды. Я говорила, что мне надоело бояться. Стоит чаще появляться на людях, и не самое ужасное

встретить Бретта Томпсона в этом магазине, кругом полно придурков, вроде него. Кассир вежливо обслуживает меня — его работа, я не знаю этого парня, но он осторожно пялится на меня, в ответ я делаю вид, что не замечаю любопытства.

— Привет, малышка.

— Отвали, Бретт. — Забираю с кассы две бутылки воды без газа и направляюсь к выходу.

— Да брось, я просто поздоровался.

Он ничего не делает «просто»

— Идешь в «Еллоу Бич» сегодня? Какая-то тусовка намечается.

Плевать я хотела на «Еллоу Бич» и тусовки. Сегодня суббота, вспоминаю о том, что говорил Николас в день моего приезда, он приглашал всех на выступление своей бэк-вокалистки Кэндис Девелпорт. Я точно туда не пойду, особенно после того, как она плюнула мне в лицо, да и от Николаса ничего не слышно уже несколько дней.

Останавливаюсь, разворачиваюсь на пятках, вижу ухмылку «победителя» на лице Бретта. Хрен тебе, Томпсон.

— Знаешь, где Дени? — Спрашиваю я.

— Хм? Зачем тебе он?

— Не собираюсь отдавать то, что принадлежит мне. — Намекаю на Кэтрин, пожимаю плечами. Кажется, этот придурок мне верит.

— Я могу позвонить. — Тянется к телефону.

— Нет. Нет. У меня сейчас дела, назначь ему встречу. Скажи, что я хочу встретиться с ним через час, пусть это будет «Еллоу Бич», ладно?

— Хорошо, малышка.

— Спасибо.

— Надери ей задницу, детка!

Ничего не отвечаю, виляя ягодицами, возвращаюсь в машину. Минутка стервы сыграет мне сегодня руку. Я хочу навестить мистера Харпера и Сьюзи, и должна убедиться, что моего бывшего парня не будет дома. Он придет в «Еллоу Бич», я знаю, не потому что я вдруг стану ему нужна, а потому что ему интересно. У меня будет примерно полчаса до того, как он поймет, что я его обманула, точнее Бретт Томпсон его обманул.

Направляюсь домой, чтобы принять ванну и по возможности поговорить еще раз с отцом, удостовериться, что мама в порядке. Останавливаюсь у цветочной лавки неподалеку, покупаю букет пионов и с улыбкой на лице продолжаю путь.

Вернувшись домой, приоткрываю дверь и заглядываю внутрь. Первую кого вижу — Карен новую гувернантку.

— Псс... Карен. — Девушка подбегает ко мне.

— Что-то случилось, мисс?

— Где мама?

— Была наверху.

— А отец?

Пожимает плечами.

— Кажется в кабинете.

Прохожу в дом, на носочках бегу в офис отца. Он говорит с кем-то по телефону, и сразу замолкает при виде меня.

— Я перезвоню. — Кладет телефон на стол.

У меня хорошее настроение, потому что я собираюсь сделать этот день нормальным.

Отец кивает на букет цветов в моей руке.

— У тебя появился парень? Тот мальчик..

— Я же сказала, мы не..

— Я понял.

— Это тебе. — Прохожу вперед, отец хмурится и смотрит на меня, словно я чудачка.

Может быть. — Я имею ввиду, ты должен подарить их маме, я проезжала мимо чудесной цветочной лавки и подумала, что эти идеально подойдут.

— Подойдут для чего, Луиза? Я не собираюсь..

— Я хочу, чтобы вы помирились!

Он отворачивается от меня ровно на секунду.

— Ты не поняла?

— Нет. Объясни.

— Мы не ссорились с твоей матерью. Я не люблю ее. Если я подарю ей эти... цветы, это будет означать, что я признал ошибку и хочу ее исправить.

Я все понимаю.

— И ты не признал?

— Это не ошибка, Луиза. Оставь цветы себе.

— Ты сейчас разбиваешь мне сердце.

— Ты уже не маленькая.

— Паап!

— Забери цветы и выйди отсюда, наш разговор окончен.

Я какое-то время смотрю на него, затем швыряю пионы на стол и ухожу. Не может быть, чтобы я так облажалась, была уверена, что все пройдет хорошо, что он понял. Нет, он не понял, и мне придется это принять, и ждать когда отец нас бросит, а потом еще долгое время смотреть на разбитую мать, не это я себе представляла, когда была далеко отсюда.

Иду к себе в комнату, быстро купаюсь, передеваю пропахнувшую фермой одежду, после чего возвращаюсь в машину. У меня на сегодня есть еще одно дело, которое я не должна провалить.

Харты живут в квартале, принадлежащим им, их дом выглядит больше и богаче, чем наш, штат персонала обслуживания гораздо шире, но мы никогда не нуждались в большем, хоть я и была школьной выскочкой. Паркуюсь у красных ворот, звоню в дверь, молюсь, чтобы Дениела уже не было. Двое широкоплечих высоких мужчин встают предо мною.

— Эмм... хозяйева дома?

— Только миссис Харт.

— Могу я... мне нужно поговорить с работниками вашего дома. Мистер Харпер и Сьюзи Харпер?

— Могу я узнать Ваше имя, мисс?

Черт.

— Луиза Хейл.

Мужик прищуривает глаза.

— Я позову миссис Харт. — Говорит другой.

— Нет. Мне нужен мистер Харпер и Сьюзи.

— У Сьюзи выходной. По какому Вы вопросу?

— По личному.

Один мужчина уходит, другой делает вид, что меня уже здесь нет. Я жду. Дениел безо всякого пробирается ко мне в комнату, а меня даже через ворота не пропускают.

Я вижу Шарлотту, она гордо шагает, цокая каблуками по подъездной дорожке. На ней кожаная юбка и бежевая свободная блуза, волосы завязаны в высокий хвост. Женщина выглядит так, словно готова покорять мир в любую минуту. Во рту образовывается горечь от внезапной мысли о том, что отец, на самом деле, не промах.

— Чем могу помочь, Луиза?

— Я бы хотела увидеть мистера Харпера.

— Это невозможно. Он работает.

— Всего две минуты.

— Нет. Зря ты пришла.

Она намеренно меня бесит?

— Что насчет моего отца?

Ее выражение лица меняется, и даже приобретает новый оттенок.

— Понятия не имею, о чем ты.

— Вы знаете.

— Уходи.

— Я не уйду.

— Уберите эту девушку с территории моего дома.

Оба парня берут меня под руки, я упираюсь, миссис Харт, демонстративно уходит.

— Да как вы смеете!

— Тебе здесь не рады. — Говорит она вслед.

— Но вы рады моему отцу в своей постели!

Шарлотта больше не оборачивается, громилы выводят меня и закрывают ворота.

Я еду в «Еллоу Бич», потому что если Дениел на самом деле пришел на мою встречу, значит ему интересно, он может быть полезен. Я вижу этого придурка почти сразу, как вхожу в клуб, он сидит на баре и оглядывается по сторонам, кажется, меня еще не заметил. Громкая отвратительная музыка режет уши, на сцене Кэндис Девелпорт, голос у нее приятный, спорить не стану. Сердце ускоряет ритм, я исследую сцену в поисках Николаса, его нет. Он должен быть здесь, я готовлюсь к тому, чтобы встретить его. Было бы отлично, если бы мы не увиделись, иначе я буду чувствовать себя, как минимум неловко, потому что очевидно, что этот парень избегает меня.

— Эй. Я искала тебя. — Заправляю волосы за ухо, улыбаюсь, как дура.

— Привет.

— Извини за опоздание. — Сажусь рядом, на свободный стул, быстро оглядываюсь по сторонам. Кажется, всем плевать, что я здесь, никого из бывших друзей не вижу.

— Я удивлен, что ты пришла. — Заметно нервничает, должно быть также, как и я, не хочет столкнуться с кем-то, особенно с Кэтрин.

— Я назначила встречу, конечно, я пришла. — Хмурюсь, строю из себя полную идиотку, совсем как в прошлые времена.

— Зачем? — Спрашивает Дени. Он серьезен и напряжен.

— Я подумала, что нам нет смысла быть врагами.

— Я не твой враг, Лу.

Мне хочется его ударить, напомнить о том, как он поступил со мной, потому что я вспомнила все, каждую деталь. Я доказала себе, что не сумасшедшая. Он больше, чем просто

отказался от меня. Я любила его. Должна ли я отомстить? Нет, Лу, нет. Все в прошлом. Мне нужно лишь научиться жить с тем, что осталось, выстроить все заново.

— Почему ты не позвонил мне? — Внезапный вопрос всплывает в моей голове. Я несколько лет ждала его звонка, я имею право знать ответ.

— Я знал, как ты отнесешься к этому.

— Нет, ты не знал. Почему Кэтрин?

— Я не могу говорить об этом. Здесь. И ты знаешь, я уже привык к ней.

— Привык?

Обычно, когда люди долго встречаются, в моем понимании, они должны любить друг друга. Привык — не любовь, и ничего другое, что с нею связано.

— У тебя какие-то проблемы, Лу?

— Нет. — Снова улыбаюсь. Краем глаза замечаю, чей-то пронзительный взгляд на себе. Николас. Становится неуютно в собственном теле.

— Ты же не просто так позвала меня. Если у тебя какие-то трудности..

— Не оборачивайся. Что ты знаешь о Николасе Янге?

Это глупо с моей стороны спрашивать своего бывшего о другом парне. Но я не могу избавиться от этих мыслей. Он притягивает меня, и вызывает подозрение своим хорошим отношением, я хочу знать о нем больше.

Дениел усмехается.

— Ты позвала меня за этим?

— Конечно, нет. Просто он здесь и..

— Вы встречаетесь?

— Нет. Какая разница? Я просто спросила..

— Потому что ты ясно дала понять, что не хочешь общаться со мной, я не дурак. Но... я на твоей стороне. Развлекайся, Луиза, я ухожу.

Он делает глоток пива из своей только что начатой бутылки, и уходит. Чувствую себя идиоткой, хочется под землю провалиться. Если Николас избегает меня, должна ли я делать то же самое? Могу ли я подойти поздороваться? Жду несколько минут, чтобы убедиться, что Дени уехал, уже собираюсь уйти, но Бретт Томпсон усаживается рядом со мной.

— Поговорили?

— Да. Мне нужно идти.

Этот кретин, следил что ли? Останавливает меня.

— С тебя пиво, детка.

К черту. Достаяю из кошелька десять баксов, кладу на бар, быстро ухожу. Пока ковыряюсь в сумке в поисках ключей от машины, не сразу замечаю «выросшую» над собою тень. На улице куча народу, вышедших покурить, и это мог быть, кто угодно, но оказался тем, кого я собиралась избегать в ответ.

Я немного вздрогнула, когда подняла голову.

— Ты напугал меня.

— Уже уходишь?

— Да... эм... Мне нужно. — Боже, чертов язык.

— Хорошо. — Николас отступает в сторону, пропуская меня к машине, я останавливаюсь.

— Ты избегаешь меня?

Он тоже остановился, оборачивается, его взлохмаченная челка падает слегка на лоб, я

обожаю этот стиль, он напоминает мне о свободе и безграничности выбора. Слово «мятеж» всплывает в моей голове, когда я вижу этого парня.

— Нужно было подумать. — Говорит он.

— О чем? — Спрашиваю с осторожностью. Он исчез после того, как увидел то, что оставили какие-то придурки на заборе моего дома и машине отца.

— Ты с Дениелом Хартом, снова?

— Нет. — Как-то по-идиотски смеюсь. — Мы просто разговаривали.

Николас подходит ближе ко мне, наверное, чтобы никто вокруг не слышал нас.

— Ты спрашивала обо мне. Не делай такое лицо, Луиза. Человек на баре — мой человек.

Черт. Он слышал, слышал, и все разболтал.

— И ты злишься?

— Тебе нужно было спросить меня о том, что ты хочешь знать. Думаешь, я какой-то маньяк или что-то вроде того? Я не преследую тебя, и если ты скажешь, я не появлюсь на твоём пути.

— Нет. Боже. Да не в этом дело! — Громко выдыхаю. Как сказать этому парню, что мне страшно? Что я почему-то дико боюсь его разочаровать? Может все рассказать ему и быть уже спокойной? Нет. Я не могу. Язык не повернется.

— Хочешь поговорить об этом?

Качаю головой.

— Я не знаю.

— Я думал о тебе последние несколько дней.

Он думал обо мне? Да, скорее всего он думал о том, что успел обо мне разузнать и теперь хочет вылить эту грязь прямо мне в лицо.

Я пячусь к машине.

— Мне нужно... мне нужно домой, извини. — Быстро открываю дверь, запрыгиваю в папин автомобиль, руки не слушаются, не могу с первого раза повернуть ключ. Главное не смотреть на Николаса. Кажется, удалось. Еду домой быстро, как только могу, сердце грохочет, как сумасшедшее. Не стоило мне позволять этому произойти, чувствую себя полностью незащищенной. Несколько дней без Николаса заставили меня принять мысль о том, что все что ни случается — к лучшему. А теперь он появился снова, я не могу подпустить его ближе, чем он уже есть. Признаюсь, мысль об этом парне греет сердце. Я на мгновение закрывала глаза и представляла себя другим человеком, таким с которым комфортно, с которым не нужно ни от чего убегать. Я могла бы просто жить, но каждый мой день начинается со страха, я живу в нем. Мы могли бы ходить в кино, как обычные люди, а потом... Я не знаю, что бы могло получиться, но эти мысли согревают и в то же время вызывают дикую злость во мне, потому что все, о чем я думаю абсолютная глупость, придуманная маленькой недолюбленной девочкой, которая живет внутри меня.

Глава 14

Врываюсь в дом, молниеносно несусь по лестнице в свою комнату, в надежде никого не застать, и видимо мои мысли именно сейчас решают воплотиться в реальность. Отец останавливает меня на полпути, а я не особо горю желанием с кем-то говорить.

— Ничего не хочешь мне сказать?

Это вряд ли.

— Нет. Я устала.

— Спустись вниз.

— Поговорим завтра.

— Я сказал..

— Что здесь происходит? — Мама появляется из гостиной, на ней тот самый халат, подаренный отцом, меня переполняет злость. Она перекидывает взгляд от меня к отцу и обратно.

— Ты знаешь, где была твоя дочь?

Он говорит так, будто поймал малолетку за курением или еще того хуже. Я все же спускаюсь по лестнице обратно, представ лицом к лицу с папой. Мама озадаченно смотрит на нас.

— И где же я была?

— Чего ты добиваешься, Саманта?

— Это не мое имя! — Срываюсь я.

— Она ходила к Хартам, Шейла.

— Это правда? — Спрашивает мама. На ее лице отражается горесть и такая же злоба, как и у меня.

— Да, правда. И я не сделала ничего плохого.

— Зачем ты туда пошла?

— Я хотела поговорить с мистером Харпером и Сьюзи, мам. Ты же знаешь, как я к ним отношусь.

Мать понимающе кивает.

— Да она лжет!

Отец кричит, размахивая руками, и я понимаю, что такого не было прежде.

— Лгу? — Мой голос почти срывается. — И что тебе сказала твоя подстилка? — Я не должна была так говорить, но сказала, потому что в порывах злости я не могу контролировать эмоции. И я не сразу успеваю понять, как отец бьет ладонью меня по лицу. Мать ахает, я шокирована не меньше, но не собираюсь распускать здесь нюни. Бегу на улицу, этот теперь уже неизвестный мне мужчина хватает меня за руку, в его глазах ярость.

— Отдай ключи от машины и вернись в дом.

Мама скрывается за дверью, и возвращается через пару минут. Я сверлю отца глазами. Клянусь, никогда не смотрела на него с такой ненавистью, надеюсь, он это понял.

— Верни ключи, Луиза. — Мямлит мать.

Хорошо. Вытаскиваю их из сумки и отдаю отцу.

— Можешь взять мою машину, там немного глушитель барахлит и бензина мало. — Она протягивает мне двести долларов и ключи от своего «Кадиллака».

— Ты под домашним арестом, иди в свою комнату. — Командует папа.

— Мы ничего не можем сделать, Генри, отпусти ее.

— Следовало воспитывать ее раньше, чтобы не получить ЭТО.

Все с меня хватит. Забираю у мамы ключи и деньги, набираю комбинацию цифр на гараже, завожу мамину тачку и сваливаю из этого дома. Вопрос лишь в том, надолго ли меня хватит, а точнее денег, я ведь не научилась зарабатывать сама. Я хотела помочь родителям решить проблему, а оказалось, что проблемой являюсь я. И я так не поняла, мама хотела сгладить ситуацию и помочь мне, или просто избавиться от меня.

Проехав несколько кварталов, злость постепенно отпускает меня, и я уже трезво осознаю, что мне некуда пойти. Ну, переночую я в машине сегодня, а дальше что? Не могу не

обратить внимание на громадную светящуюся вывеску «Еллоу Бич», на улице никого нет, либо вечеринка окончена, либо остались самые стойкие — так было всегда. Не могу подавить мысль о том, что хочу заглянуть внутрь, в поисках кое-кого, но чтобы это не выглядело так, будто я зашла по этой причине. Железная логика, согласна.

На входе меня останавливает мужчина, высокий темноволосый, видела его здесь раньше, работает давно, поэтому знает всех в лицо.

— Вам отказано.

— Что значит «Отказано»?

Пытаюсь пройти, но он перекрывает путь рукой. Впервые вижу, чтобы кого-то сюда не пропускали, разве что, если у тебя на лице написано: «Мне нет двадцати одного и, я пришла в доску выпить», в этом случае попросят документы.

— У меня есть удостоверение. — Лезу в сумку.

— Не утруждайся. Я знаю, кто ты.

— И в чем дело?

— Закрытая вечеринка.

— Я не слышу музыки.

Мужчина задирает подбородок и больше не смотрит в мою сторону. Что за черт?

Кэндис Девелпорт покидает помещение, искоса обсматривает меня, и ненавистно фыркает мне в лицо, следом за ней идет Николас, он улыбается кому-то сзади, а когда видит меня, улыбка исчезает и он останавливается.

— Что ты тут делаешь?

Молчу, потому что не знаю, как правильно ответить. Может к черту правильность?

— Езжайте чуваки, я задержусь. — Он пропускает двоих парней, не сводя взгляд с моего лица. Его глаза интегрируют с сумерками, я никогда не видела таких темных, и глубоких глаз. В них не видно ничего из-за их цвета, но видно больше, чем в каких-либо других, которые я видела раньше. Я, кажется, проглотила язык. Ууф. Когда я делала так в последний раз?

— Ник! — Кэндис, прерывает наш контакт, и все мои idiotские мысли покидают меня.

— Зря я пришла. — Бормочу скорее сама себе, но Николас тоже слышит это, он берет мою руку, как только намереваюсь уйти, смотрю ему в глаза.

— Кэн, доберешься сама? Можешь взять мою машину.

— Я подброшу ее. — Говорит парень с гитарой за спиной.

— Идем. — Николас тащит меня за собой, я даже не сопротивляюсь. — Если хочешь убежать сейчас самое время.

Дело в том, что я не собираюсь бежать. Мы садимся в его «Ягуар», я не задаю вопросов.

— Моя машина здесь.

— Заберешь потом. Ты знала, что твои Васильки однолетнее растение? Они по какой-то причине прекратили «размножаться» в том месте, возможно ветер унес их семена дальше.

— И? — Незаметно улыбаюсь. На самом деле я никогда не интересовалась цветами и, конечно же, понятия не имела, что Васильки отцветают в один сезон.

— Ничего. Хотел кое-что показать тебе, но потом... — Вздыхает. — А сейчас уже стемнело.

— Я бы хотела посмотреть.

— Правда?

— Да.

Мы едем по знакомой мне дороге, я стараюсь как-то подавить в себе скованность, которую раньше не наблюдала.

— Меня не пустили в клуб.

— Я знаю. — Спокойно отвечает Николас.

— Знаешь? Вы репетировали? Мне сказали, что там закрытая вечеринка.

— Я попросил охрану не пускать тебя.

— О.

Теперь я вообще не в своей тарелке. И что я должна ответить?

— Когда ты появилась там, необходимость в запрете отпала. Я не могу... не могу это контролировать. Закрой глаза.

— Я думаю, что знаю, куда мы едем.

— Все равно закрой их.

Делаю, как говорит, скрываю улыбку. Не знаю, что он там задумал, но чувствую, что мне это нравится.

Машина останавливается, Николас выходит первым, затем помогает выйти мне, чувствую легкий ветерок на оголенной коже, запах свежести ударяет в нос. Я точно знаю, где мы.

Парень осторожно ведет меня вниз по скользкой дороге из травы, которую я знаю наизусть.

— Открывай.

Зажигается фонарик его телефона, который освещает то самое место, которое я так любила посещать, которое до этого лета никому не показывала, и я пребываю в нескольких состояниях одновременно. Момент радости, необычайного облегчения и удивления. Смотрю на Николаса.

— Как?

— Не спрашивай.

— Я не могу... Это потрясающе, их еще больше, чем было.

Васильки, все вокруг того места, где мы стоим, на несколько метров усажено ими. Он должно быть пересаживал их откуда-то, потому что вырасти так быстро они бы точно не смогли.

— Я хотел, чтобы это был какой-нибудь солнечный день, но..

— Не важно. Спасибо. Как мне тебя отблагодарить?

— Позволишь побыть здесь с тобой?

Киваю. Чувство радости переполняет меня, то ли от этих цветов, то ли от того, что кто-то сделал это для меня. Никто не делал ничего подобного.

Я сажусь на траву, как обычно, она немного влажная, говорят это к хорошей погоде, Николас присаживается рядом, мы оба поднимаем голову вверх.

— Много звезд. Завтра будет солнечно. — Говорит он.

Мы подумали почти об одном и том же. Боже, скажи, что я не ошиблась, скажи, что это подарок за все, что я получила, за все, что еще будет, иначе он выглядеть не может. Я готова вытерпеть все, клянусь.

— Извини, что убежала. Я подумала..

— Подумала, что я избегаю тебя. Это правда. Я думал, о том, как будет правильно для нас обоих.

— И как же?

— Когда ты появилась на пороге «Еллоу Бич», я решил: К черту правильность! — Взмахивает руками вверх, я смеюсь, затем мы оба замолкаем. Мы долго смотрим друг на друга в темноте. Я ведь могу позволить себе быть нормальной. Даже не такой, как раньше. Я мечтала о популярности, и что в итоге получила? Я не хочу ничего из того, что имела раньше, я хочу быть обычной девчонкой, которая будет держать за руку парня из рок-группы.

— К черту правильность. — Говорю я и целую его. Поначалу мне кажется это глупым, а затем я понимаю, что это самое правильное решение в моей жизни. Поначалу мне кажется, что за пять лет, я разучилась целоваться вовсе, но затем все приходит в норму. С этим парнем не нужно ничего уметь, все происходит так, словно и должно быть все именно так, как задумано природой, судьбой, нашим существованием.

Я не помню, как это было с Дениелом впервые, я почти не помню, что чувствовала потом, может быть это что-то похожее, но если так, могла бы я забыть? Тепло от головы до ног окутывает меня в свои объятия, пробирается во внутрь живота и делает трехкратное сальто, мелкая дрожь осыпает затылок, я куда-то проваливаюсь, туда, где не была раньше. Губы Ника мягкие, но властные, я почти задыхаюсь, и боюсь отстраниться, боюсь узнать, что облажалась, боюсь того, что придумала себе. Каковы бы были шансы оказаться сейчас здесь, сложились все иначе пять лет назад? Связано ли этой общей нитью, с тем, что предначертано? Боже, я слишком близко все воспринимаю.

Мы отстраняемся друг от друга почти в одно время, я еле дышу, и он тоже, наши глаза и губы так близко..

— Извини. — Шепчу я.

— Самое идиотское, что я слышал. — Говорит Николас, и мы оба смеемся, затем замолкаем, я провожу указательным пальцем по его носу, губам, очерчиваю линию подбородка.

— Хочу убедиться, что ты настоящий.

— Бывали проблемы? — Усмехается, переводя всю в шутку.

— Скажем так, в моей жизни не все так сладко.

— У всех так.

— Нет. У меня иначе, не так как у тебя, или у кого-то другого из этого города. Поэтому я с самого начала говорила тебе держаться от меня подальше. Я чертовски напугана, Николас.

— Нашли идиота, который разукрасил твой забор?

Вот оно. Как из ведра с холодной водой, аж сердце замирает.

— Нет. Это мог сделать, кто угодно.

— Полиция у нас дерьмо, конечно.

— Мы не обращались в полицию.

— Почему нет?

Он не понимает, и я не могу ему сказать. Этого стоило ожидать, Кэтрин, те девчонки с яйцами, надписи, это может быть только началом. Это, черт возьми, мало кого коснулось, но я буду отвечать за это перед всеми, потому что людям нравится находить слабости и бить по ним. Никто не сможет защитить меня, только я сама. Я бы так хотела рассказать обо всем Николасу, но если сделаю это, он уйдет. Мне не стоило переходить черту, но я уже перешла ее, назад пути нет.

— Потому что полиция — дерьмо. — Отвечаю я, наигранно улыбаясь. Это единственный верный ответ, как бы эгоистично не прозвучало.

Глава 15

Я отъехала подальше от населенного пункта, чтобы не нарваться на полицию. Я не сказала Николасу о ссоре с родителями и о том, что мне придется ночевать в машине, он наверняка предложил бы свою помощь, а я не готова остаться у него на ночь, не сейчас, пусть лучше ничего не знает. Хочу ему доверять, правда, и чувствую, что могу, но жизнь, за пять лет создала во мне какой-то иммунитет от парней. Долго не могла уснуть, слишком не удобно, никогда прежде не спала в машине, лишь мысли о приятном помогли отключиться. Я думала об этом поцелуе даже во сне, чувствовала его снова и снова, тепло разливалось по моему телу, а когда я проснулась, во мне снова усилился страх.

Жилой квартал Хартов, расположен неподалеку от того места, где я остановилась, пригладив рукой волосы, я вошла внутрь местной забегаловки — прототип «Макдоналдса». Создается впечатление, что здесь собрался весь рабочий класс района, неужели дома поесть нельзя? Наверное, то же они подумают обо мне, но никто из них не знает, что мне всучили деньги и ключи от машины, с намеком на то, что я должна уйти, отец впервые в жизни поднял на меня руку, и я не собираюсь об этом забывать.

Каждый занят своим делом: кто-то читает утреннюю газету, в которой местное СМИ втюхивает людям всякий бред, кто-то ковыряется в телефоне. Когда я вхожу, многие не стесняются осмотреть меня с ног до головы. Интересно такая реакция на всех или только на меня? Кто-то сразу опускает глаза, кто-то продолжает пялиться. Я беру себе двойной бургер и колу, усаживаюсь за свободный столик, на котором даже не убрано, в углу помещения, у туалета, просто замечательно. До этого дня я даже не знала, что у меня паранойя. В ушах звенит от всего галдежа, который не умолкает. Какая-то девушка тычет в меня пальцем и что-то шепчет мужчине, сидящему рядом. Делаю вид, что меня это не касается. К кассирше подходит пожилая женщина и, они обе смотрят в мою сторону. Что со мной не так? Мои волосы? В наше время выкрасить их в красный — абсолютно нормально! Семейная пара с ребенком, сидящие справа от меня так же шушукуются, активно пялясь в мою сторону, я не смотрю туда, но боковым зрением ловлю их взгляды, пока допиваю свою колу. Маленький засранец бросает в меня пустой пластиковый стакан и смеется, я не шевелюсь. Какого черта? Когда в меня летит коробка из-под бургера, я встаю и собираюсь уйти, малой заливается смехом и швыряет в меня следующую коробку.

— Чарли! — Пищит мать, словно только заметила, что творит ее сынок.

— Мама, ну ты сказала это плохая тетя.

— Сказала, но... — Шепчет она.

— Извините, я Вам что-то сделала? — Подхожу ближе, вижу, что маленького нахала веселит эта ситуация, мамаша нервно сглатывает, мужчина делает вид, что меня вообще здесь нет.

— Нам нужно идти.

Перекрываю им проход.

— Нет, Вы мне скажите, почему Вы позволяете себе такое?

— Он просто ребенок! — Вопит мать.

— Послушай, соплячка, уйди с дороги. — Ох, в ком-то проснулся мужчина? Вижу, что все смотрят на нас.

— И Вы? — Оборачиваюсь вокруг себя. — Вместо того, чтобы заняться своими делами, вы рассматриваете меня.

— Вали отсюда, богачка! — Кричит какой-то мужик с другого конца зала. Девушка в желтой униформе заведения подлетает ко мне, хватая за предплечье и тянет меня на улицу.

— Что... Вы делаете? — Отпихиваю ее от себя.

— Ты чего тут устроила, дура?

Присматриваюсь к девушке. Она из моей школы, точно.

— У вас здесь какие-то проблемы, ребята?

— Бла-бла-бла, езжай в свой район, Хейл.

— Я тебе ничего не сделала.

Я даже в школе ее не задевала, она младше на несколько лет — трогать малолеток даже для меня было низко.

— У меня, знаешь ли, аллергия на богатеньких вроде тебя, особенно на тех, кто прохлаждается в Лондоне вместо тюрьмы..

Я затыкаю ей рот своей ладонью.

— Тебя и никого из тех людей, это не касается. — Шиплю я. Какой-то мужик выбегает из заведения и отталкивает меня назад, я почти спотыкаюсь о бордюр.

— Ты должно быть совсем стыд потеряла, раз пришла сюда. Не появляйся больше в нашем районе, иначе народ накажет тебя по заслугам.

Я возвращаюсь к своей машине. Черт. Это даже не краска. От злости ударяю ногой по колесу. Плевать я хотела на эту машину, но как я успела заметить, с каких-то пор мне не плевать на мнение людей.

Еду в ближайшую гостиницу, отдаю за номер половину тех денег, которые у меня были, чтобы просто помыться и переночевать. Было глупостью остановиться в одном из отелей Хартов, потому что один шанс из ста встретить здесь своего бывшего и его девушку стал вполне реальным. Слава Богу мне удалось спрятаться за огромный цветок у лифта. Администратор забрал у Дениела ключ, сладко улыбнулся этим двоим, а затем кинул мне легкую насмешку. Наверняка, знает о нас троих, и видел мою глупость с прятаньем за цветком.

Я получила несколько СМС от Николаса, одну, когда вышла из ванной и другую чуть позже. Сначала я не хотела их читать, у меня определенно паранойя. И да, вчера мы обменялись номерами.

«Привет» — И все.

«Это все, что пришло мне на ум. Хочу увидеть тебя сегодня»

«Уже содержательнее, (смеющийся смайл)» — Замечаю, что напряжение спало и, моих губ коснулась легкая улыбка.

«Я не умею писать СМС девушкам. Нормально, если я заберу тебя через час?»

«Я ушла из дома..» — Стираю, пишу заново: *«Есть кое-какие дела, подъеду сама, через час на моем месте, ок?»*

«Ок»

Теперь думаю о том, как скажу о том, что а) я бездомная, б) я возможно больше не появлюсь на ферме, в) откуда у меня этот идиотский синяк на щеке.

Надеюсь, что он его не заметит. Рассматриваю лицо в зеркале, не так уж и заметно, да? Говорят, что другие люди не видят наших недостатков, вот сегодня и проверим это на практике.

— Мисс. — Парень с ресепшна окликает меня, я оборачиваюсь. — Вы остаетесь ночевать?

— Да, я же взяла номер на сутки. Какие-то проблемы? — Хмурюсь.

— Нет, мистер Харт интересовался, останетесь ли вы.

— Мистер Харт? То есть Дениел?

— Да, мисс.

— И что нужно мистеру Харту от меня?

— Я не знаю, мисс, моя обязанность докладывать обо всем, что его интересует.

— Хорошо. Хорошо. — Киваю несколько раз.

Выходя из отеля, быстро нахожу в телефоне номер Дениела. Отключен. Ублюдок. Я не позволю пугаться у меня под ногами и дальше портить мою жизнь. Замечаю, что одной из причин моего постоянного страха, является мой бывший парень, каждый раз, когда я вижу его или слышу что-то о нем, наступает чувство удушья.

Приезжаю на свое место, кажется чуть раньше, потому что Николаса еще нет, позволяю себе поближе рассмотреть васильковое поле и вдохнуть былой аромат.

— Нравится?

Я слышала его шаги, но намеренно не оборачивалась, он заключил меня в круг из своих рук и уткнулся носом в мои волосы. Я чувствую себя в безопасности здесь, с этим человеком. С самого начала я знала, что если позволю, он все изменит для меня.

— Не могу поверить, что ты это сделал.

— У меня было время. Ты не приходила. — Целует в висок и разворачивает меня лицом к себе, проводит большим пальцем по скуле, выражение лица становится крайне обеспокоенным. Была почти уверена, что не заметит.

— Я видел твою машину. Это как-то связано с этим?

— Это не моя машина. Я могу с этим справиться.

— Ты можешь доверять мне, Луиза.

— Я доверяю но... — Громко вздыхаю. Я должна. Если я собираюсь позволить себе быть с этим парнем, я должна быть уверена, что он не сбежит от проблем.

— Если ты не готова, я подожду. — Он отстраняется и, холод окутывает мое тело, пустота, та которая мешала мне жить последние годы. Беру Николаса за руку.

— Утром я остановилась у одной закуской, а когда вышла, то увидела... ну ты сам знаешь.

Кто-то выцарапал на двери маминой машины «СУКА» пока я устраивала разборки. Это не мелкая царапина, которую можно легко скрыть, кто-то явно постарался приложить силу.

Николас ничего больше не говорит, он гладит своей рукой мою щеку, так легко, будто думает, что я могу треснуть, как фарфор, от этого бегут мурашки.

— Отец. — Говорю я. — Мы поссорились.

— Все в порядке?

Молчу.

— В общем, сегодня я ночую в гостинице, и не уверена, что смогу вернуться на ферму, потому что, знаешь ли, это не особо приносит мне удовольствие, разве если только ты там будешь..

— Тсс. — Улыбается, прикладывает указательный палец к моим губам, затем нежно целует, чувствую, как подкатываются мои глаза.

— Я слишком тараторила?

— Угу. Тебе нужно быть терпимей к своим родителям.

Нравоучений мне только не хватало.

— Мой отец спит с матерью моего бывшего. Терпимей?

— Ууф. Я не хочу в это лезть, ладно? Я говорю, о том, чтобы ты была в порядке.

— Я буду. Теперь буду. — Кладу голову на грудь Николаса, закрываю глаза, вдыхаю аромат, от которого голову кружит. Я уверена, что несмотря на все проблемы, сейчас, я как никогда смогу пережить их, столкнуться лицом к лицу с каждой. Он будет рядом. Я буду молиться об этом каждую минуту своего существования.

Звук сигнализации вырывает меня из моих фантазий, я отстраняюсь, Николас переплетает наши пальцы и, мы вместе бежим наверх, я поскользываюсь на траве, парень ловит меня в одно мгновение.

— Хорошо реакция. — Слегка запыхавшись, говорю я.

— Не спеши.

Мы выходим к дороге, и видим удаляющийся в сторону города автомобиль, марку которого я уже не могу разглядеть. Моя машина продолжает орать, как бешеная. Достаяю из кармана ключи, нажимаю на кнопку. Тишина. Обхожу мамин «Кадиллак» вокруг, Николас следует за мной.

— Придурки. — Выплювывает он.

— Кто-то следил за мной.

— Это просто какие-то малолетние идиоты.

— Может быть они и идиоты, Ник, но не малолетние, кто-то знал, что я здесь, кто-то намеренно это сделал.

— Не придумывай.

— Ты не знаешь! — Я срываюсь. Черт. — Извини. — Провожу рукой по лицу. — Это мамина тачка.

Я говорила, что мне плевать на машину, но это уже чересчур, если у моих предков водятся деньги, это не значит, что они готовы спускать мне все с рук, так было раньше, не сейчас.

— Я помогу ее восстановить.

— Нет. Покраска. Посмотри, стекло, часть двери помята. Это очень дорого.

— Я найду этих уродов, Луиза. — Он берет мое лицо в руки, касается губами моего лба, затем спускается ниже, прокладывая дорожку поцелуев. Спасибо, Боже, что я могу это чувствовать.

— Я не хочу, чтобы у тебя были неприятности из-за меня.

— Это не самое худшее, что со мной может произойти. — Смеется. Бью его по руке. — Вряд ли ты сможешь поехать на такой машине.

— Я все испортила. — Выдыхаю.

— Все нормально, Луиза, ты делаешь глобальную проблему из несуществующей, мы просто вызовем эвакуатор. Слушай, у меня есть знакомый, он отгонит тачку в свою мастерскую.

— Хорошо. У меня есть немного денег. — Достаяю из сумки пятьдесят долларов, Николас убирает их обратно, и смотрит так, словно я только что оскорбила его. — Извини. Я слишком похожа на богатенькую суку?

Улыбается.

— Хм. Так или иначе, ты лучшая богатенькая сука. — Снова слегка ударяю его по предплечью, он обнимает меня одной рукой, другой достает мобильник из кармана своих темных потертых джинсов.

— Джо, здорова чувак, сейчас пришлю тебе координаты, забери тачку, нужно привести ее в порядок.

Пока мы ждали Джо, Николас обнимал меня, опершись на капот «Кадиллака», он рассказал мне о своем отце, который бросил их шесть лет назад, это на год раньше, чем уехала я. Шесть лет прошло, а его мать все еще переживает, это вызывает у меня восхищение и грусть, одновременно. Николас спросил меня о Лондоне и я заметно напряглась, начала уходить от темы, я сказала, что не особо хочу обсуждать годы учебы, и он не настаивал на других ответах, думаю, в глубине души он понял, что я лукавлю и мне неприятна эта тема. Я благодарна ему за то, что он не расспрашивает, не давит на меня. Я думаю о том, сколько я смогу продержаться все в секрете, и имею ли я вообще на это право? Я все расскажу, но позже. Мы знакомы всего ничего, я все еще должна убедиться, что я не ошиблась, что мы не ошиблись выбрав друг друга. А если он решит, что это слишком и пошлет меня ко всем чертям?

— Луиза. Луиза. — Кусает меня за ухо, я вздрагиваю. — О чем ты думаешь?

— Да... так.

— Это Джо.

— О, Джо, привет.

Крепкий мускулистый смуглый парень протягивает мне руку.

— Ну, что ребятки. — Осматривает машину и цокает языком. — Нужно беречь малышку.

— Починишь до завтра? — Спрашивает Николас.

— Покраска, лобовое стекло, дверь помята, и я еще внутри не был. Это «Кадиллак», чувак.

Я понимаю, к чему он клонит, слишком дорого, и он об этом знает.

— Сделай все, как нужно, Джо.

— Как скажешь, чувак.

Чувствую себя неловко.

— У меня есть пятьдесят долларов, это немного, но я достану больше завтра. — Встречаю я, Николас с силой сжимает мою руку.

— Я разберусь, чика. Позвоню, когда малышка будет готова, чувак.

— Спасибо. — Кричу вслед. Поворачиваюсь к Нику. — Мне неудобно, чтобы ты платил за машину.

— Ты думаешь, я не могу себе позволить? Я предлагаю помощь, безвозмездно, из лучших побуждений. Мне просто интересно, кем ты себя возомнила, Луиза? Думаешь, если у меня нет богатых родителей, я просто парень, поющий в кабаке и не могу... Дерьмо. — Громко выдыхает, запускает пальцы в волосы, что делает их еще более растрепанными.

Я слышу это, я вижу это в его глазах. Однажды его мама назвала меня белоручкой, намекая на то, что я ничего не могу, а Ник сказал, что ему плевать, теперь мне кажется, он понял, что его мать была права.

— Ты прав. Я выросла в богатой семье, избалованной девчонкой, которая в жизни палец о палец не ударила. Отвези меня домой. Точнее в гостиницу. Я все испортила.

Мы ехали, играя в молчанку, даже не смотрели друг на друга, и это напряжение вызывало во мне дикое желание прикоснуться к Нику, ощутить его теплую кожу, его губы на своем лице. Он остановил машину прямо у входа в отель, я открыла рот, чтобы что-то сказать, но тут же закрыла его. Медленно шагая до дверей, я силой заставляю себя не

обернуться, я знаю, что он стоит там и, ждет, пока я войду, я буквально чувствую его присутствие.

Нажимаю кнопку лифта, сигнал, дверь открывается, захожу, но кто-то силой выдергивает меня за руку и прижимает к стене.

— Что ты делаешь?

— Я ждал тебя. Что ты вынюхиваешь, Лу?

— Ничего! — Отталкиваю парня от себя, несколько раз бью рукой по кнопке вызова, не срабатывает, лифт уезжает наверх.

— Ты была у меня дома. За этим назначила встречу, а затем опоздала, а?! — Бьет рукой по стене прямо у моего лица, я зажмуриваюсь. — Я не хочу проблем, и заставь меня убедиться, что ты тоже их не хочешь.

— Эй, козел, отойди от нее. — Николас. Я выдыхаю.

— Ох, Ромео и Джульетта. — Дениел издает смешок и с презрением смотрит на меня, я отталкиваю его, на этот раз удачно. Бегу к Нику, становлюсь рядом с ним и беру его за руку.

— Не приближайся к ней, понял? Я оторву тебе руки в следующий раз.

— Уверен, что потянешь эту ношу? — Кивает в мою сторону и отвратно фыркает. — Лучше спроси, какого черта она делала у меня дома.

После этих слов Дени уходит, Николас вопросительно смотрит на меня.

— Я все расскажу тебе.

Он проводит рукой по моим волосам.

— Можешь не рассказывать, если не хочешь.

— Ты пошел за мной. — Улыбаюсь, закусываю губу.

— У нас концерт в Портленде в большом клубе, на следующей неделе, я хочу, чтобы ты поехала со мной. Я хотел пригласить тебя раньше, но не был уверен, что согласишься.

Я молчу некоторое время. Вижу, как меняется выражение лица Ника вместе с моим. Он знает, почему я сомневаюсь, Кэндис Девелпорт, мы не в лучших отношениях. Будет ли это удобно?

— Ну?

Он медленно расцепляет наши пальцы и делает шаг назад. Закрываю глаза, удерживаю его руку.

— Я поеду. Конечно, я поеду.

Я не могу отказаться. Разве это не самое малое, с чем я могу столкнуться? Кэндис ничего мне не сделает, я буду просто избегать ее и не стану обращать внимание, если та будет пускать какие-то колкости в мой адрес. Это просто. Я вернулась сюда, не для того, чтобы бежать от трудностей, а чтобы бороться с ними.

Глава 16

Звонок из дома разбудил меня в одиннадцатом часу утра, я с неохотой взяла трубку.

— Луиза, слава Богу. — Мама издает вздох облегчения. Будто не сама спланировала меня из дому. — Миссис Макэвой сказала, что тебя нет.

— Я в гостинице.

Да, денег почти нет, пятьдесят баксов и одежда, в которой хожу уже два дня.

— Возвращайся домой, папа он... погорячился.

— Он ударил меня, мам.

— Мы ждем тебя. Пожалуйста.

— Хорошо. — Я соглашаюсь, потому что да — я понятия не имею, как прожить без денег, ну и вроде как злость уже поутихла.

Я не могу вернуться без машины. Что я скажу? Прости, чувиха я помяла твою тачку? Набираю Николаса, тот почти сразу берет трубку.

— Привет. — Чувствую, как его губы расплываются в улыбке.

— Ник, когда я могу забрать машину? Извини, если разбудила.

— Все нормально, я помогаю маме напоить животных, ты же не пришла.

Черт.

— Прости, я..

Возможно, у него были какие-то дела, а я вместо того, чтобы быть на ферме, валяюсь на огромной мягкой кровати в отеле.

— Не волнуйся об этом. А машина, Джо сказал, можно забрать в двенадцать. Хочешь, чтобы я пригнал?

— Нет. То есть, я сама, скинь адрес. И эм... мы увидимся сегодня?

— Мы бы увиделись, если бы ты пришла, следующий раз, я заброшу тебя свинным..

— Фуу..

— Кстати, за мной еще уроки верховой езды.

— Неет. С меня хватило прошлого раза.

— Ты соврала мне, я бы ни за что не посадил тебя на лошадь, зная, что ты впервые видишь ее.

— Это нечестно.

— Маленькая врушка, я сейчас пришлю тебе адрес автомастерской.

— Спасибо.

— До встречи.

Николас присылает мне СМС с адресом, я быстро принимаю душ и вызываю такси. Ехали мы около получаса, я всю дорогу дергала ногой, молилась о том, чтобы с машиной все было в порядке.

— Ну и занесло Вас.

Отсчитываю деньги, молча передаю водителю и выхожу из машины, у дороги сразу виднеется автомастерская «Джо и Таккер», у порога замечаю парня по имени Джо, которого видела вчера.

— Привет, чика. Ник предупредил, что ты забереешь малышку.

— Привет. — Вхожу внутрь, в нос ударяет резкий запах бензина и пота, морщусь, стараюсь скрыть отвращение и подступающие к горлу рвотные позывы.

— Как новенькая, смотри.

Обхожу вокруг мамину машину, провожу пальцем по чистенькой отполированной поверхности.

— Потрясающе. Спасибо. — Открываю дверь. — Ключи. — Протягиваю руку, парень качает головой и цокает языком.

— Сначала оплата.

Не поняла.

— Николас сказал, что вы договоритесь.

— Тачка дорогая, ремонт тоже. — Обходит машину, приближается ко мне, я отстраняюсь, но упираюсь спиной прямо в дверь.

— Я закричу.

Он прижимается ко мне вплотную и втягивает носом воздух рядом с моим лицом, я отворачиваюсь, скривившись от запаха пота.

— Так вот как пахнут богатые чики.

— Отдай. Мне. Ключи.

Одной рукой пытаюсь незаметно достать телефон и позвонить Николасу.

— А ты не промах, оседлала парня, еще и выделяешься, знаю я вас.

Пытаюсь вырваться, но еще сильнее оказываюсь прижатой к машине.

— Сколько ты хочешь?

— За тачку? — Смеется. — Мне не нужны деньги, твой друг заплатил.

Кое-как нащупываю телефон, по памяти нахожу предпоследний вызов. Господи, Ник, возьми трубку.

— Тогда отдай мне ключи и, разойдемся, иначе я обращусь в полицию.

Снова смех.

— Ты в полицию? Да ты небось шарахаешься копов за километр, никто тебе не поверит, сучка.

Джо хватает мои руки, телефон падает в салон машины, следом за ним на сидение приземляюсь я, больно ударяясь головой о руль. Начинаю кричать. Джо зажимает мне руки меж своих ног и затыкает мне рот. Я знаю, что дверь в мастерскую открыта и, кто-нибудь должен мне помочь.

— Заткнись, чика.

Он трогает мою грудь, я извиваюсь, как уж на сковороде, когда его руки касаются моей ширинки, начинаю брыкаться, пытаюсь кричать, что есть сил.

— Мать твою! Какого черта, Джо? — Какой-то мужчина лет сорока оттаскивает от меня парня, я испугано смотрю на обоих, дрожащими руками застегиваю пуговицу на джинсах.

— Это Луиза из богатого района, познакомься. Хороша, правда?

Нащупываю на полу свой телефон. Отключился. Только этого не хватало.

— Уезжай отсюда, Луиза. — Говорит мужчина.

— К-ключи.

— Отдай девушке ключи, идиот, посмотри напугал ее до смерти. — Бьет ладонью ему по затылку. — Дегенерат.

Джо неохотно достает ключи от «Кадиллака» и бросает мне, они ударяются о грудь и падают в ноги, медленно поднимаю их. Нужно убираться, засовываю ноги в салон, захлопываю дверь, с третьего раза вставляю ключ в зажигание. Бью по газам, меня резко откидывает назад, руки дрожат. Мне казалось, что меня душили, перекрыли кислород и больше нет воздуха, нет выхода, совсем, как тогда... Я одна в ситуации, которую нельзя изменить, такими же дрожащими руками я пыталась повернуть зажигание, но в итоге поняла, что теперь очень долго не смогу никуда поехать. Выезжаю из мастерской, торможу на обочине, не проехав и ста метров, бью ладонями о руль, начинаю реветь, до тошноты, до заиканий. У меня не было подобного с две тысячи четырнадцатого года. Поднимаю глаза, пытаюсь привести мысли в порядок, черный «Ягуар» резко тормозит прямо за мной, дверь открывается, я снова издаю громкий вскрик, один за другим. Николас берет меня под руки и вытаскивает наружу, трогает мое лицо, волосы, я прижимаюсь к его груди, сдерживая приступ истерики.

— Посмотри на меня. Что случилось? Луиза! Посмотри на меня! — Он встряхивает меня за плечи, берет мое лицо в обе руки, большими пальцами вытирает слезы. — Он трогал

тебя?

Я молчу, кажется, успокаиваюсь.

— Прости, что отправил сюда одну. — Прижимает к себе. — Я выехал сразу, как только вспомнил, что за придурок этот Джо, я звонил тебе..

— М-м. мой телефон... — Хочу сказать, что он разрядился, кажется, но начинаю заикаться и терять в голове слова.

— Я убью его. — Шипит Ник. — Идем. — Тащит меня за руку, но я сопротивляюсь. — Луиза!

Он останавливается.

— Я чувствую... — Закрывает глаза. — Ударь меня. Я не приму то, что это дерьмо собачье трогало тебя. Ударь.

Качаю головой, чувствую, как слеза скатывается по щеке, слабо всхлипываю.

— Эй, Джо! — Орет Ник. — Иди сюда, ублюдок!

На пороге появляется мужчина, который спас меня, я крепко держу Николаса за руку.

— Езжайте домой, ребята.

— Таккер и ты туда же? — Он отцепляет мою руку и бежит к автомастерской, я за ним.

— Ник!

Отталкивает в сторону этого мужчину и через несколько секунд, вытаскивает на улицу Джо, он бьет его по лицу, затем за волосы поднимает его голову и заставляет смотреть на меня, я вздрагиваю от вида крови.

— Проси прощение, урод, иначе будешь жрать эту землю, сукин сын!

— Ник, пожалуйста.

— Ник, пожалуйста. — Перековеркивает меня Джо и получает еще один удар. — Я прибью тебя, сопляк. — Шипит, сплевывая кровь.

— Поиграли и хватит. — Говорит Таккер. — Оставь его.

— Он должен извиниться перед девушкой.

Качаю головой.

— Прекрати это. — Тихо шепчу. Я больше не хочу это видеть, не хочу слышать эти голоса, не хочу оставаться в этом месте.

Николас смотрит на меня несколько секунд, затем отпускает Джо и идет ко мне.

— Сможешь повести сама?

— Есть выбор?

— Мы что-нибудь придумаем.

— Я в порядке, правда. — Лгу. Этот тип пытался взять меня силой, и это меньшее из того, что я испытала, я вспомнила тот страх пятилетней давности, который больше никогда не хотела бы ощутить.

— Я буду рад посмотреть, как ты будешь вымаливать прощение у этой сучки, щенок! — Орет нам вслед Джо, слышу, как сплевывает несколько раз.

Мы останавливались пару раз, я пыталась унять дрожь своих рук, чтобы нормально держать руль, Николас уговаривал меня оставить его машину и отвезти меня домой, я отказалась, уверяя себя и его, что все нормально, домой я тоже не поехала, не было сил встречаться с родителями и их нападками. До вечера я была Ником, мы лежали на васильковой поляне несколько часов, сначала в полной тишине, моя голова упокоилась на груди парня, я тихо слушала биение его сердца, пока тот гладил мои волосы и вырисовывал

пальцами узоры на моей спине.

— Мне было около пяти, когда в доме появился мистер Харпер, через пару лет пришла Сьюзи — его племянница, они нянчились со мной больше, чем родители, я рассказывала им больше, чем собственной матери. Мы были друзьями. Знаешь, настоящими, не такими, которые были у меня в школе. Это много для меня значит, до сих пор. Когда я вернулась... Мама сказала, что мистер Харпер и Сьюзи были уволены, затем я узнала, что они работают у Хартов и ушли от нас по своей воле, я ходила навестить их, просто поговорить, но мать Дениела не пустила меня даже на порог.

— Почему он разозлился?

— Дениел? Я обманула его. Не знаю, что он надумал себе... Я назначила встречу в «Еллоу Бич», чтобы выкроить для себя немного времени.

— Я видел вас.

— Я знаю.

— Вас что-то связывает до сих пор?

— Нет. Нет. — Поднимаю голову, смотрю в темную бездну глаз Николаса. — Я уверена, что сейчас именно там, где должна быть. — Он улыбается и целует меня в макушку, волна мурашек обрушивается на тело от его прикосновений, они такие невесомы и нежные. Я думаю, как в череде всех событий кто-то может так трепетно ко мне относиться? Тянусь к его губам слегка касаюсь их своими, руки Ника сильнее прижимают меня к себе, он углубляет наш поцелуй, что-то внутри меня словно шевелится, делает несколько оборотов, сердце трепещет, я словно закутываюсь в кокон в котором нет ничего плохого, только я и Ник, и я не хочу из него выбираться.

— Ты простила меня?

В груди немного щемит, от того, как он смотрит, как говорит. Я кажется, смогу простить ему все.

— Это не твоя вина. Я не хочу, чтобы ты думал об этом человеке, ничего дурного не случилось, я просто испугалась.

— А если бы случилось?

— Но не случилось. — Натягиваю улыбку, чмокаю его в губы.

— Я бы убил его.

Выражение моего лица меняется, на мгновение мне кажется, что он не шутит. Я надеюсь, этого никогда не произойдет с ним, с нами, я не смогу это пережить. Убийство человека это то, что ломает тебя навсегда, заставляет испытывать постоянный страх и чувство неограниченного ужаса, даже если тебе кажется, что ты этого не делал, ты все равно виноват.

Глава 17

Я проснулась с хорошим настроением, выпила кофе и ухватила с собой пару печеней с карамельной крошкой — съем по дороге.

— Мам, я возьму твою машину! — Крикнула я, уже выбегая из дома

— Хорошо. Вернись к вечеру, мы хотим поужинать все вместе.

Как раньше. Мы собирались за большим столом, хотя нас всего было трое и вели себя как обычные нормальные люди, иногда я приглашала Елизабет, Кетрин и Ребекку, родители не были против, мама всегда улыбалась, когда видела, как мы шушукаемся за столом и хохочем, так же она всегда была рада Дениелу.

На мгновение я остановилась.

— Я приведу кое-кого, ладно?

Мамина голова тут же показывается из гостиной, она прищуривает оба глаза.

— Парень?

— Угу.

— Надеюсь достойный?

— Даже очень. — Я бы сказала, что чувствую, будто я не достойна его. — Он вам понравится.

Приезжаю на ферму, на улице здороваюсь с миссис Макэвой, иду в дом, чтобы оставить сумку и переодеться, Николас встречает меня с широкой улыбкой, он обвивает вокруг меня руки и прижимает меня к стене, прокладывая дорожку поцелуев от губ, вниз до шеи и обратно, я тяжело дышу, внутри меня зарождается еще что-то более новое, чем было вчера.

— Твоя мама может увидеть нас. — Шепчу ему на ухо.

— Мне плевать.

Но мне нет, он видимо, не совсем понимает, как эта женщина относится ко мне.

— Мои родители пригласили тебя на ужин сегодня.

— Хмм. Ты рассказала о нас?

— Я сказала, что приведу парня, который мне нравится. — Я сказала не так конечно, но смысл от этого не меняется.

— Я тебе нравлюсь? — Мурлычет, кусая меня за ухо, я пытаюсь отстраниться, потому что действительно боюсь реакции миссис Макэвой, она предупреждала меня, а я говорила что мне нет дела до ее сына, хотя уже на тот момент ловила себя на лжи. На самом деле, я еще не совсем могу понять, что чувствую к этому человеку, но точно знаю, что это что-то большое и будоражащее, растущее с каждым днем.

Смотрю в его глаза он в мои, я вижу, что он думает о том же, о чем и я. Вместо ответа, я снова целую его.

— Мне нужно на репетицию прямо сейчас, много работы перед поездкой в Портленд. Кстати, ты не передумала?

— Нет. Я с тобой. Так что, ты придешь на ужин?

— Я с тобой. — Говорит он, и я чувствую, что могу покорить весь мир, идя за руку с этим парнем. Где же ты был раньше, Николас Янг? Ты бы мог многое изменить для меня, встретить я тебя пять лет назад.

— Я напишу, когда вернусь домой.

— Буду ждать.

День прошел легко, Миссис Макэвой, сказала, что надеется, что со мной ничего серьезного, потому что Ник вчера соврал ей, якобы я заболела. Женщина подозрительно и с презрением посмотрела на меня, но больше не задавала никаких вопросов. Свиньи снова испачкали меня, пытаюсь побыстрее ухватить и отобрать друг у друга еду которую я принесла, одна даже облизнула мне руку, я испугалась и немного поморщилась. Слышала, они могут быть жестокими. На самом деле, я специально гуглила о них эту информацию.

Встречаю Николаса на пороге своего дома ровно в восемь. Пунктуальность. Папе это понравится.

— Ты же не собираешься делать мне предложение? — Шепчу. Он принес маме цветы. На счет одежды особо не парился, так же, как и я, но выглядит превосходно. Темные джинсы, белая майка, делающая его мышцы еще более заметными, сверху свободная рубашка

в клетку, на голове полный беспорядок, прекрасный хаос, как я люблю.

— Ты сказала, у тебя ничего нет с этим парнем. — Отец протягивает Нику руку. Прямота — его лучший друг.

— Пап.

— Ваша дочь очень упрямая.

— Вся в отца. — Мама смеется, и я так рада видеть этих двоих в подобной обстановке, будто никаких измен, никаких скандалов. — Я Шейла, а это Генри.

— Николас. Можно просто Ник, так друзья меня называют.

Мы проходим в гостиную за длинный прямоугольный стол, на меня нахлынивают воспоминания о прошлом, не все было у нас плохо. Карен приносит вегетарианскую еду для мамы, и горячие закуски с мясом для всех остальных.

— Чем ты занимаешься, Николас, помимо работы на ферме? — Спрашивает отец, и я предчувствую, что сейчас начнется допрос. Ник весьма доброжелателен, не смотря на то, что он знает, кто оставил синяк на моем лице, я думала, будет хуже.

— Ох, я только иногда помогаю маме. Я музыкант, окончил академию музыки в Портленде.

Я не знала, что он учился в академии.

— Классика?

Я чуть не подавилась. Слышал бы он, что исполняла Кэндис Девелпорт из группы Николаса, в субботу в «Еллоу Бич».

— Я играю на гитаре, пою... современную музыку. Кстати, я пригласил Луизу на концерт своей группы в Портленде в среду.

— Портленд? — Кажется, отцу не очень нравится эта идея. — Мы подумаем над этим.

— Пап, я взрослая девочка, я уже решила, что еду.

Николас с гордостью смотрит на меня, отец медленно пережевывает еду и настороженно ловит, каждый мой взгляд.

Тихое звучание СМС заставляет меня отвлечься. Скрытый номер. Прячу телефон под столом, чтобы не выглядеть невежей.

«Как ужин?»

Что? Хочу спросить, кто это, но номер не определен.

«Не парься, я не слежу, но всегда знаю, чем ты занимаешься»

Кладу телефон обратно в карман. Возвращаюсь к беседе, но кажется, уже ничего не слышу, мои мысли полностью в этих смс. Это не смешно.

«Не узнала меня? Думаю, мы подружмся, Луиза. Ты же хорошая девочка?»

Снова намереваюсь написать ответное СМС с вопросом, но понимаю, что не могу, с силой сжимаю мобильник в руке.

— Ты в порядке? — Спрашивает Ник.

— Да. Мне нужно в туалет.

Выхожу из-за стола, иду к себе в комнату. Снова СМС

«Ох, так и слышу, как гудит твой мозг. УУУУ.»

Что за придурок?

«Джек, помнишь меня? Джексон Трэвис»

Сердце, кажется, останавливается, не могу дышать, медленно сажусь на кровать. Это не смешно. Я не знаю, что за кретин это пишет, но мне не смешно.

«Ладно, не грузи свою маленькую головку, у меня есть для тебя несколько заданий,

выполняешь — будешь свободна и прощена, облажаешься — жди последствий. В моем районе тебе не так уж и обрадовались»

В его районе? Джексон Трэвис. Так вот что, он жил в том районе, в котором я остановилась перекусить. Нет. Он не может писать эти СМС. Никак. Никаким способом. Что за идиотские игры? Я не поведусь на это ни за что! Кто-то стучит в дверь, открывает ее. Николас. Медленно входит.

— Все нормально? Тебя долго не было..

— Да эм. м — Пытаюсь вести себя как обычно, пальцы рук дрожат.

— Ты словно приведение увидела.

— Почти. — Бормочу себе поднос.

— Что случилось, тебе не хорошо?

Снова СМС, я вздрагиваю.

— Что там?

Отхожу в сторону.

«Первое задание: твой парень, бывший точнее, пригласи его в «Еллоу Бич», придумай что-то важное, иначе может не прийти. Поцелуй его при всех. Ничего сложного, правда? Ах да, твой парень, нынешний конечно, должен быть с тобой в тот момент. Тик-так. У тебя час. Время пошло».

Я, кажется, белею на глазах, чувствую, как кровь отливает от мозга, Николас приближается, берт мой телефон, но я быстро прихожу в себя и выхватываю его.

— Что происходит, Луиза?

Снова СМС.

«Забыл сказать. Скажешь кому-то об этом — он пострадает первым, твой парень, разумеется»

— Луиза.

— Ничего. Ничего. — Быстро кладу телефон в задний карман джинсов, становлюсь на носочки, целуя Николаса, прижимаюсь к нему всем телом, каждая клеточка моей кожи в этот момент загорается огнем. В это мгновение, я как никогда хочу быть рядом с ним, ощущать его тело, губы... Он спасает меня. Но... мне нужно подумать, что делать с этими СМС. Естественно я не стану делать ничего подобного, что там написано. Это абсурд.

— Извини. — Отстраняюсь. — Я плохо себя чувствую. Можем встретиться завтра?

— Позвать кого-то из родителей?

— Нет, нет. Прости, пожалуйста. — Снова касаюсь его губ.

— Ты беспокоишь меня.

— Все хорошо, клянусь. Я просто приму ванну и лягу спать.

— Я позвоню тебе утром. — Прижимается губами к моему лбу, пока я провожаю его до двери.

Чеерт. Падаю на кровать. Что это было? Неважно. Я в этом не участвую. Какой-то придурок вроде Бретта Томпсона пишет это дерьмо, стараясь меня напугать. Я не собираюсь бояться.

Новое СМС: *«Тридцать минут»*

Иди к черту. Выключаю телефон.

1 июня 2012 год

— Ч-что ты делаешь?

— У нас нет ни одной фотки с вечеринки, для фейсбука.

— Поверь мне, здесь столько народу, что фоток будет миллион. Мне плохо. Ты же не собираешься фотографировать мою блевотню?

Ох, я надеялась, что мою последнюю вечеринку в этом году все запомнят, а теперь думаю о том, вспомню ли я ее сама, последняя текила явно была лишней, предыдущие три или четыре, должно быть, тоже. Засовываю два пальца в рот, нависнув над унитазом, опустошаю желудок.

— Фуу. — Кэтрин издает притворные звуки, будто саму никогда не тошнило.

— Поможешь мне убратся в доме? Родители вернуться к обеду.

— У тебя есть прислуга.

— Она одна. — На самом деле не хочу, чтобы Сьюзи тоже видела этот погром, и меня в таком состоянии... Я похожа на шлюху в этом коротком кружевном платье, и я в доску пьяна. Девушка родом из Техаса, поэтому отправить ее на сутки домой — не вариант, родители сняли ей номер в отеле до завтрашнего дня, а сами поехали в загородный дом к озеру на «Фауэн-Тауэр», мистер Харпер остался дежурить в домике у ворот, должно быть, уже спит, хотя шумиху в доме, наверняка, слышно за несколько кварталов.

— Бретт срыгнул в бассейн. — Ребекка застаёт меня чуть ли не уснувшей с головой в унитазе, она тянет меня за руку, помогает подняться. Признаюсь, чувствую себя лучше, но все равно немного штормит. — Там какие-то малолетки играют на гитаре, пойдем послушаем?

— Скажи Бретту Томпсону, чтобы убирался из дома. — Икаю. — Иначе заставлю чистить бассейн.

— Вряд ли он меня послушает. Идем.

Остановливаю ее.

— Сегодня я собиралась отдаться Дени, понимаешь? И я... — Снова икаю. — Напилась. Понимаешь?

— Вы что еще не... О, Господи.

— Тсс... Я..я хотела сделать это сегодня.

— А ну-ка, умойся. Давай. — Ведет меня к раковине.

— Неет. Косметика будет на месте. — Вытираю рукой рот, мочу водой край полотенца, убираю под глазами слегка размазанную тушь. Улыбаюсь. — Красотка?

— Лучше всех. Не пей больше.

— Эй, Хейл? — Какой-то парень окликает меня у двери в толчок, присматриваюсь к нему, высокий, худощавый, на вид примерно моего возраста, если он из моей школы — очевидно младшие классы.

— Чего тебе, парень?

— Я тебе не парень, меня зовут Джексон. Есть разговор.

Ага-ага. Думаю о том, что нужно переодеться. Еще с вечера я устроила комнату переодеваний в гостевой, иду туда, велю Ребекке заткнуть идиотов с гитарой и врубить нормальную музыку. Скоро всех выпровожу отсюда и останусь с Дени наедине, нужно привести себя в порядок. Думала об этом последние несколько дней, я знаю, чего хочу, чего мы оба хотим. Он должен запомнить эту ночь, меня, потому что, несмотря на то, что я сваливаю в Лондон, я не собираюсь отпускать этого парня.

Пацан идет за мной.

— Мне нужно переодеться, Джекки, или как там тебя.

— Джексон вообще-то, но это не имеет значения, я займу у тебя всего минуту твоего драгоценного времени.

Наши дни

Утром просыпаюсь в холодном поту, уже почти не помню, что снилось, подхожу к зеркалу, слезы стоят в глазах. Не помню, как вырубилась, долго думала о том, кто мог прислать мне те СМС. Беру телефон, включаю, хочу удостовериться, что это было не частью сна. Явь. Кэтрин? Дениел? Может даже Ребекка? Бретт Томпсон? Нет, он просто идиот считает себя королем юмора, но это вообще не смешно. СМС со вчерашнего дня высвечивается на экране: «Десять минут», следующая приходит сразу за ней: «Время вышло». Идиотизм. Бросаю телефон на кровать, иду в ванную.

Спускаюсь вниз, мама уже завтракает, одна, отца нет. Наливаю себе сок в стакан, откусываю кусочек тоста.

— Мне понравился твой парень.

— Я не уверена, что мы встречаемся..

— Но он тебе нравится?

Киваю, улыбаюсь.

— Он запал на тебя, я вижу.

Мамины слова греют мое холодное после дерьмовой ночи, сердце.

— Где папа?

— Я не знаю. — Мать делает вид, что ей плевать, но я знаю — это не так.

— Мам.

— Я не хочу это обсуждать, Луиза. Не опаздывай на работу.

Не стану даже спорить, а тем более говорить, что это вообще не может считаться работой, когда деньги получает работодатель, а не работник. Дело не в деньгах, я прекрасно это понимаю, меня беспокоит отношение миссис Макэвой, особенно теперь, когда мы с ее сыном вроде как... нравимся друг другу? В любом случае, я буду работать там, чтобы Николасу не пришлось платить за мать налоги и сохранить ферму, которая ей так дорога.

Глава 18

Медленно поднимаюсь по подъездной дорожке, выезжаю на главную трассу — набираю скорость, какой-то идиот подрезает меня и сигналит, я бью по тормозам, он сваливает. Кретин. Хорошо, что я в него не врезалась, иначе пришлось бы оплачивать ремонт обеих машин. Проезжаю несколько кварталов, снова останавливаюсь, уже по другой причине. Не верю глазам своим. Выхожу из машины. Что за... Подхожу ближе. Огромный плакат, на том месте, где раньше висела реклама нового загородного района, теперь красуется моя фотография. Я задницей на полу, моя голова свисает с унитаза. Я спала? Выгляжу точно так же, как в *тот* вечер. Кэтрин. Достаяю телефон, Николас звонит, не вовремя.

— Привет.

— Извини, не могу говорить, скажешь своей маме, что я задержусь?

— Что-то случилось?

— Нет.

— Луиза. — Его голос кажется обеспокоенным, я ценю это, но он не должен ничего знать. Я лишь надеюсь на то, что он еще не видел это дерьмо.

— Все нормально, правда, я расскажу позже, извини. — Сбрасываю вызов, делаю фото

плаката. Я не знаю, что и как я собираюсь ему рассказывать, подумаю об этом позже. Разворачиваю машину, еду к Кэтрин. Только она могла подложить мне такую свинью, и фотки с той вечеринки у нее были.

— Луиза. — Женщина делает удивленное лицо, когда открывает мне дверь, еще бы. Не спрашивая разрешения, прохожу в дом.

— Кэтрин дома?

— Что-то случилось?

— Да.

— Кэти, Кэти, дорогая, тут Луиза пришла.

Моя бывшая подруга появляется из гостиной, что-то жует и пялится на меня, хлопая глазами. Нахожу недавно сделанную фотографию, подставляю экран телефона прямо к ее лицу.

— Что это?

— Тебе лучше знать.

— Понятия не имею, о чем ты говоришь.

— Это я! А эта твоя гребанная фотка.

— Я не фотографировала тебя, ясно! И тем более я не делала это... — Тычет в телефон.

— Кроме тебя никому.

Смеется.

— Если я что-то делаю, то не скрываю. Там была куча народу, ты была пьяна, это фото мог сделать, кто угодно.

— Дениел?

— Дени? Думаешь он сделает что-то подобное? Он, конечно, мой парень и все такое, но он трус, и ты знаешь это!

Она права. Знаю, действительно знаю. Но... СМС. Черт.

«Тик-так, тик-так, считай это предупреждением, даю тебе шанс все исправить, сегодня вечером, задание все то же».

Смотрю на Кэтрин, она тоже пялится на меня. Это не она. Кто ты, черт возьми?

— Мне нужно идти. — Отступаю назад, снова звонит Николас.

— Правильно. И больше не появляйся в моем доме. Идиотка.

— Луиза, где ты? Я сейчас приеду за тобой. — Говорит Ник, его голос тревожнее, чем несколько минут назад.

— Я еду на ферму. Все в порядке?

— Хотел бы у тебя спросить. Жду тебя там. — Кладет трубку.

Кажется, Николас слышит меня по звуку подъехавшего автомобиля и встречает прямо у дороги.

— Привет. — Натянута улыбаюсь. Он кладет руку мне на лицо.

— Я волновался.

— Что случилось?

— Ничего. Просто ты странно себя вела и, я уже ехал на репетицию в клуб и увидел... я подумал.

Сердце сделало несколько оборотов и плюхнулось где-то внизу живота.

— Что ты увидел?

— Не бери в голову. — Целует меня, но я настолько напряжена, что даже не могу ответить на поцелуй..

— Ник. Ты говоришь о... — Боже мой, помоги. — О плакате, да? — Он замирает.

— Ты видела?

Боже, закрываю лицо руками, Ник убирает их.

— Я сначала подумал, что ошибся, ты же другая, я имею ввиду... Затем вспомнил, что раньше твои волосы были светлыми и..

— Не продолжай. Какой позор. — Опираюсь на капот машины. — Где ты видел его?

— У «Еллоу Бич»

Он не один, и это только те, которые видела я и Ник, а вдруг их еще больше. Тяжело дышу, расхаживаю из стороны в сторону, парень берет мою ладонь и нежно прикасается к ней губами.

— Не обращай внимания. Я лишь боялся, что ты тоже это видела.

— Я видела. Нужно от них избавиться.

— Я позабочусь об этом, хорошо? Не думай об этом. — Притягивает меня к себе, я обвиваю руками его талию, вдыхаю аромат его тела и кондиционера для белья. Снова чувствую себя в безопасности.

— Я боялась, что ты отвернешься от меня.

— Из-за того что какая-то мразь, расклеивает твои фотки по городу? Я никогда не отвернусь от тебя.

Боюсь, он ошибается, потому что вряд ли знает ВСЮ историю обо мне. Я должна рассказать, когда-то я должна это сделать. Чем раньше, тем лучше. Я бы могла попросить родителей заняться плакатами, это бы заняло считанные минуты, но я так же не хочу, чтобы они видели и вообще знали про этот позор. В ту ночь я много выпила, все знают, что я была пьяна, но мало кто из взрослых догадывался, что я была в ТАКОМ состоянии.

— Я сказал маме, что мы теперь встречаемся.

Боже. Господи, только этого мне не хватало.

— Не нужно было этого делать.

— Почему нет?

— Она меня ненавидит, ты что не видишь?

— Это не правда.

— Правда. Господи, Ник. И как она отреагировала?

— Ей нужно время, чтобы привыкнуть. Она все время думала, что я встречаюсь с Кэндис.

Да, я знаю, она говорила, даже успела поставить мне в пример всю ее замечательность. Я не такая, как Девелпорт и не собираюсь ею быть, чтобы кому-то понравиться.

— Мне сейчас правда нужно вернуться в клуб, но клянусь, что не хочу оставлять тебя одну.

— Я справлюсь.

Ник мягко целует меня.

— Я обещаю, что что-нибудь придумаю с этими плакатами, хорошо?

Киваю. Оставить меня наедине с его матерью, которой он только что рассказал о наших... внезапных отношениях? Это все равно, что кинуть меня в клетку со львом. Но я не виню его, это не его вина, и не его проблема, что меня все на дух не переваривают, это только я и мои проблемы.

Делаю все довольно быстро, пока миссис Макэвой занимается своими растениями в огороде. Рано или поздно мне придется с ней столкнуться, неважно будет ли это на десять

минут раньше или позже. Она не подходит ко мне и такое чувство, что хочет избегать так же, как и я ее. Я уже собираю свои грязные вещи для стирки, и пытаюсь быстро удрать, но женщина останавливает меня у порога. Ее лицо красное от солнца и усталое, руки грязные, множество мелких волос выбилось из косы.

— Я предчувствовала это. И предупреждала тебя.

— Простите, миссис Макэвой, но Вы не можете винить меня за мои чувства к Вашему сыну.

Мерзкий наигранный хохот разносится по дому, я вздрагиваю.

— Я лишь надеюсь, что Николас временно сошел с ума, и это все... это ненадолго.

Меня злят ее слова.

— Ты корень зла, знаешь об этом Луиза? — Она приближается. — Семя, которое нельзя разносить по ветру. Я бы с удовольствием вышвырнула тебя со своей фермы.

— Так сделайте это.

Молчит. Не может. Потому что мой отец платит ей деньги.

— Вы зря думаете, что если я уйду, мы с Ником больше не увидимся. Мы встретились раньше, чем я попала сюда. Это... Это должно было произойти.

Да, я верю в то, что так было задумано, все распределено с самого начала, этот парень появился, чтобы спасти меня.

— Веришь в судьбу? Но твоя судьба не это место и не мой сын, и ты знаешь это.

Я понимаю, о чем она говорит.

— Можете все рассказать ему.

Я ляпнула не подумав, но так или иначе, если он все узнает, я точно буду уверена, ошиблась ли я.

— Я предоставлю это тебе, дорогая. Езжай домой.

— До свидания. — Хлопаю дверь, сама того не желая. Все внутри меня кипит. Не может быть у такой матери такой сын, как Ник или неужели он бы мог относиться ко мне так же? Нет, нет и еще раз нет. Я вижу его. С самого первого дня. В его глазах нет ни капли злости и дурного умысла.

«Тик-так, тик-так, десять вечера «Еллоу Бич», помнишь, что должна сделать?»

Помню, ублюдок, помню. Я знаю цель, кто-то хочет отобрать у меня Ника, и хочет, чтобы я самостоятельно поссорила нас. Этому не бывать.

Пока еду домой, вижу, как меня преследуют, нужно быть полной дурой, чтобы не заметить это. Знакомая машина обгоняет меня и тормозит на обочине, я тоже останавливаюсь, выхожу. Гарри.

— И? Ты издеваешься?

Парень покидает машину, громко хлопая дверь.

— Кэтрин рассказала мне.

— Хмм. Пришел посмеяться?

— Нет. Помочь. Она рассказала мне все, Луиза.

Хлопаю глазами, как идиотка.

«Все», то есть все? Все это значит все то, что он уже знает.

— И я видел плакаты, к вечеру их не будет.

— Мне не нужна твоя помощь. — Иду обратно к машине. Да, Гарри, ты опоздал. Когда я еще могла нуждаться в тебе, ты воткнул мне нож в спину. Я хотела хоть кому-то доверять, теперь у меня есть такой человек.

— Я хочу быть твоим другом, как раньше!

— Ха! А как же твои дружки?

— Они не друзья мне, просто придурки.

— Такие же, как и ты. — Запрыгиваю в машину, еду дальше, кидая через окно презрительный взгляд на парня, которого считала своим младшим братом. Интересно, что изменилось с того дня? Либо же это была очередная уловка, чтобы посмеяться надо мной, плюнуть в душу.

Николас сказал, что задержится в «Еллоу Бич» и мы не сможем встретиться, поэтому мы просто проболтали по телефону полчаса и, я не могла дождаться, когда снова увижу, прикоснусь к нему, ощушу его пальцы на своем теле, в волосах. Я уже забыла, как прекрасно это может быть. Все, что было с Дениелом покрыто мраком и толстым слоем пепла, я не хочу ничего помнить.

«Тик-так, тик-так время вышло»

Как же достал меня этот идиотизм, закрываю глаза, хочу постараться быстрее уснуть, чтобы очнуться уже завтра и забыться в мыслях о Нике.

Утром я замечаю, что плаката с моей фотографией за несколько кварталов от дома уже нет, с облегчением выдыхаю.

На пороге сталкиваюсь с Миссис Макэвой, она недовольно смотрит на меня и что-то бурчит себе под нос. Николас не позвонил мне, и я просто надеялась застать его здесь, но кажется, он слишком занят репетициями перед концертом в Портленде. Бросаю на диван сумку, беру постиранные вещи, чтобы переодеться в другой комнате.

— Мам, это ты?

Ник. Иду на его голос, замираю у двери. Он встает с кровати, опираясь рукой о матрас. К горлу подступает горечь, я хочу убить того, кто это сделал.

— Отойди. — Миссис Макэвой с тазом в руке отталкивает меня в сторону, я чуть пошатнувшись, прохожу вперед.

— Что случилось?

— Это все ты, займись делом. — Шипит женщина. Она отжимает в тазу тряпку и прикладывает ее к губе Ника.

— Мам, ты понятия не имеешь, о чем говоришь.

— Ник. — Требую я.

— Какие-то придурки напали на меня возле машины, не успел как следует навалить им. Смеется, но я не вижу ничего в этом смешного. Его губа разбита и кровоточит, глаз почти заплыл, садины на носу. Подхожу ближе, сажусь на корточки.

— Позвольте. — Тяну руку к тряпке, которая у миссис Макэвой, та испепеляет меня взглядом. — Пожалуйста. — Прошу я.

— Мам.

Женщина какое-то время смотрит на нас двоих и выходит из комнаты. Опускаю кусок ткани в таз с холодной водой, хорошо выжимаю, подношу к губе Ника, замечаю, как руки дрожат.

— Нужно промыть спиртом. — Говорю тихо, боюсь сболтнуть что-нибудь не то.

— Мама промыла ночью.

Ночью. Пока я спала, кто-то позволил себе испортить это красивое лицо. Нет, ничего не может его испортить. Мысль от тех СМС вспыхивает в моей голове. Если это имеет какое-то отношение к ним... я не знаю.

— Знаешь, кто это был?

— Нет. Какие-то болваны.

— Что-то украли?

В глубине души пытаюсь спихнуть это на ограбление.

— Нет. — Спокойно отвечает Ник, я молчу, аккуратно провожу холодной тканью по ссадинам, вытираю вновь просочившуюся из губы кровь, хочу поцеловать его. Осторожно касаюсь пальцами синяка под глазом, пальцы дрожат, глаза наливаются слезами, Николас перехватывает мою руку, заставляет посмотреть на него.

— Ты чего? Даже не смей.

— Это... — Я встаю, вытираю рукой глаза. — Твоя мама права, это моя вина.

— Она не знает, что говорит. Эй, посмотри на меня. — Ник появляется рядом со мной. — Я здесь, я не умер, и это нелепое стечение обстоятельств, ты здесь не причем.

Он не знает, и я не могу сказать. А если расскажу? Вдруг что-то похуже случится. СМС. Я напрягаюсь. Не хочу читать.

— Не посмотришь?

— Нет. Наверняка, какая-нибудь фигня. — Обнимаю его, ощущаю тепло его тела. Он не заслужил того, чтобы страдать из-за меня, я не могу позволить... Нет, ничего плохого больше не случится.

— Ауч.

— Прости. — Немного отстраняюсь, вижу, как он морщится, поднимаю его футболку слегка, два синяка красуются на ребрах. Его били ногами? Злость охватывает меня с головы до ног. Это несправедливо. Провожу пальцами по оголенной коже Николаса, вижу, как напрягается его тело. Опускаю футболку. — Тебе нужно отдохнуть.

Черт. Концерт в Портленде. Как он поедет? Я все испортила. Везде, где я ни появлюсь, людям становится плохо, миссис Макэвой права я корень зла. Что мне делать? Спрятаться от Ника, сбежать, переехать? Я могла сделать это раньше, избегать его, но теперь, когда все складывается так, как складывается, я не могу и не хочу держаться от него подальше.

— Ты не поедешь в Портленд? Я имею в виду..

— Есть пару дней, все нормально.

Пристально наблюдаю за ним, он улыбается мне и он по-прежнему красив, даже с побитым лицом.

- Я позову твою маму. Отдохни, пожалуйста.

Кивает, сжимая мои руки в своих.

Выхожу из комнаты, позволяю себе выпустить весь лишний скопившейся в груди воздух, достаю телефон.

«Надеюсь твой парень в порядке, тик-так, тик-так. Ты же умная девочка, знаешь, что делать? П = последствия. Хочу верить, что Николас не сломает себе что-нибудь к завтрашнему дню».

Ублюдок. Ублюдок. Ублюдок. Хочу закричать. В голове каша, не знаю, что делать. Могу ли я пойти в полицию? А если сделаю этим еще хуже... Я должна выяснить, кто издевается надо мной.

До вечера я пролежала в своей комнате, размышляя над неразберихой, которая происходит сейчас в моей жизни, к ужину я не вышла и Карен принесла мне его, я не съела ни грамма. Что если я снова не сделаю то, что хочет человек из смс, если его так можно назвать? Плакаты, Николас. Могут ли ему сделать еще хуже? Я не хочу даже допускать этой

мысли, чтобы он или кто-то другой пострадал из-за меня. Беру телефон, долго пялюсь в экран. Как я могу это сделать, ума не приложу. Звоню сначала Дениелу, потому что знаю, что станет отпираться после той истории с моим небольшим обманом. Я звоню Николасу, тот не задает вопросов. Я назначаю им обоим встречу в одном месте в одно время, и молю Господа о том, чтобы Ник позволил мне, потом все объяснить, хотя я еще сама не знаю, чем смогу оправдать свой поступок.

Глава 19

Вытираю потные ладони о джинсы, во рту все пересохло, в клубе играет громкая музыка, от чего в голове пульсирует сильнее, внушаю себе, что делаю это ради блага других, ради Николаса, не могу забыть то, что возможно, точнее, скорее всего его побили из-за меня. Ищу глазами одного из парней, Дениел сидит на баре, наши взгляды встречаются, набираю в легкие побольше воздуха, иду, настолько уверенно, насколько могу.

— Что на этот раз, Луиза? У меня нет для тебя много времени.

— Я... — Быстро оглядываюсь по сторонам. Ника нет, но он придет, я знаю. Становлюсь лицом ко входу, все внутри меня дрожит от страха. — Мне нужна твоя помощь.

— Что случилось? Ты выглядишь..

Вот оно. Конец. Ник появляется в дверях, я сразу делаю вид, что не замечаю его.

— Луиза. — Окликает Дени.

Мне придется это сделать. Я могу потерять Николаса, но не могу подвергать его опасности. Я придумаю что-нибудь обязательно. Когда он смотрит прямо на меня, я делаю это, прижимаюсь губами к губам Дениела, тот ошарашен, но не отталкивает меня, мой поцелуй абсолютно сухой и болезненный для меня. Когда я решаю, что достаточно, я позволяю Нику все еще стоящему у входа взглянуть в свои глаза, у меня наворачиваются слезы.

— Какого черта... — Ошарашенный Дени. Заставляю себя не доверять ему, вспомнить о прошлом.

— Доволен? Если я узнаю, что ты имеешь к этому отношение... — Говорю об СМС Николас медленно отступает назад, а затем скрывается за дверь, я бегу за ним. Он шагает так быстро, что мне приходится приложить усилие, чтобы его догнать. Тяну за руку, разворачиваю к себе, смотрю в глаза, там ничего, пусто.

— Мне даже нечего тебе сказать. — Осознаю я, и произношу это вслух, потому что на самом деле, я понятия не имею, что должна придумать в оправдание сделанного.

— Тогда возвращайся обратно. — Пытается уйти, но я снова тяну его руку.

— Пожалуйста. Ник. Я могу все объяснить, клянусь.

Как? Как, я должна это сделать? Все так хорошо начиналось, и это не может просто взять и закончиться. Я не позволю!

— Ты позвала меня для того, чтобы сообщить об отношениях с ним?

— О, Господи, нет! Клянусь тебе. Послушай. — Становлюсь на носочки и касаюсь рукой его лица, он убирает ее, что ранит не меньше, чем его взгляд отворачивания. — Так было нужно. Я не могу сейчас все рассказать, просто верь мне, прошу.

— Было нужно кому? Ты что сумасшедшая? Если ты хочешь быть с ним, могла бы просто сказать.

Он уходит. Показывая мне всем своим видом то, что он ошибся насчет меня. Может он прав, но не сейчас.

— Ник! — Бегу за ним, он быстро запрыгивает в машину, я ударяю ладонью по стеклу. — Ты, правда, нравишься мне. Очень.

Парень какое-то время смотрит мне в глаза, затем бьет по газам, я слегка пошатываюсь, глаза жжет, но я подавляю в себе это дерьмо. Кто-то разворачивает меня к себе. Дениел. Только его мне сейчас не хватало.

— Что это было?

— Что? — Провожу рукой по лицу. — Какая разница? Иди ко всем чертям, Дени.

— Думаешь, я смогу забыть это?

СМС

«Молодец, девочка, я знал, что ты сделаешь правильный выбор. Жди следующее задание»

— Если я узнаю, что ты имеешь к этому отношение, я пойду в полицию, Дениел.

— Да о чем ты, мать твою!

— Об этом! — Тычу телефоном ему в лицо, он хмурится. Я вообще не должна была ничего ему показывать.

— Во что ты вляпалась, Лу? — Он говорит без насмешки, с толикой осуждения. Пристально смотрю. Он не знает. Это не он.

— Я пока сама не знаю.

— Что ты должна была сделать? Поцеловать меня?

— Чтобы Ник это видел.

— У вас отношения?

Молчу. Кажется, они завершились, не успев начаться. И меня удивляет то, почему я рассказываю это Дениелу с такой легкостью, словно я все еще доверяю ему. Нет, мне просто плевать на этого человека. Я доверяю Нику и я беспокоюсь о нем.

— Никому не говори о том, что ты видел, понял?

— Я хочу помочь тебе.

— Нет. Ты сделаешь мне только хуже своей помощью. Клянись, что никому не скажешь.

Тишина.

— Дени!

— Хорошо. Я клянусь. Будь осторожна, пожалуйста.

— Мне нужно домой. — Вру. Дом — последнее место, куда я сегодня отправлюсь, мне нужен Ник, я не собираюсь вот так вот, из-за каких-то глупых СМС все закончить. Сажусь в машину, звоню ему, три раза. Не берет. Пишу СМС: *«Верь мне, пожалуйста»*

Перезванивает. Сердце делает несколько оборотов вокруг желудка.

— Мне действительно стоило держаться подальше, но теперь я не могу.

— Мне бы стоило много рассказать тебе, но... Я сделаю это, но не сейчас. Просто верь мне.

— Ты зовешь меня на встречу и целуешь своего бывшего! Как это понимать?

— Я не знаю. Это ничего не значит. Пожалуйста, дай мне время, чтобы все рассказать тебе.

Громко вздыхает. Я знаю, что ему тяжело, мне тоже.

— Где ты?

— У «Еллоу Бич».

— Встретимся на твоём месте?

Я улыбаюсь во все свои зубы, Николас, наверное, даже через трубку «видит» мою

улыбку.

— На нашем. — Говорю я. — На нашем месте.

Эйфория преследует меня от самого клуба, сейчас я почти уверена, что этот парень — подарок судьбы. Он не отверг меня, и я уверена, что он сможет многое понять.

Бегу к нему навстречу, крепко обнимаю, впиваюсь губами в его губы.

— Прости. — Тихо шепчу.

— Я верю тебе. Но... что происходит, Луиза?

— Я расскажу тебе, обещаю, но не сейчас. Дашь мне время? — Судорожно впиваюсь пальцами в его руки.

— Я ненавижу секреты... Но, я не стану давить.

Я широко улыбаюсь. Спасибо Боже.

— Как твоя губа? Извини, что набросилась. — Совсем забыла, что какие-то идиоты избили его. Так сильно хотелось поцеловать.

— Все нормально. Твой поцелуй буквально спас меня. Даже ничего не болит. — Улыбается.

— Клянусь, что все расскажу тебе. Когда ты уехал... что-то внутри меня исчезло вместе с тобой.

Целует меня в лоб, в висок, спускается ниже.

— Я бы мог набить ему морду, но это ничего бы не значило, если ты выбрала его.

— Дениел давно в прошлом.

— Никаких чувств?

— Никаких.

Это меньшее, что я могу сказать, потому что я не просто не люблю Дени, иногда я даже ненавижу его.

— Я хотел извиниться перед тобой за то, что не успел снять плакаты.

— Но их нет.

— Я знаю, кто-то уже убрал их.

Я смотрю на него, и понимаю, что столько всего хочу ему рассказать, все, хорошее и плохое, хочу, чтобы он знал, почему я боюсь быть достаточно честной и открытой. Страх — первое, что меня останавливает, но если я боюсь быть отвергнутой, значит, я не до конца уверена в нем?

— Ник. — Мой голос почти срывается, я переплетаю наши пальцы, сильно сжимая их. Я почувствую, если он захочет уйти. — Помнишь, я говорила, что я плохой человек? Мне нужно рассказать тебе кое-что. — Мое горло словно опухает, становится тяжело дышать. Николас отпускает мои пальцы, и мне становится страшно, я ищу понимание в его глазах. Он берет мое лицо в свои руки, я сглатываю застрявший в горле ком.

— Я не спрашиваю. Не говори ничего, пока не будешь готова.

— У тебя должно быть куча вопросов, я не могу хранить ответы в себе, при этом доверяя тебе.

— Я сказал, что даю тебе время. — Заводит прядь волос мне за ухо. — Если у тебя серьезные проблемы, Луиза, я готов помочь их решить, но тебе нужно быть готовой все мне рассказать, все что захочешь.

— Спасибо.

— Я ничего не сделал.

— Ты сделал намного больше, чем думаешь.

Прижимаюсь к его груди, по телу разливается тепло, внутри зарождается что-то большое и волнительное, я хочу разрыдаться от этого чувства. Он верит мне, и благодаря этому сегодня я выиграла у идиота, который шлет СМС.

Я возвращаюсь домой к полуночи, за время пока была с Ником получила два сообщения, не стала даже доставать при нем телефон, чтобы не портить вечер, не могу передать словами, как благодарна за его доверие. Я думаю, он видит во мне то, что не видят другие, ту, которой я являюсь на самом деле, без масок, без обмана.

«Не за что. Гарри. (улыбающийся смайл)»

«Что?» — Отправляю в ответ.

«Плакаты»

Серьезно? Гарри Стэнфилд? Да, он что-то говорил о том, что поможет, но он кинул меня, поступил как сволочь.

«Ты снял их?»

«Не сам конечно..(улыбающийся смайл)»

«Спасибо. Правда»

«Я надеюсь, ты в порядке, Луиза»

С чего он поменял свое мнение? А вдруг это он повесил те плакаты? Нет. Гарри не сделал бы это. Я конечно зла на него, и не знаю по какой причине, он захотел стать моим суперменом, но я благодарна.

Следующее СМС от которого сводит зубы. Номер засекречен.

«Задание не сложное, у тебя есть время до полудня. Найди мою девушку, думаю, тебе есть, что ей сказать»

«Ах, да, ее зовут Ребекка Грейс, найдешь ее в церкви в первой половине дня. Тик-так»

Девушка? Ребекка? Та самая Ребекка? Нет. То есть если я узнаю, с кем она встречается, я узнаю имя того, кто пытается отравить мне жизнь? Почему Ребекка должна быть в церкви? Да, выглядела она странно по сравнению с той, которой я ее помню, такое ощущение, что ее подменили. Или она вовсе никогда не была такой, какой я ее помню? Все это маски, Луиза, твоя, Ребекки, Лиззи, но только, кажется, не Кетрин, она точно такая же, как и всегда.

Утром первым делом я набираю номер Элизабет, она должна что-то знать, но та неохотно говорит, что понятия не имеет о чем речь, и что последний раз видела Ребекку в церкви, та даже не заговорила с ней.

— То есть ты думаешь, у нее нет парня?

— Я не знаю, Луиза. Какая тебе разница? Извини, я за рулем и мне не очень удобно говорить.

— Ясно. Извини.

— Подожди. Ты спрашивала с кем она встречалась раньше... Ты уверена, что не знаешь? Луиза... Что-то случилось?

— Нет. Пожалуйста, это важно.

— Джексон, Луиза, у нее было что-то с ним.

— Нет. Ты же сейчас не говоришь о Джексоне Трэвисе?

— Именно. Я совсем забыла, ты же уехала. Она рыдала на похоронах, как сумасшедшая и никто не мог понять... потом она рассказала. Позвони мне позже, правда, неудобно говорить.

— Хорошо. И... спасибо Лиззи.

— Я рада, если помогла тебе чем-то. И совет: оставь Ребекку в покое, не лезь к ней.

У меня нет выбора, Лиз. Ребекка Грейс встречалась с Джексоном Трэвисом, ума не приложу, как им удалось это скрыть. Мы были близки с ней, как она не прокололась. В любом случае, получать СМС от этого парня я не могу, он мертв, это всем известно.

Церковь у нас в городе одна, и если Ребекка действительно там — найти ее несложно. Чуждый мне церковный запах ударяет в нос, когда я открываю дверь, последний раз была здесь еще маленькой вместе с родителями, кажется все осталось прежним. Тонкие лучи солнца, пробивающиеся через маленькие окна под куполом, ласкают лицо, так приятно.

— Кхм. — Прокашливаюсь. — Извините, Святой отец.

— Ты что-то хотела, дитя мое? — Отходит от алтаря и идет мне навстречу.

— Да... эм... — Оглядываюсь по сторонам, ей-богу ощущаю себя дикаркой. — Мне нужна Ребекка.

— Сестра Ребекка? Она молится в своей комнате. Можете подождать здесь.

— Спасибо, Святой отец.

Сестра Ребекка? О Господи, Ребекка стала монахиней что ли? Поверить не могу. Я сажусь на скамью и жду около пятнадцати минут, волнение захлестывает, когда моя бывшая подруга появляется из-за небольшой деревянной двери. Встаю, она почти сразу замечает меня, и я вижу, что мне не рады. Идет.

— Что ты здесь делаешь?

И что я должна сказать? Я пришла узнать о твоём мертвом бывшем парне? В СМС было сказано, что мне есть что сказать? Кто-то выдает себя за Джексона и хочет... Я поняла.

— Нам нужно поговорить.

— Не о чем нам говорить.

— Ты же не выгонишь меня из церкви.

— Понадобится, выгоню. Чего тебе?

— Это касается... Джексона Трэвиса.

Кажется, Ребекка белеет на моих глазах, а ее взгляд выражает ужас.

— Пошла вон.

— Я хочу сказать, что мне жаль.

Это правда то, что сказала Лиззи, я вижу это, и мне на самом деле больно.

— Уходи.

— Нет. Послушай. Я сломала голову мыслями о том, что сделала тебе плохого, я не знала, клянусь.

— А если бы знала? А? Уходи.

— Прости меня. Мне так жаль. — Самое ужасное, что я так же не могу ей всего рассказать. Я бы хотела уменьшить ее боль, но я не могу. Слеза катится по моей щеке, я быстро убираю ее.

— Бог простит тебя, если ты раскаиваешься.

Киваю. Медленно отступаю назад.

— Прости меня. — Шепчу я, глаза Ребекки наливаются слезами, и я как трусиха выбегаю из церкви.

Я звонила Нику несколько часов подряд, но его телефон был выключен, чувство тревоги поселилось внутри. Я все выполнила, ничего плохого с ним не случится. На ферму я конечно же опоздала, миссис Макэвой недовольно фыркнула в мою сторону.

— А где Николас?

— Он здесь не живет. Ой, или ты не знала?

— Конечно, я знала, что у него квартира в городе. — Умалчиваю о том, что уже была там. — Просто телефон выключен и я... беспокоюсь.

— Беспокоится... — Притворно хихикает. — Может он просто не хочет с тобой говорить.

С меня хватит. Намереваюсь уехать отсюда. СМС.

«Считай, что задание выполнено, жди следующее»

Пока иду к машине, приходит следующее сообщение:

«Надеюсь, у тебя нет планов на четверг, а даже если есть мне плевать, жди инструктаж»

Четверг. Гребаный козел, я собираюсь узнать, кто ты и отрезать твои яйца.

Глава 20

Отец обрывает мне телефон, я блуждаю между «Таун Риз» и «Карвел-блоу» улицами в поисках дома Ника. Этот, или тот? Помню этаж, квартиру, но все дома здесь одинаковые, это издевательство. Кажется вот он. Слава Богу, есть консьерж.

— Извините, Николас Янг здесь живет?

— Музыкант?

— Да, да. Высокий такой, с темными волосами. — Жестикулирую.

— Он ушел минут пятнадцать назад, какая-то девчонка пришла и они ушли.

— Спасибо.

Ухожу. Девчонка? Ненавижу болтливых, этот мужик хлеще любой торгашки. Снова набираю номер. Ничего. Возвращаюсь обратно.

— Извините, а как выглядела девушка, Вы помните?

— Такая мелкая. — Показывает рукой. — Яркие волосы, как у русалочки, худощавая.

Кэндис Девелпорт. Сердце ускоряет ритм. Я не смогу от этого избавиться. Выдохни, Луиза, она в его группе, тебе придется с ней свыкнуться. Еду напрямиком в «Еллоу Бич», кажется они всегда репетируют там, а завтра поездка в Портленд, Ник работает на износ.

СМС. Только не это.

«Если надеешься смыться в Портленд, думаешь, я не достану тебя потом?»

Откуда же ты все знаешь, гадина? Бью по газам.

«Хотя ты мне не нужна, твоя слабость — твои близкие. Я прав?»

Гори в аду. Сильнее давлю на газ.

«Ты забрала у меня кое-что, теперь моя очередь»

Если бы ты был Джексонном, ублюдок, ты бы знал правду.

«Как насчет твоего бывшего?»

Сжимаю руль с такой силой, что белеют костяшки пальцев. Просто не читай их, Луиза.

Один сигнал. Второй. Третий. Четвертый. Козел.

«Нет, это не очень убедительно»

«Твой новый возлюбленный, вполне сойдет»

«Я слышал, у тебя появился друг, это он снял плакаты, да? Старые связи»

«Бинго. Мы можем убить двух зайцев»

Я чувствую, что почти на грани, и я ни капли не сбавляю скорость. Просто. Останови. Это. А если я не могу? Что если я врежусь в ту афишу, каковы шансы сдохнуть? Слабачка. Слабачка. Я вернулась сюда не за этим, я вернулась наладить свою жизнь, исправить ее, и если придется — буду бороться.

«Не думай, что поедешь в Портленд. Побудешь немного моей собачкой и, парень будет в порядке. Даю слово»

«Решишь схитрить, я посажу музыкантишку за наркоту. Ну, знаешь рокеры... они такие»

Тварь. Резко сворачиваю на обочину, торможу.

«Жди задание»

Провожу холодными руками по лицу, смотрю на них. Меня так легко запугать. Несколько сообщений и трясущиеся руки обеспечены. Уже ловлю себя на мысли, что может стоит принимать лекарства, жить как зомби и ничего не чувствовать.

Каждый звук СМС теперь выводит меня из себя, за последние десять минут не было ни одного и, я расслабилась. Доехав до «Еллоу Бич» я не сбавляя темп, ворвалась внутрь. Громкий бас, звук электрогитары и... прекрасный голос Ника. Теперь я понимаю, почему на концерте были одни девчонки, он хорош, не только внешне. Укол ревности. Ауч. Не будь душой, Луиза.

Я усаживаюсь за первый свободный столик напротив сцены и наблюдаю, замечаю недовольный взгляд Кэндис. Если бы она хотела настроить против меня Ника, уже бы напела про меня все, что знает и чего не знает тоже, может не такая она уж и плохая, не хуже меня. Николас заканчивает петь и спрыгивает со сцены, широко улыбаясь. От звука СМС меня передергивает.

«Хочу проверить, все ли ты поняла. Открой кейс для гитары своего мальчика»

— Ник.

Он подходит ко мне и обнимает.

— Ник. — Снова произношу я, и сглатываю ком, парень проводит рукой по моим волосам.

— Что ты здесь делаешь?

— Нужно поговорить.

Он замечает мою взволнованность, и его выражение лица также меняется.

— Ребят, сделаем перерыв.

— Ты выгоняешь нас, чувак? — Кричит со сцены парень в серой бейсболке. — Я не буду смотреть, как вы обмениваетесь слюной.

— Пожалуйста. — Прошу я и Николас бросает на меня встревоженный взгляд. Кэндис проходит мимо и задевает меня плечом, уверена, что специально.

— Не обращай внимание. Я поговорю с ней.

Молчу, потому что понимаю, что заслужила.

Когда все покидают помещение, Ник кладет руки мне на плечи и пристально смотрит. Мне нужно убедиться.

— Где кейс от твоей гитары?

— Вот он. — Кивает в сторону сцены, хмурится, я иду туда, хватаю кейс и пытаюсь расстегнуть его.

— Этот? Кто-нибудь брал его?

— Что происходит Луиза?

Наконец, расправляюсь с замком.

— Мне. Нужно убедиться. Нужно убедиться. — Бормочу себе под нос. Два пакетика с чем-то белым падают на пол, я застываю, мы с Ником оба смотрим вниз, я роняю кейс.

— Что это?

Прихожу в себя, хватаю пакетики с содержимым, бегу к выходу, все как в тумане, Николас хватается за меня за руку.

— Нужно избавиться от этого. — Говорю я.

— Что происходит, черт возьми? Ты же не думаешь, что это мое?

— Ник. Я не поеду с тобой в Портленд.

— Что? Почему? Луиза, как ты узнала, что это в моем кейсе?

— Неважно! — Повышаю тон. — Я со всем разберусь. Езжай в Портленд и забудь об этом. Я со всем разберусь. — Касаюсь рукой его слегка колочего лица, прижимаюсь лбом к его подбородку.

— Я не могу оставить тебя в ЭТОМ. Что бы ни происходило..

— Пожалуйста. Я очень тебя прошу. Кто-то подложил тебе наркотики и, я ответственна за это, не спрашивай почему. Я знаю, ты все поймешь.

— Я не могу быть уверен, что ты будешь в порядке. Это... Что это, героин?

— Я... я не знаю. Ты веришь мне?

Его взгляд говорит «Да, да, я верю тебе», но я вижу, что он также сомневается, он в замешательстве.

— Я хочу, чтобы ты знала, твои проблемы — мои проблемы. Я с тобой, Луиза.

— Я тоже с тобой, поэтому забудь обо всем, завтра садись в самолет и отыграй лучший концерт в своей жизни.

Он целует меня, так нежно, словно я хрупкий прекрасный цветок лотоса в его руках, затем он целует меня так, словно это последний наш поцелуй, я издаю легкий стон от подступающего наслаждения. Кто-то прокашливается, я быстро отстраняюсь от Николаса, тот недовольно вздыхает, глядя на парня, вошедшего в клуб.

— Чувак, нам нужно репетировать.

Незаметно прячу пакетики с белым веществом в карман.

— Я пойду.

— Луиза. — Он хватается за меня за руку и долго смотрит мне в глаза. «Будь осторожней, я верю тебе и я отыграю один из лучших концертов в своей жизни»

«Спасибо» — Молча говорю я и медленно отцепляю его руку.

— Гребаные «Сумерки», слушайте, мне младшей сестры дома хватает.

— Заткнись, Кэл и, возвращайся на сцену.

Я уйду больше не оборачиваясь, но знаю, что Ник смотрит мне в спину, я чувствую его до боли в груди. Дойдя до машины, быстро достаю из кармана пакеты и разрываю их в клочья, пуская порошок по ветру. Тихо выдыхаю, закрываю глаза. Все скоро должно закончиться, я уверена.

Вернувшись домой, я сталкиваюсь с отцом, он сидит на диване в гостиной и пристально изучает меня.

— Где ты была?

— У меня были дела.

— Надеюсь это как-то связано с оплатой счета за мамину машину.

Что? Вопросительно смотрю на него. Папа берет какую-то бумажку и передает мне. Хмурюсь.

— Объяснишь?

— Я..

Я бы могла позвонить Нику и все узнать, но... Это не его заботы, я не могу требовать с

него отчет, итак проблем хватает, он должен думать о концерте.

— Я конечно оплатил это, но меня интересует, что и при каких обстоятельствах ты сделала с машиной.

Выдыхаю.

— Кто-то разбил стекло и помял дверь, я не могла вернуть «Кадиллак» в таком состоянии. Ты мог ничего не платить, потому что Николас все решил.

— Этот мальчишка? — Смеется. — Откуда у него такие деньги?

— Значит есть.

Действительно, откуда у Ника такие деньги? Концерты? Неужели так хорошо платят. Да, наверное. У него классная тачка и хорошая квартира. Я знаю, почему этот придурок Джо прислал счет за ремонт, он хотел, чтобы я расплатилась своим телом, но ничего не вышло.

— Машина возвращается в гараж, сейчас же. — Командует отец.

— Где мама?

— Не думай, что она тебе поможет.

Мама появляется в дверях с кучей пакетов из разных магазинов, кидает их на пол, улыбается.

— Я купила тебе кое-что из одежды.

Отец грозно смотрит на нее и, мать меняется в лице.

— Она уехала с фермы без предупреждения и разбила твою машину, Шейла!

— Я знаю. Что ты хочешь, чтобы я ее побила?

Вижу напряжение, между ними словно кошка пробежала, кошка по имени Шарлотта Харт.

— Нет! Нужно было заниматься воспитанием, а не скупать горы шмотья для нее. — Указывает на пакеты. — Это все, что ты умеешь.

Папа взмахивает руками, показывая тем самым, что разговор окончен, мама садится на его место и опускает голову, я устраиваюсь рядом.

— Я стараюсь Луиза, правда, стараюсь.

— Мам.

— Можешь оставить машину.

— Спасибо.

— Я бы хотела все изменить для тебя, для нас... но... — Поднимает голову, я вижу ее прекрасные серые глаза через пелену слез, стоящих в них.

Она винит себя за то, что случилось со мной, за то, где я оказалась и кем стала. Проблема в том, что отец тоже винит ее, но они оба не видят истины — я сама выбрала свой путь, и может их ошибка была лишь в том, что раньше они оба не обращали на меня внимания, проще было дать денег.

— Ты ни в чем не виновата. — Крепко обнимаю ее, мы сидим так минут пять, затем притворяемся, что ничего не происходит и, примеряем одежду.

Глава 21

Утро четверга стало нервным, что предвещало следующее СМС-задание от анонима, я была готова, потому что знала — Николас уезжает и ему ничего не угрожает. Дождавшись пока родители покинут дом, я незаметно проскользнула мимо прислуги и в восемь утра уже набирала скорость по дороге в аэропорт. Догнала я Ника уже на пути к регистрации, не выспавшийся, хмурый и предельно серьезный, он улыбнулся, когда я молча подбежала к

нему сзади и крепко обняла, Кэндис сухо что-то пробормотала себе под нос.

— Ты со мной? — Его глаза бегают по моему лицу в надежде, что я скажу «да», но в ответ я качаю головой. Интересно, во сколько они вчера закончили? У него на лице написано, что он не спал. Укол ненависти жалит меня от мысли, что это может быть из-за меня он не спал, моих секретов, истории с наркотиками, каким-то образом попавшими в его кейс.

— У нас четыре концерта, я вернусь через неделю.

— Я буду скучать. — Шепчу на ухо, чувствую, как улыбается. Его рука скользит от моего затылка вниз к пояснице, призывая сотню маленьких дьявольских жучков под моей кожей, устроить дискотеку.

— Я уже скучаю. — Нежно касается большим пальцем моей нижней губы, затем целует ее, смотрит так, словно готов остаться здесь со мной, растянуть этот момент навечно. Ловлю себя на мысли, что хочу его, что-то бурлящее зарождается внизу живота, от этого пересыхает во рту, сглатываю. Я не чувствовала ничего подобно раньше. С Дениелом все было не так, я собиралась переспать с ним на *той* вечеринке, потому что мы оба слишком долго к этому шли, я всегда боялась, что что-то пойдет не так, что я покажу свою неопытность и опозорюсь перед ним, я могла сделать это только под алкоголем, сейчас все по-другому, и мне не требуется для этого два года отношений.

— Ник! — Шипит Кэндис, стреляя в меня глазами.

— Извини, нам нужно идти.

— Я понимаю. — Встаю на носочки, обвиваю его шею руками, крепко прижимаясь всем телом к нему. — Каждая моя клеточка души и тела будет с тобой все эти дни. — Щекочу ухо Ника своим дыханием, чувствую, как он напрягается, кладу руку на его лицо, смотрю в его «лунные кратеры», отступаю назад, парень перехватывает мою ладонь и касается ее губами, вызывая мурашки по всему моему телу и ноющую боль внизу живота. Сейчас я понимаю, чего он мне стоил. Пять лет кошмара. И я отдам больше, готова отдать больше.

Когда возвращаюсь домой, получаю одну СМС и сразу бегу к выходу, за ворота.

«Забери коробку у входа»

Размером чуть больше спичечной, коробка, обмотанная фольгой, лежит на подъездной дорожке, я оглядываюсь по сторонам в поисках того, кто мог ее оставить и возвращаюсь обратно. Стучу в рабочую комнату нашего нового дворецкого.

— Вы видели здесь кого-нибудь?

Мужчина почесывает затылок.

— Нет. А кого я должен был видеть?

— Того, кто оставил это. — Показываю ему коробку.

— Нет.

Понятно. Даже если он и видел, он не скажет, помню, как Дениел подкупил его за сотню.

— Послушайте мистер, я знаю, чем вы здесь занимаетесь, о том, что посторонние люди пробираются на нашу территорию. Как думаете, что будет, если я скажу родителям или еще лучше, полиции?

— Твои родители не станут тебя слушать, деточка. — Он смеется надо мной. — И полиция. Мне поверят — тебе нет.

— Если ты видел кого-то то, лучше бы сказать.

— Никого я не видел.

Я бы могла закатить скандал и добиться его увольнения, но сейчас это меньшее, что меня волнует. Возвращаюсь в дом. СМС.

«Содержимое этой коробки, ты должна подсунуть своему другу — Гарри. Остальное за мной»

Разматываю фольгу, недавняя злость вспыхивает во мне с новой силой. Я вижу точно такой же пакет с белым порошком, который был в кейсе у Ника, вот рту пересыхает. Гарри не имеет никакого ко мне отношения. Я не стану этого делать.

«Надеюсь, ты помнишь, что нашла у своего парня. Он будет чист, если ты просто подложишь этот милый пакет своему другу»

Я не могу, не могу этого сделать. Измеряю шагами гостиную, пытаюсь придумать что-то более или менее действующее. Ничего не выходит. Прислуга появляется из кухни.

— Вы не завтракали, мисс. Приготовить что-то?

— Ка. Карен, ты видела кого-нибудь сегодня, может кто-то приходил или подходил к дому?

Я весьма напугана и на девушку это видно, также передалось, ее огромные глаза не излучают ничего кроме страха, я и раньше видела его. Вероятно она знала, куда идет работать, слышала сплетни обо мне.

— Нет, мисс. Никто не приходил. Могу я чем-то помочь? — Пищит она.

— Нет. Ясно. Спасибо.

Я не стану этого делать. И пусть отсутствие страха за Ника обуславливается его отъездом... Я. Не. Могу. Я пойду в полицию. Плевать я хотела на эти игры, это не смешно. Пишу сообщение Гарри, затем стираю его. Это какая-то подстава, я в этом не участвую.

Полицейский участок находится в трех кварталах от моего дома, запикиваю коробку в карман и еду туда. На входе меня встречает дежурный.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

«Тик-так, тик-так, у тебя есть час»

Иди к черту.

— Извините, мне нужен шериф.

— Сейчас он занят. Могу чем-то помочь?

— Может быть помощник? Это важно. — Я на взводе и парень видит это. — Мне подложили наркотики.

— Одну минутку. — Он набирает комбинацию цифр на своей рации. — Дежурный Рассел, здесь девушка. Как Ваше имя?

— Луиза Хейл.

— Луиза Хейл утверждает, что ей подложили наркотики. Хорошо. Я понял. Пройдемте со мной, мисс Хейл. — Парень ведет меня по длинному коридору, стучит два раза в стеклянную, завешенную жалюзи дверь. Я прохожу вперед, напротив, за столом сидит женщина в форме, на вид ей около пятидесяти, лицо кажется знакомым, и она очевидно меня тоже знает.

— Присаживайтесь.

Достаю из кармана коробку и кладу на стол.

— Это я нашла под воротами своего дома.

Женщина берет коробку в руки, рассматривает.

— Вы раскрывали ее? Знаете, что внутри?

— Конечно. Что-то похожее на героин.

— Откуда я могу знать, что это не Ваше?

— Вы серьезно? Думаете, я бы пришла сюда?

— Я отдам это на экспертизу. Знаете, кто принес это?

Издевается?

— Нет.

— Оставьте свой номер телефона дежурному, Вас вызовут, когда все будет готово.

— Я подожду здесь.

— Это может занять больше часа. Много работы. — Она даже не смотрит на меня, перебирает какие-то разноцветные папки.

— Я подожду здесь. — Повторяю я.

Женщина, наконец, поднимает голову и, прищутив глаз, смотрит на меня.

— Хорошо. В зале ожидания.

Выхожу в коридор, теперь это называется зал ожидания? Присаживаюсь, нервно дергая ногой, жду, пока меня вызовут. Прошло больше часа и, я даже успела немного придремать.

— Луиза Хейл. — Дверь открывается и женщина приглашает меня войти, пока я полностью просыпаюсь, успеваю заметить в дверях участка двоих копов и Гарри Стэнфилда, которого они ведут. Я подскакиваю, он тоже меня замечает.

— Что случилось? — Пищу я. Стук сердца отдает в висках

— Луиза? Позвони Кэтрин, пожалуйста, скажи ей, что я в участке.

— Иди! — Рычит офицер.

— Черт, это какое-то недоразумение, ребят!

Второй заламывает ему руки.

— Мисс Хейл!

Я возвращаюсь в кабинет помощника шерифа, она садится задницей на стол и складывает руки перед собой.

— Что случилось с тем парнем? — Спрашиваю я.

— То что, ты принесла мне сюда, не героин.

— Нет? — Хмурюсь.

— Нет. Это даже не наркотики.

Как не наркотики?

— Это гидрокарбонат натрия. Кто-то пошутил над тобой. А вот тот парень, Гарри Стэнфилд он задержан с таким же пакетом, только содержащим более серьезное вещество. Вы свободны, мисс Хейл. Выбирайте круг общения, чтобы подобных шуток больше не было, Вы отняли и мое и свое время.

То есть это был не героин? А Гарри? Ох, черт, черт, черт! Это что шутка?

«Тик-так, тик-так, время вышло. Ты провалила задание, но я выполнил его за тебя»

Выбегаю из участка, не могу поверить в то, что только произошло. Это была сода, то есть обычная пищевая сода? А Гарри, его забрали просто так? И те пакеты, которые были у Ника? Внезапная мысль приходит мне в голову. Я подставила Гарри, сама того не ожидая. Мне нужно было подложить ему пакет с карбонатом натрия и все? А теперь какой-то ублюдок отправит его за решетку. Это моя вина. То есть, если бы я сделала это, я бы отвернула от себя Гарри и все? Полиция нашла бы эту пустышку и все? Я чертова дура.

Ищу номер Кэтрин, звоню.

— Ох. — Пафосно вздыхает она. — Не говори, что это снова ты.

— Кэтрин, Гарри, он в полиции.

— Что?

— Я видела его в участке, помощник шерифа говорит, что это наркотики.

— Это невозможно. — Она как-то нервно хихикает. — Что ты сделала, идиотка?

— Ничего! Он попросил позвонить тебе. Я попрошу у родителей адвоката, ладно? Не создавай панику.

Даже если я самостоятельно ничего не подкладывала, я чувствую за собой вину, я не могу позволить этому парню угодить за решетку.

«Ты провалила задание, последнее будет жестче, чем я планировал»

Гори в аду, урод!

Возвращаюсь домой.

— Карен! Кто-нибудь есть дома?

Папа выходит из кабинета.

— Почему ты снова не на ферме?

— Пап, мне нужен адвокат.

Его глаза округляются, мама появляется из гостиной и испуганно хлопает глазами, чашка из ее руки падает на пол, я вздрагиваю.

— Нет, не мне. Пап, нужен адвокат. Это Гарри Стэнфилд он в беде.

Мать выдыхает, Карен бежит с тряпкой, чтобы вытереть с пола, разлитый кофе.

— Пап.

— Даже не продолжай. Это не обсуждается. Я, по-твоему, похож на того, кто занимается благотворительностью?

— Я знаю, у тебя есть знакомые адвокаты. Вышло недоразумение..

— О, конечно, ты знаешь.

— Не убийство, я надеюсь. — Мама до сих пор напугана.

— Наркотики. — Тихо говорю я. — Но это не его, я знаю, точно! Он мой друг.

— Генри.

— Нет. Он не ее друг, Шейла.

— Пожалуйста.

— Завтра ты возвращаешься на ферму, поняла? — После этого отец закрывается в кабинете, и даже слушать меня не хочет. Я иду в свою комнату.

— Я поговорю с ним. — Кричит мать вслед. Будто он ее послушает.

Падаю на кровать, не могу сообразить, что произошло, не могу отмыть себя от вины застрявшей внутри, не могу избавиться от желания рассказать все Нику, а затем спрятаться в его объятиях. Я хочу убить того, кто делает это со мной, кто сделал это с Гарри.

Глава 22

— Парню грозит срок. — Это все, что сказал отец, когда вернулся вечером домой, он бросил на диван свой пиджак и уставился в вечерние новости, которые обычно никто в семье не смотрит. Что-то беспокоило его.

— Ты можешь помочь? — Спрашиваю я.

— Аделаида работает над этим, пока нет доказательств, что наркота не его, но плюс в том, что экспертиза в тот день не обнаружила в его крови посторонних веществ, в этом он чист.

Аделаида, мой адвокат, я помню эту женщину, она выбивала из меня дерьмо целый месяц, а то и больше. Я должна поговорить с Кэтрин, уже прошло четыре дня, и никому

неизвестно, что происходит с Гарри. Звонить не стану, беру машину и еду в дом Стэнфилдов. Дверь открывает их пожилая экономка Дорети. Родителей нет, должно быть как всегда в командировках, и скорее всего понятия, не имеют, что с их сыном. Нахожу Кэтрин в ее комнате, она лежит на большой кровати, обняв себя за ноги, тихо рыдает, не помню, когда в последний раз видела ее в таком состоянии. Никогда. Сажусь на край кровати.

— Привет.

Всхлипывает два раза, не оборачивается.

— Они не нашли у него в крови наркотики.

Снова всхлипывает.

— Нужно рассказать родителям, дело может затянуться.

— Тебе вообще какая разница? Я ничего не просила.

— Я хочу помочь.

— Я ненавижу тебя. Всегда ненавидела.

— Я не сделала тебе ничего плохого, Кэтрин, и раз уж на то пошло, я помогаю Гарри, а не тебе.

Ее слова меня задевают и злят, она говорит что всегда ненавидела меня, это значит я дружила с лицемеркой, не было никакой искренности, любви и дружбы между нами, все ложь. Намереваюсь уйти, потому что сказала все, что хотела. Кэтрин останавливает меня у двери, я оборачиваюсь, смотрю на ее опухшие красные от слез глаза. Никакой косметики, никакого вранья и масок на ее лице, она вытирает рукой свой тонкий маленький нос и смотрит на меня, будто хочет что-то сказать, но ей тяжело это дается, я открываю дверь.

— Стой. Подожди. Я знаю, что мой брат в заднице, и я ничего не могу сделать, родителям плевать на нас.

— Это не правда.

— Правда! Всегда было. Если можешь его вытащить, помоги, пожалуйста.

Я бы могла послать ее к чертям вместе с ее братом, но какими мы бы все ужасными ни были, я любила этих стерв.

— Ты забирала у меня все: друзей, парней, даже моя мать улыбалась тебе чаще, чем мне.

— Это не..

— Правда! — Горько усмехается то ли надо мной, то ли над самой собой. — Даже Дениел, конечно он выбрал тебя, и сделал бы это снова, я не дура. Луиза. — Ее тон меняется, слеза катится по щеке, одна, вторая. — Я беременна.

Что? Интересно она ревет из-за того, что брату могут дать приличный срок ни за что или из-за беременности?

— Разве ты не должна радоваться?

Смеется сквозь слезы

— Он сказал, что не подписывался на это.

— Дениел?

Кивает.

— Он бросил тебя?

— Я не знаю. Я хотела, чтобы все стало нормальным. Он сказал, что мог бы и дальше встречаться со мной, но ребенок это уже слишком. Поговори с ним.

Спятила?

— Я?

— Он послушает тебя.

— Это не имеет смысла.

— Попробуй, прошу. Я люблю его, ты себе представить не можешь, как долго и как сильно.

— Я не могу заставить человека!

— Тогда. — Она подрывается с кровати, берет ножницы и подставляет к своему запястью, надавливает, появляется немного крови, я подбегаю и выбиваю их из ее рук.

— Ты спятила?!

— Я покончу с собой и оставлю записку, что это ты виновата! На тебе повиснет еще одно клеймо, Луиза.

Я чувствую ее гнев, но я не злюсь, впервые в жизни я смотрю на Кэтрин и, мне ее жаль.

— Почему он встречается с тобой?

Когда я вернулась в город, Дени пришел ко мне и, говорил странные вещи, намекая на то, что вынужден встречаться с Кэтрин из-за того, что она знает.

Молчит.

— Отвечай!

— Потому что я знаю кое-что... — Ехидно ухмыляется. — О Джексоне и..

— О Господи. И ты рассказала Гарри? Почему?

— У меня можно сказать нет никого кроме него, я вижу, как он изводит себя долгое время, так сильно пытается ненавидеть тебя. Это тяжело, когда долго привязан к человеку. Мне пришлось рассказать.

— Я поговорю с Дени.

Вижу проблеск в ее глазах. Я даже не стану спрашивать, откуда она ВСЕ знает, мне казалось, ее не было в комнате, но я была настолько пьяна в тот вечер, что могу до сих пор что-то не помнить. Находясь под наблюдением врачей, я больше месяца собирала обрывки вечера первого июня в своей голове, не удивлюсь если что-то упустила.

— Но не думай, что это сработает. Скажи родителям о Гарри.

— Да пошла ты. — Кэтрин падает на кровать и отворачивается. Я ухожу.

Мне нужно поговорить с Дени. Конечно, он не сразу соглашается, и мне приходится еще минут десять его уговаривать, объясняя всю срочность вопроса. На самом деле, если бы он не так уж хотел встретиться и это не вызывало у него интерес, мог бы просто повесить трубку. Мы выбрали парк на окраине города, где меньше всего людей, потому что, как вы знаете, сплетничать любят все. Дверь его машины была не заперта, Дени сидел вытащив наружу ноги и пялился в асфальт.

— Спасибо, что приехал.

Поднимает голову, выходит из машины, становится напротив меня.

— Ты была убедительна. Я всегда приду тебе на помощь, Луиза. Так что происходит?

Его слова заставляют меня на секунду окунуться в прошлое. Я думала, что нам двоим доступно все, когда мы вместе, все двери откроются нам. Я ошиблась.

— Это не обо мне. Я пришла говорить о Кэтрин.

— Ты дура, Лу. — Проводит рукой по лицу, пристально смотрит на меня. — Что она тебе напела?

— Ничего из того, чего бы ты не знал. Будь с ней помягче, она расстроена. Гарри, и еще этот ребенок.

Дениел смеется, я смотрю на него, как на псих больного.

— Она уже не знает, как меня удержать. Это не касается ребенка, только ее. Я устал, Луиза.

Он кладет руки мне на лицо, я не спешу их убирать, хочу, чтобы выслушал меня.

— Ты заварил эту кашу. Тебе придется ее принять, либо же разбить ей сердце.

— У нее нет сердца.

Я бы согласилась, но не после того, как увидела ее сегодня. Да, она эгоистка, но у нее есть сердце, пусть если оно даже беспокоится только о себе.

— Она сказала, что наложит на себя руки. Ты этого хочешь?

— Если бы она собиралась, то не сказала бы. Психология.

Мне бы не знать о психологии, проведя пять лет взаперти с докторами и шизанутыми.

— Просто поговори с ней нормально, прошу.

— Она использует тебя, именно по этой причине. Думаешь, я не говорил с ней нормально, ни разу? Она права если думает, что я стану слушать тебя, потому что ты, Луиза, ты все чего я всегда хотел. Думаешь, я не хотел позвонить тебе? Я боролся с этим желанием несколько лет. Я боялся, что если услышу твой голос то, сойду с ума.

— Прекрати.

— Я бы и дальше избегал тебя, как хотел, как планировал, но ты здесь, рядом. — Сжимает мое лицо, касается лбом моего лба. Сглатываю ком. Этого не произойдет снова, я не стану ворошить ошибку пятилетней давности.

— Остановись. — Шепчу.

— Я сделаю для тебя все, что угодно. Все, понимаешь? — Его глаза выглядят сумасшедшими, я отталкиваю его от себя, тяжело дышу, он тоже, вижу, как страх поселяется в его глазах.

— Нет! Не подходи. Ты не понимаешь, что говоришь.

— Я бы мог позаботиться о тебе. Мне не нужна Кэтрин! С того момента, как я увидел тебя в «Еллоу Бич» я не могу перестать думать о тебе.

— Прекрати. — Отступаю назад. — Обо мне есть кому заботиться. Мысли о Нике разливают тепло по всему телу, гнев уходит. Дени смеется.

— Этот придурак что ли? Я знаю его, он и волоска твоего не стоит!

— Да пошел ты! — Быстро иду к машине.

— Лу! Луиза!

Теперь я знаю, что встретиться с ним было наихудшей идеей. Пошла ты к черту Кэтрин! Я не собираюсь слушать эти тошнотворные признания, которые больше не имеют никакого смысла. Я выполнила свое обещание, и я не могу быть ответственной за то, что меня не хотят слушать. С самого начала считала эту идею провальной.

Глава 23

Уже неделю я не получаю никаких СМС-заданий, и наконец спокойно выдыхаю от осознания того, что все закончилось. Каждый день я спрашиваю о том, что известно по делу Гарри и каждый день я не слышу ничего нового. Сегодня я в наилучшем настроении, чувство эйфории зашкаливает. Мы созванивались с Ником всего несколько раз из-за его занятости, и этого было недостаточно, я слышала его уставший голос и, мне хотелось просунуть свои руки через трубку и крепко его обнять.

Втайне от отца мама одолжила мне двести баксов на подарок Нику. На днях в торговом центре, я увидела шикарные часы «Даниель Вэллингтон», и подумала, что они идеально

впишутся в стиль Николаса, так и вижу их на его руке.

К часам мне дают идеальную черную коробку с выгравированной на ней надписью «Даниель Вэллингтон», я радуюсь, как ребенок, даже больше чем когда приходилось получать подарки. Останавливаюсь в мини-маркете, чтобы купить содовую, слышу перешептывания за спиной, причем такие отчетливые, что создается впечатление, будто говорят это специально, чтобы я слышала.

— Это она?

— Тсс... Фу, посмотри, что сделала с волосами. Мы брали с нее пример... Ну и жуть.

— Тупая стерва. Слышала, ее все кинули.

Идиотки. Не обращаю внимания, и даже смотреть на них не нужно, чтобы понять, что мы вместе учились. Когда отхожу от кассы, одна из девушек ставит мне подножку, я спотыкаюсь, но не падаю.

— Ой, простите. — Наиграно пищит.

— Следи за ногами, Мэддисон. — Я узнала ее сразу, длинные волосы, узкие глаза, бледная кожа.

— Ты угрожаешь мне, Хейл? Эй, мисс! Можете вызвать полицию? — Делает вид, что вот-вот расплчется.

— Что случилось? — Спрашивает кассир.

— Эта девушка угрожает мне.

— Она врет!

— Покиньте помещение дамы.

Я ухожу незамедлительно, потому что эта бессмысленная разборка не предвещает ничего хорошего. Мэддисон может придумать все что угодно, и проблема в том, что ей поверят.

Николас отказался от того, чтобы я встретила его в аэропорту, ссылаясь на то, что хочет привести себя в порядок после дороги, поэтому мы решили, что я приеду к нему домой через час. Не могу дождаться этого времени. Я отправила маме фото часов, которые купила, в ответ та прислала смайл, выражающий восторг, кажется ей просто плевать. По дороге заказала пиццу и напитки, наверняка Ник так устал, что даже не завтракал.

— Псс... — Меня останавливает консьерж, тот самый, которого видела в прошлый раз.

— Ник дома? — Спрашиваю я, немного сомневаясь.

— Да, ты знаешь, эта разноцветная леди снова была здесь.

Кэндис? Хмурюсь.

— Правда?

— Да, почти час здесь проторчала.

— Вам стоит меньше уделять внимание чужой личной жизни, сэр. — Я разозлилась, хоть и мужчина ни в чем не виноват, я разозлилась из-за присутствия Кэндис Девелпорт в жизни Ника, и я не могу его винить, они знакомы намного дольше, но это не отменяет того, что она меня по-прежнему бесит. Если бы кто-то пять лет назад мне сказал, что я буду ревновать парня к Кэндис, я бы умерла от смеха.

— Эй, красавчик. — После того, как мне никто не открыл, я дернула за ручку двери и вошла. Ник появился из ванной, его волосы мокрые и спутанные, взгляд уставший, и на нем нет ничего кроме джинсов низкой посадки. — Почему дверь не запираешь? — Расплываюсь в улыбке, бросаю сумку и бегу к нему, мы обнимаемся, а затем долго целуемся, моя футболка прилипает к его мокрому телу, что-то пульсирующее внизу моего живота, отдает позывы

моему мозгу.

— Ты назвала меня красавчиком? — Легкая улыбка, игривый взгляд. Я плююсь на его обнаженный торс, кубики пресса, широкая грудь.

— Не мог бы ты одеться. — Прокашливаюсь.

— Я тебя смущаю? — Достает из комода белую футболку и натягивает на себя, не могу отвезти взгляд.

— Немного. — И я не могу сказать, что на самом деле испытываю, когда вижу его.

— Я скучал по тебе. — Притягивает обратно к себе, убирает мелкие растрепавшиеся волосы с моего лица.

— Почему дверь была открыта?

— Кэндис приходила.

— Что с твоей рукой? — Я сразу заметила, как только вошла, что два его пальца правой руки перебинтованы.

— Вот поэтому она и приходила.

— Что-то серьезное? Дай посмотрю. — Беру его руку, но он одергивает ее.

— Все нормально. Рабочие моменты. Кэндис уже все сделала.

Кэндис, Кэндис, Кэндис.

— Ты мог бы дождаться меня.

Смеется, закусывает губу.

— Я понял. Ты ревнуешь.

— Нет.

Да, Луиза, признай это.

— Послушай. — Берет мое лицо в руки и нежно касается губами моего лба. — Я знаю Кэндис очень давно, мы друзья.

— Я поняла. Это глупо.

Звонок в дверь, я вздрагиваю, вспоминая бесконечные, пищащие СМС на своем телефоне. Выдыхаю, открываю дверь.

— Луиза Хейл? Ваша пицца и напитки.

— Спасибо. — Отдаю парню деньги и забираю содержимое его рук.

— Ты заказала пиццу?

— Подумала, что ты голоден. — Целую в губы.

— Ты лучшая.

Я замираю. Никто не говорил мне этого никогда, я в растерянности и смущена. Я думаю, мне стоит привыкать, зная какой человек теперь рядом со мной.

Пока мы едим пиццу, я совсем забыла про свой подарок.

— Как дела на ферме?

Смеюсь.

— Прощу, прожуй. — Вытираю ему рот, испытываю радость даже из-за такой мелочи. — Все нормально. — На удивление, его мама даже ни разу не наехала на меня. — Тиффани больше не косится на меня.

— О, это прогресс.

— Это не смешно. Твои лошади меня ненавидят. Стой. — Подрываюсь с кровати, тащу свой зад к сумке, которую бросила у порога. — У меня кое-что есть для тебя. — Достую коробку, передаю Нику.

— Хм..

— Открой. — Улыбаюсь.

Он медленно поднимает крышку и смотрит на часы, затем на меня.

— Серьезно?

— Угу. Нравится?

— Они шикарны. Спасибо. — Тянется ко мне, запускает пальцы в волосы. — У меня тоже есть кое-что для тебя. — Встает.

— Правда?

Берет с комода какую-то бумагу и передает мне.

«Договор аренды... Грэй Саунс». Нет. Серое озеро?

— Это серое озеро? — Я почти кричу.

— Угу. Поедешь со мной? Ты и я, две недели.

Конечно. Господи. Я почти плачу, это лучшее, что я слышала за последние несколько лет. Две недели с Ником наедине, никаких проблем, посторонних людей, угрожающих СМС.

— Прости, что не была с тобой в Портленде.

— Я рад, что тебя не было, ты бы заскучала, у меня совсем бы не было времени на тебя, но как видишь, я нашел альтернативу.

Широко улыбаюсь.

— Конечно, я поеду с тобой.

Вот оно. Две недели наедине. Удобный случай для всех откровений, я расскажу ему все, все начиная с первого июня две тысячи двенадцатого.

— Тогда можешь, паковать чемоданы, выезжаем завтра.

Глава 24

Я обещала себе, что все расскажу Нику, как только мы приедем на озеро, но я этого не сделала, даже спустя неделю, спустя полторы. Каждое утро я просыпалась с мыслью о том, что сегодняшний день станет днем откровений. Нет. Я все еще боялась, потому что каждый закат и рассвет был еще прекрасней, чем предыдущий. Каждый поцелуй был нужнее мне, чем предыдущий, каждое слово, каждое прикосновение, я не могла это все разрушить.

Отец был против этой поездки, а мама дала молчаливое согласие, и впервые мне было плевать отпустят или нет, я все равно поехала. Кэтрин звонила несколько раз, я не брала трубку, потому что я просто хотела быть счастлива, хотя бы эти две недели, вдаль от всех.

Сегодня был насыщенный день, и я правда чувствовала себя самой счастливой, когда Ник взял катер и, мы прокатились по озеру на всех скоростях, рассекая прозрачную воду. Мы вымокли до нитки, но это не остановило нас пойти на колесо обозрения и посмотреть на маленькую деревню огней, мы искупались в отражении лунного света, а когда я вышла на берег, что-то внутри меня оборвалось и в этот момент, я получила СМС на свой телефон.

«Ты же не думала, что я забыл о тебе солнышко? Не расстраивайся, был немного занят. Готовься к последнему заданию, ты узнаешь, когда пройдешь его, ну или провалишь, тик-так. Три дня»

Три дня? Это то время, через которое мы с Ником должны вернуться домой. Что я должна сделать? Не намекает ли аноним на то, что я обещала самой себе? Но он не может об этом знать. Он просто хочет, чтобы я открылась Николасу, и он отвернулся от меня?

Этого не будет, я докажу.

Когда мы вошли в дом, Ник в своих мокрых джинсах завалился прямо на кровать, я

подойдя к окну уставилась на него, на лунный свет который падал на его прекрасные волосы и лицо.

— Нам нужно поговорить.

Он смотрит на меня, и понимает, что что-то изменилось во мне, я чувствую его тревогу, как свою собственную. Я не хочу ничего портить и не хочу отсюда уезжать. Глаза жжет. Я должна это сделать.

— Я долго думала... — Замолкаю. — Смогу ли рассказать тебе все..

— Луиза. — Он встает и идет ко мне, в полумраке теней мы смотрим друг другу в глаза, и я готова упасть на пол и разрыдаться.

— Мне страшно. — Тихо говорю, Ник кладет руки на мои оголенные плечи, затем опускает их вниз.

— Тебе нечего бояться.

Мне так хочется убедиться в этом, послать все куда подальше, уткнуться носом в его грудь и дышать только этим воздухом. На душе не спокойно, хочется убежать. Про себя молю Господа помочь мне, это не успокаивает.

— Так много хочу тебе рассказать... я просто не знаю как... как это сделать. С самого начала я знала, что это плохая идея, даже смотреть на тебя было преступлением. Я перешла черту, и теперь не могу убежать.

— Не нужно бежать, глупышка. Если ты не готова говорить — молчи.

— Я хотела быть хорошей, правда.. — Опускаю голову, Ник берет меня за подбородок.

— Эй. Ты лучшая, Луиза.

Я хватаю его руку и крепко сжимаю, не желая больше отпускать.

— Если тебе плохо, я с тобой. Ты можешь выпустить пар, побить меня, накричать.

Качаю головой.

— Я просто хочу быть с тобой. Ты лучшее, что произошло в моей жизни.

— Не говори это. — Подносит указательный палец к моим губам, я наблюдаю. — Не говори это. Тебе холодно? — Ищет ответ в моих глазах, качаю головой. — Я принесу сухую одежду.

— Нет. — Останавливаю его, вцепившись с большей силой в его руку. Хочу сказать, что мне не холодно рядом с ним, я просто боюсь все испортить, дрожу вся то ли от страха, то ли от такого близкого нахождения рядом с ним. За эти почти две недели я кое-что поняла. Жизнь состоит из моментов, не из денег, не из славы, не из того, кем другие считают тебя, из моментов наполненных чем-то: любовью, счастьем, радостью, хотя для меня эти три слова теперь сливаются воедино. Мы в полной тишине, среди лунного света, пробивающегося в окно, я провожу рукой по оголенному торсу Ника и чувствую, как каждая клеточка его тела напрягается. Я веду руку дальше, вверх к его шее и обратно, он застывает, затем издает легкий вздох, я вытягиваюсь в полный рост, становясь немного на носочки и целую его, нежно, долго, так как обычно. Он принимает меня такой, какая я есть, даже если многого еще не знает, он верит мне. Руки Николаса зарываются в моих волосах, каждый сантиметр моего тела теперь касается его, и я так отчетливо слышу и чувствую его дыхание, что кажется сама перестаю дышать. Наш поцелуй углубился и, я поддаюсь этому окрыляющему шторму, окутывающему нас двоих, что не сдержала легкий стон. Я должна сказать ему кое-что еще, кое-что, что покажется ему бредом то, чего я всегда стеснялась, даже будучи подростком, и если он захочет, я обязательно скажу, почему так получилось. И в этот момент, я так рада тому, что не сделала этого раньше, словно Бог вел меня все эти

годы именно сюда. Его язык ласковый и нежный словно шелк, затем он как буря, сорвавшаяся с небес. Я вжималась в него, а он искал меня своим поцелуем повсюду, где только мог. Когда моя мокрая майка оказалась на полу, я громко выдохнула и взяла голову Ника в свои руки.

— Я должна кое-что сказать.

— Если ты не готова..

— Я готова ко всему, что ты мог бы мне предложить... Просто... Я девственница, Ник.

Его глаза округляются на мгновение, я сгораю от стыда и, он понимает, что сделал что-то не так. Я понимаю, он удивлен, я взрослая девочка, и моя единственная возможность заняться сексом с парнем, которого, как казалось мне, я любила, канула в лета.

— Все нормально. — Он целует меня в висок, затем спускается к шее. — Мы можем закончить прямо сейчас, можем подождать.

Дело в том, что я не хочу ждать, мое желание намного больше, чем просто желание заняться сексом с кем либо, это не просто физическое влечение, я хочу тонуть в этом парне, хочу, чтобы он поглотил меня, забрал к себе без остатка. Нет, я не хочу ждать.

— Моя душа. И мое тело. — Говорю я. — Принадлежат тебе.

Мы целуемся медленно, сладко и нежно, а затем вцепляемся друг в друга, как примитивные животные, его руки скользят вниз по моему позвоночнику, к моей талии и все ниже и ниже. Я чувствую, как что-то растет во мне, становится все больше и больше, то, что рвет меня на части изнутри. Мы можем справиться с чем угодно, для нас двоих все двери будут открыты. Я верю ему, он верит мне, и не нужно слов, чтобы понять то, что мы оба испытываем. Мои ноги тряслись, колени подгибались от переизбытка эмоций и Николас знал, как правильно вести себя со мной, он подхватывал меня каждый раз, когда я лишалась равновесия. Я запуталась в собственных штанах, когда пыталась их снять, мы с Ником оба издали легкий смешок, после чего, не прерывая поцелуя, он уложил меня на кровать. Нависнув надо мной, он изучал глазами мое полуобнаженное тело, затем принялся исследовать его губами, я умирала от каждого прикосновения, моля Господа Бога, чтобы это продолжалось вечно. Я помогла Николасу избавиться от штанов, и ощутила твердую горячую плоть меж своих ног. Он опустился ниже и поцеловал внутреннюю часть моего бедра, все во мне сжалось, я самостоятельно избавилась от невыносимо давящего бюстгалтера и притянула лицо Никак для очередного поцелуя.

— Не бойся. — Прошептал он. — Ты вся дрожишь.

— Не могу это контролировать.

Интересно был ли у него опыт с девственницами? Стоит ли спросить? Нет. Это слишком глупо и маловажно, потому что сейчас я не ощущаю себя, как гребаная девственница. Я готова отдать ему целый мир, а это больше, чем я и мое тело. Он избавляет меня от маленького кусочка ткани, препятствующего нашему полному соприкосновению тел. Он врывается в меня легким порывом ветра, а внутри меня поселяется целая грозовая буря. Его нежные прикосновения уносят меня куда-то далеко в новый мир, которого я не знала раньше. Я не чувствую боли или дискомфорта, и я не чувствовала такой нежности никогда прежде. Внутри меня все порхает и кружится в долгом и быстром танце, я куда-то лечу, приятная мелодия проносится в моей голове, не могу подавить стон. Я уверена, что никогда не смогу насладиться этим, и даже когда сон занимает почти все пространство в моей голове, я не желаю быть хоть на один сантиметр дальше от этого человека. Я ощущаю себя чем-то большим, чем прежде, чем-то, что способно разрушить мир и собрать его

воедино. Я была так слаба, и за несколько дней один человек вернул мне все, что было утеряно раньше, и чего не было во мне вовсе.

Утро было солнечным, и хоть мое тело немного ломило от прошедшей ночи, я была в этот момент счастливой, как никогда, все портили только мысли о том, что мне еще предстоит разговор с Ником и то, что нам осталось жить в этом прекрасном месте всего два дня, а так же дурацкие СМС от анонима, вернувшиеся вчера.

Я приподнялась на локтях и уставилась на Николаса, сидящего на подоконнике, его взгляд был потуплен и уставлен в телефон, на нем не было ничего кроме джинсов. Потянувшись вперед, я подняла с пола свою помятую майку и штаны, быстро натянула на себя, все это время, наблюдая за парнем, который перевернул мой внутренний мир за считанные дни.

СМС. Я напряглась.

«Поздравляю, дура, ты выиграла билет в свой собственный ад»

Что? Смотрю на Николаса, он отрывает глаза от телефона и пристально исподлобья смотрит на меня. Я сделала что-то не так? Нужно все ему рассказать. Прямо сейчас. Все внутри сдавливает от тревоги, от секретов, которые я не имею права больше хранить.

— Ник.

— Как ты себя чувствуешь? — Без единой эмоции на лице, спрашивает он.

— Хорошо. — Улыбаюсь, пытаюсь передать ему свое настроение, приближаюсь, обволакиваю руки вокруг его шеи, он встает, буквально стряхивая меня, как насекомое.

— Хмм... — Он чем-то встревожен и меня это беспокоит не меньше, чем эти гребаные сообщения.

— Пойдем к озеру, смотри какая погода.

Он натягивает на себя футболку и кладет телефон в карман.

— Жалеешь о чем-то?

— Что? Нет. Да что с тобой? — Подхожу ближе, кладу руку ему на лицо. — Ты в порядке?

— Более чем. Был, конечно, удивлен тому, что ты девственница. — Смотрит в упор. — Так легко было затащить тебя в постель. На самом деле, думал, сдашься раньше.

Что? В голове начинает пульсировать, сердце вот-вот отобьет свой последний бит. Так быстро. Так громко, аж в ушах звенит.

— Ник. Что ты несешь?

— Ты выполнила последнее задание. Поздравляю.

Нет. Нет. Нет. Голова идет кругом. Моя рука скользит по лицу парня, и падает на его грудь, я крепко сжимаю воротник его футболки, не в силах сделать что-либо еще.

— Как тебе мой член, Хейл? Надеюсь, я хотя бы стал хорошим опытом для тебя.

— Заткнись. — Шиплю я. Он смеется, закрывает глаза и медленно втягивает в себя воздух, затем снова открывает и, я вижу абсолютно безумного человека перед собой. Ни капли нежности, тревоги, или чего-либо еще, что я видела раньше. — Откуда ты знаешь про задания? — Шепчу я, почти не слыша свой собственный голос.

— Потому что это была моя идея, идиотка. — Отталкивает меня от себя, я слегка пошатываюсь.

— Я не верю тебе.

— Еще вчера ты напевала мне другую песню. Как там? Моя душа и тело..

— Заткнись! — Бью его по лицу, и не сразу понимаю, что сделала. Он прикладывает

руку к щеке и хохочет. Этого не может быть. Дурной сон, не может быть иначе. — Ник. — Молю я. — Скажи, что происходит.

— Ты сама открыла эту дверь,пустила меня, когда приперлась в «Еллоу Бич», ты остановила меня, и сама не заметила, как воплотила мой план в реальность. — Он хватает меня за лицо и сильно сжимает одной рукой, испепеляя своим взглядом, затем резко отпускает. — Боже,какая же ты мерзкая. Тебе не стоило даже говорить со мной, потому что все, что я от тебя слышу в своей голове это просьба проехаться по тебе колесами своего «Ягуара».

— Не верю тебе. Не верю.

Достает из кармана телефон и что-то набирает, я получаю СМС, уже по привычке вздрагиваю от этого звука.

«Гейм овер, стерва»

Меня начинает трясти. Это же не он? Нет. Не он.

— Скажи мне правду. Пожалуйста. — Мой голос срывается и, я не хочу принимать ничего из того, что слышала.

— Правда в том. — Он наклоняется ко мне. — Что ты подумала, будто после всего, я смогу полюбить тебя. Это смешно. Доедешь сама. — Кидает мне несколько купюр, которые разлетаются почти у моего лица, затем он демонстративно снимает часы и кладет их на кровать. Уходит. Я словно окаменевшая опускаюсь на пол и смотрю в одну точку, затем резко подрываюсь и бегу за Ником, догоняю у подъездной дорожки к домику, хватаю его за край футболки, он даже не оборачивается в мою сторону. Я ничего не могу сказать из-за нахлынувших внезапно слез, которые до этого я, видимо, подавляла, совершенно не осознавая, что происходит. Страх. Одиночество. Ужас. И полное бессилие охватывают меня с ног до головы, я, кажется, лишаюсь возможности дышать. Николас отцепляет мою руку от себя, я падаю задницей на землю, и в тот момент, когда машина отъезжает, я начинаю кричать.

Глава 25

Если бы видели меня, то возможно подумали: «О, она расстроена», я не расстроена. Расстроена — это нормальное состояние человека, грустное выражение лица, печальные глаза, и это то, как придется мне выглядеть, когда я выберусь отсюда. Если бы *он* переехал меня колесами своего «Ягура» я бы чувствовала себя лучше, чем сейчас. И... Я не верю, все еще нет. Я провела еще одни сутки в домике у озера, в полном одиночестве, я не встала с постели, даже чтобы просто умыться. Мама звонила несколько раз, в итоге, я выключила телефон, не хочу слышать нравоучения по поводу того, что крупно облажалась. У меня было желание позвонить домой еще вчера, после всего, и слезно умолять родителей, чтобы они забрали меня, но затем я вспомнила, что это мои родители. То есть, знаете, как бывает: что бы плохое ни происходило с тобой, виноват ты сам. Ник не мог мне врать, что-то определенно произошло. Неужели он просто наслушался сплетен и отвернулся от меня, даже не спросив? Нет. Все изменилось вчера утром. СМС, которые я получала, я не знаю, откуда он узнал о них. Хотел показать, что это его рук дело, — не верю.

С трудом заставляю себя подняться с кровати, запикиваю вещи в чемодан и вызываю такси. Беру в руки часы, оставленные Николасом. Я верну их обратно, потому что я не принимаю этот удар. Стоило раньше все ему рассказать. Почему я тянула? Чего ждала? Кто-то сделал это раньше меня. Аноним. Может ему тоже прислали СМС? Я схожу с ума.

Пока жду такси, заставляю себя умыться и почистить зубы, расчесываю волосы, я могу выглядеть расстроенной, но не мертвой. Сил почти нет, я мало спала и ничего не ела за последние сутки.

Буквально в трех ста метрах располагается домик администратора, я запираю дверь и отношу ключ. Женщина мило улыбается, я тоже стараюсь, но наверное не получается.

Я не вернусь домой прямо сейчас, пока не узнаю, что на самом деле произошло, я не вернусь.

Моя жизнь, как хождение по краю обрыва, всегда боишься оступиться, с Николасом я не боялась, я четко и точно знала, что не упаду, а если сделаю это, он поймает меня. Могла ли я ошибиться?

— Николас дома?

— Я не знаю. — Отвечает мужчина, и он явно не заинтересован в разговоре со мной.

— Вы здесь работаете.

— Я не слежу за жизнью людей этого дома.

Наглый лжец. Хорошо.

— Вы обижаетесь, как девчонка.

Прошлый раз, когда я была здесь, он рассказал мне о Кэндис, а я посоветовала ему не лезть в чужую жизнь.

Консьерж поднимает глаза.

— Свят, свят. Тебе бы поспать, юная леди.

— Это мой естественный цвет лица.

Качает головой, цокая языком.

— Кажется, парень не выходил из квартиры со вчерашнего. Я как раз смену принял и, он приехал, злой такой.

Бла-бла-бла.

— Спасибо. — Быстро иду к лифту, волнуюсь, не знаю, что сказать и с чего начать.

Тарабаню в дверь уже так долго и сильно, что отбила себе весь кулак, почти отчаявшись, медленно опускаюсь на пол и жду.

— Ник. Я знаю, что ты там. Я не уйду. Мне... мне просто нужно знать правду... И нужно рассказать правду тебе. Просто... открой эту гребаную дверь. — Встаю, ударяю ногой, через какое-то время слышу звук открывающегося замка.

— Чего ты хочешь? — Опирается на откос, футболка помята, сонные глаза, от одного вида, внутренности выворачивает наизнанку. Прохожу вперед, в квартире пахнет алкоголем.

— Я тебя не приглашал. Давай быстрее, ты меня разбудила.

— Ты что пил?

— Я не пью, идиотка. — Вранье. Я не такая уж дура.

— Ты обещал дать мне время, а теперь веришь всему, что говорят обо мне.

— Мне плевать. Я не слушаю сплетни.

Подхожу ближе к нему, заглядываю в глаза, которые еще недавно смотрели на меня, словно я единственная на этой планете.

— Как ты узнал об СМС?

Смешок. Идет к окну, я за ним.

— Ник.

— Ты такая дура. Совсем не понимаешь?

— Ник, я все тебе расскажу, то, что ты слышал не совсем..

— Заткнись! — Бьет рукой по открытому деревянному окну. Вздрагиваю. — Ты не понимаешь? — Оборачивается. — Мне. Плевать. СМС, фотографии твоего отца и матери придурка Харта, твои фото, Джо, напавший на тебя, — это все я.

— Нет. — Все еще не признаю. — Ты был со мной множество раз, когда я их получала.

— У меня есть друзья, но откуда тебе знать, что это. Например, Кэтрин, она с удовольствием согласилась помочь мне с той маленькой игрой в яйца. Ты хотя бы поняла, за что Ребекка ненавидит тебя?

Сглатываю ком. Киваю. Глаза жжет. Я все еще не могу поверить. Молчу.

— Ты маленькая тупая стерва, я не мог дождаться, когда это дерьмо закончится. Даже нахождение с тобой в одной комнате мне омерзительно.

В ушах звенит. Я не могу сосредоточиться на правильных мыслях.

— Просто скажи... — Мой голос срывается, и в этот самый момент, я кажется понимаю, — Ник не лжет. Он познакомился со мной, и с самого начала я считала его доброе отношение подозрительным, но с каждым днем, я все больше убеждалась, что он не способен на что-то плохое, мне хотелось уберечь его от разочарований, я думала, что никогда прежде не встречала таких людей. Я боялась. Боялась привязаться. Боялась разочаровать. Боялась сделать что-то неправильно, и моя ночь с Николасом казалось мне самой правильной. Я все еще чувствую это, и буквально хочу умереть. Я не ощущала подобного с *тех* пор... Нет. Это другое. Совсем не то. Не то. — Почему? — Полушепотом словно все исчезает внутри меня, горит, и я не могу говорить. Он смотрел на все. Он причастен ко всему? Нет. Да.

— Почему? — Округляет глаза, и давит на меня одним взглядом, я словно проваливаюсь под пол. — Я могу забыть все, Хейл. — Его слова острые, как бритва, и мне кажется, будто я даже могу порезаться и истечь кровью. — Но не то, что ты отправила моего лучшего друга на тот свет.

Мое сердце, оно, кажется, остановилось. Я не знаю здесь ли я сейчас или где-то уже в другом месте. Джексон Трэвис был его другом?

— Я..я — Начинаю заикаться. Где воздух? Теперь все сходится, да? — Ты мстил мне?

Мой голос переходит в писк, и я уже почти ничего не понимаю.

— Ты даже не представляешь, как я ненавижу тебя, и себя... за то, что ты даже не можешь получить по заслугам. Все это... Этого недостаточно для тебя. — Он безумен. Безумен!

С трудом сглатываю ком, застрявший в горле, закусываю нижнюю губу.

— Тогда убей меня.

— Что? — Кажется, он не понимает. Потому что я не шучу. Я в полном дерьме, ребята.

— Сделай это. — Подхожу к окну, Ник медленно шагает за мной. — Давай. — Сажусь на подоконник, лицом к парню. — Скажешь, что это самоубийство. Просто толкни.

— Ты сумасшедшая.

— Сделай это! — Ору, слезы обжигают лицо. — Только для начала хочу, чтобы ты знал, я не убивала его. Джексона. — На секунду я вижу проблеск в его глазах, удивление, доверие, а затем снова холод. — Я не делала этого, Ник. — Он подходит ближе, ближе и еще ближе, почти вплотную, я хочу, чтобы он сказал мне, что все вранье, что он придумал все, что это неудачная шутка, но это не так. — Клянусь тебе, Ник, своей жизнью клянусь.

Он смотрит на меня тем же взглядом, таким же нежным, теплым, касается тыльной частью руки моей щеки, я закрываю глаза, Ник тянется ближе, чтобы сказать мне что-то на

ухо, его легкая щетина щекочет мое лицо, я куда-то уплываю.

— Мне глубоко плевать, Хейл. Слезь, пожалуйста, с окна и убирайся из моей квартиры. — Его голос, как мурлыканье кота, а его слова, как когти тигра, впивающиеся в мою грудь. Я распахиваю глаза, выбираясь из транса, смотрю в другие глаза, которые отражают мне все моменты, с той минуты, когда мы встретились в «Еллоу Бич», Николас Янг знал, кто я с самого начала. Было бы все иначе, не подожди я к нему сама? Этого теперь я не узнаю. Он издевался надо мной. Я отдала ему свою девственность и считала это лучшим днем в своей жизни, а затем получила нож в спину. Я все испортила. Родители между собой разобратся не могут, я только помеха, с самого рождения. Друзья? Смеюсь про себя. Они кинули меня при удобной возможности. Гарри? Гарри попадет в тюрьму, по моей вине. Николас. Он менял мой мир день за днем. А теперь я знаю, что он подложил наркотики, человеку, которого я когда-то считала братом.

Я должна бы ненавидеть его. Должна.

— Если я все расскажу тебе... — Я не сдаюсь, и понятия не имею, чего хочу добиться тем самым.

— Я не поверю тебе.

— Если я докажу? — У меня есть маленькая надежда на то, что Ник со мной, стоит лишь выслушать, стоит поверить.

— Мне плевать, ясно? Пошла к черту отсюда! Уходи. Сейчас.

Тяжело дышу, только бы без истерик. Сильно зажмуриваю глаза. Меня учили технике задерживания дыхания и расслабления мышц. Тихо выдыхаю, задерживаю дыхание.

— Ник, я купила сэки и... Какого черта она здесь делает?

Кэндис Девелпорт появляется в дверях, я медленно сползаю с подоконника, вижу, как раздуваются от злости ноздри девушки.

— Она уже уходит.

— Ты сказал, что покончил с этим дерьмом.

Дерьмом? Это видимо я.

— Это правда.

Значит, она все знала? Возможно, даже помогала ему? Боже. Сердце колотится. Как я раньше не заметила? Кэндис не просто так злилась на меня из-за нелепых школьных будней, она просто ревновала. Мои ощущения не подвели меня. Как она его одергивала постоянно, как он смотрит на нее сейчас... Это похоже... Словно они вместе... Они все посмеялись надо мной, а я даже не заметила. В моем сознании, что-то меняется, я не буду жертвой.

— Ты ведь знаешь, я переспала с твоим парнем?

— Да. — Она подходит ближе, и говорит это ни чуть не усомнившись, и без капли ревности, будто в этом нет абсолютно ничего. Кэндис Девелпорт не ревнует своего парня ко мне, потому что знает — все было игрой. Я хочу убежать прочь. — А еще я знаю. — Она буквально шипит. — Что ты самое отвратительно к чему прикасался Ник.

Я оборачиваюсь к парню, слова больно жалят. Я пришла унижаться, думая, что моя правда что-то изменит, потому что мы значим что-то друг для друга. Все было спланировано с самого начала. Я смотрю на него долго и пронзительно, передавая взглядом все, что думаю, все что чувствую.

— Я надеюсь, ты будешь счастлив.

— Я надеюсь, ты сгоришь в аду. — Говорит Кэндис, Ник молчит, я медленно отступаю назад, затем заставляю себя быстро развернуться и уйти прочь.

26 глава

Возвращаюсь домой к вечеру, и по правде, это последнее место, где я хотела бы быть, надеюсь лишь на то, что удастся незаметно проскочить в комнату. Чемодан с вещами оставляю у входа, позволяю дворецкому затащить его.

— .. не имеет к нам никакого уважения! — Голос отца оглушает с порога. Родители спорят, очевидно, я имею к этому отношение. Мама выбегает на звук закрывшейся двери.

— Луиза, где ты была?

— Ты знаешь, где. Не начинай, прошу. — Медленно поднимаюсь по лестнице.

— Нет, ты посмотри на нее, Шейла, она совсем обнаглела. — Отец догоняет меня и тащит за руку обратно, смотрю на обоих. Не хочу ничего слышать.

— Ты заболела, милая? — Мама обеспокоенно кладет руку мне на лоб, я равнодушно пялюсь.

— Живо отвечай, где была, мать звонила тебе несколько раз, я видел Николаса и разговаривал с его матерью, они понятия не имели, где ты.

Сердце делает сотню кувырков при упоминании Ника, злоба прокрадывается вглубь моего сознания.

— Генри, прекрати. — Кажется, маму теперь действительно волнует мое существование.

— Я хочу спать. — Вру. Я хочу умереть. Голос получается слабым и хриплым, будто я совсем забыла, что такое говорить.

— Вы поссорились с Ником?

— Мы расстались. — Это все, что я говорю, иду в свою комнату, горечь душит изнутри. Не стану вдаваться в подробности того, что произошло. Мне нужно подумать. Наверное, мне понадобится несколько дней, чтобы прийти в себя, зажить полноценной жизнью, может несколько месяцев, чтобы забыть *его*. Какая чушь, что я все еще думаю об этом. Я не нужна ему, и не нужна была никогда и, зная это, я думаю о том, почему в его квартире пахло алкоголем, не сядет ли он за руль, если вдруг выпьет. Однажды я отмоюсь от этого дерьма, никто не станет меня презирать и унижать.

Я не выходила из комнаты несколько дней. Уже сбилась со счета. Мать где-то откопала ключ от моей двери и стала самостоятельно приносить мне еду, она пыталась говорить со мной и задавала вопросы, все, что я делала в ответ, это отворачивалась лицом к окну и продолжала думать о том, как мне заставить себя на все наплевать. Папа два раза подходил к комнате и угрожал мне, что если я не выйду, он отправит меня обратно в центр реабилитации, мне было плевать. Каждое утро я просыпалась с мыслью о том, что пора все заканчивать, посылала себе в голову здоровые мысли, которые тут же рассеивались, как песок на ветру. Спустя еще три дня я поняла, что мне в еду подмешивают лекарства, я не могла толком проснуться и собрать мысли в голове.

Я разозлилась и, сегодня встав с постели, зачеркнула в календаре седьмой день моего бессмысленного существования.

— Маам!

Состояние максимально отвратительное, дрожь в конечностях, глаза подкатываются, я с трудом стою на ногах. Вижу, бегущую из кухни Карен.

— Миссис Хейл, миссис Хейл, Луиза вышла.

Мама несется с таким выражением лица, словно я годовалый ребенок, который сделал

свой первый шаг. Я не намерена любезничать.

— Скажи, это твоя идея подмешивать таблетки в мою еду?

Она молчит. Я злюсь еще больше, потому что никто, желающий помочь, не станет давать вам эти таблетки.

— Ясно. Где он? Паап!

Спускаюсь по лестнице. Он всегда думает, что больница и таблетки единственное решение любой проблемы, иногда я не понимаю, за что моя мать любит его.

— Луиза, стой!

Быстро шагаю к кабинету отца, распахиваю дверь.

— Ты не имеешь права... — Замираю. Наши глаза встречаются, *его* и мои. — Что происходит?

— Луиза, вернись в свою комнату.

Фыркаю.

— Не ты ли хотел, чтобы я вышла из нее?

— Выйди из моего кабинета.

Говорю с отцом, но продолжаю смотреть на Николаса, он тоже смотрит на меня, внутри зарождается буря, целый шквал эмоций обрушивается на мое сознание.

— Я хотела узнать, что по делу Гарри. — Ничего не говорю о таблетках, Ник больше не имеет права знать что-либо обо мне. На самом деле, я больше хочу знать, что *этот* человек, делает в моем доме и какие у него дела с моим отцом.

— Мы потом об этом поговорим.

Если он проник в мою семью завершить начатое, то я не позволю этому произойти, не смотря ни на что. Ник сказал, что ему недостаточно того, что он уже мне сделал. Означает ли это то, что он пойдет дальше? Что творится в его голове? Самые коварные люди скрываются за милым личиком и добрыми глазами. Не смотря на все, что я до сих пор испытываю, я буду бороться с каждым, кто посмеет причинить вред моей семье, даже с *ним*. Они называют меня стервой, сукой, даже не пытаюсь понять, кто я и что на самом деле случилось *той* ночью. Тогда какая разница, кто я?

— Мам, что он здесь делает?

Пожимает плечами.

— Ты все еще расстроена? Я не хотела, чтобы вы встретились.

— Мне нужна кредитка.

— Что?

— Кредитка, мам. Можешь одолжить свою или сделай мне новую.

— Я могу дать тебе наличные.

— Мне нужно больше, чем двести баксов.

Мама хмурится, прищурив глаза.

— Что ты задумала?

— Пока еще не знаю..

Избавляюсь от грязной пижамы, запаха пота и спуганных волос, долго смотрю на себя в зеркало. Может это действительно не я? Та, кем я стала. Вытаскиваю пирсинг из носа и бросаю в контейнер для бумаги, провожу рукой по волосам. Я не буду жертвой.

Полагаюсь на удачу и еду в салон, который всегда посещала раньше. Как же давно я тут не была. Цветы, которые всегда занимали много места, теперь располагаются на улице, кажется, цвет стен поменяли.

Подхожу к ресепшну.

— Мне нужна Сара Нэльсон, она все еще работает?

Девушка поднимает голову от компьютера и смотрит в упор.

— Она сейчас освободиться и подойдет. Вы хотели записаться?

— Нет, спасибо.

Девушка презрительно смотрит, затем возвращает взгляд обратно к монитору компьютера. Через какое-то время, я вижу Сару, она идет из другого зала, гордо постукивая каблуками, все такая же стройная и нахальная.

— Луиза? — Конечно, она удивлена и моему внешнему виду и моему появлению.

— Обниматься не будем. Ты свободна?

— Что с твоими волосами? — Гримаса отвращения появляется на ее лице.

— Именно поэтому я здесь.

— Идем со мной.

Она провожает меня в зал, где обычно принимает особых клиентов, которые хорошо платят, в том числе и меня. Усаживает на стул, разворачивает спиной к себе, смотрит в мое отражение в зеркале.

— Ну и помотало тебя.

— Да иди ты..

— Это правда, что говорят..

— Да. Не спрашивай. Верни мне мой прежний цвет, можно даже светлее.

— Я думала ты в... ну знаешь... Тут такое говорят..

— Я была в Лондоне. Это все, что ты хочешь знать.

— И тебе плевать?

— Ага.

— Ну и сука ты, Лу.

— Спасибо, милая. — Наиграно улыбаюсь. — Сделай из меня красотку.

Домой возвращаюсь с кучей пакетов новой одежды, сумок и обуви, бросаю это все на пол в гостиной.

— Карен!

Девушка выбегает из кухни, судя по ее виду, она так напугана, что готова упасть мне в ноги.

— Отнеси это все в мою комнату.

— Так вот куда исчезло столько денег с моей карты.

Оборачиваюсь.

— Спасибо, папочка.

Мама неустанно хлопает глазами, разглядывая меня.

— Я должна волноваться?

Пожимаю плечами.

— Ты сама хотела, чтобы я привела себя в порядок. Тебе не нравится? — Встряхиваю рукой светлые локоны, аккуратно уложенные плойкой.

— Это... странно... Мы уже привыкли.

— Ты спрашивала о Гарри. — Говорит отец. — Будет суд.

Суд? Я не могу допустить мысли о том, что его посадят из-за меня. Я могу исправить это, а все что нужно сделать, это сдать Николаса Янга со всеми потрохами.

— Сделай что-нибудь, чтобы до этого не дошло.

— Боюсь..

— Что если я скажу, что это моя вина? Мои наркотики и так далее... То есть. —

Выдыхаю. — Что этот придурок делал в нашем доме?

Мама подходит ближе и заглядывает мне в глаза.

— Луиза, ты принимаешь что-то?

— Кроме тех таблеток, которые вы якобы незаметно подсовывали мне в еду?

Иду к себе в комнату.

— Луиза!

Взмахиваю рукой, поднимаясь по лестнице, не хочу больше ничего слушать. Распаковываю кучу косметики, которую прикупила, быстро наношу макияж и одеваюсь. Стоит снова привыкать носить каблуки, чтобы не походить на деревенскую дурочку, в которую я превратилась. Подумать только, я стала лузером, дала слабину и все сразу набросились на меня, решили, что я больше ничего не могу. Луиза Саманта Хейл не лузер.

Звоню Элизабет и прошу о встрече, она на удивление, сразу соглашается. Мы встречаемся в кафе у «Тринити-парк», в том самом, где Кэтрин и ее свора обкидали меня сырыми яйцами по инициативе Николаса Янга. Сводит желудок от воспоминания о нем.

— Воу! Ты вернулась. — Лиззи восторженно рассматривает меня, я перекидываю ногу на ногу.

— Я вернулась больше месяца назад.

— Я... имела ввиду, что ты классно выглядишь.

— Расскажи мне все, что знаешь о Николасе Янге.

— Хм... — Сводит брови. Я жду. — Ну, он молод, горяч. — Улыбается, я нет.

— Еще. Связь с Джексоном Трэвисом?

— Что случилось?

— Просто скажи мне.

— Боже, не говори, что он все-таки охомутал тебя.

Щурю глаза, подаюсь немного вперед.

— Что значит «все-таки», Лиззи?

— Ты серьезно? — Усмехается. — Да брось. Не делай удивленное лицо, будто не знаешь, что все малолетки сохли по тебе.

Большинство. Да. Но не он. Я даже не помню его в школе или вообще в городе.

— Лиз!

— Ладно. Только то, что я знаю. Ясно? Ты была уже пьяна, и я пыталась вытащить тебя на улицу, но ты в свою очередь всячески старалась выгнать из дома парней, брынчащих на гитаре. Помнишь?

Качаю головой. Сглатываю.

— Он.. кажется, хотел что-то спеть или... я не помню уже... Ты стала обзывать их и выгонять из дома.

— Не говори, что он был на той вечеринке.

Сдержанно кивает, я стараюсь вспомнить, но не могу. Помню гитаристов, но ни имен, ни их лиц.

— Луиза, я же сказала не связываться с ним. Посмотри, как он изменился и, он дружил с Джексоном... ты ведь понимаешь? Не говори..

— Помолчи, прошу. — Потираю пальцами виски. — Что еще?

— Ничего, ты пошла наверх, затем ты сама знаешь, что произошло..

Если Джексон Трэвис был другом Николаса, тогда... Господи. Почему же я раньше этого не узнала... Почему?

Хватаю сумку, ухожу.

— Будь осторожна. — Кричит Лиззи вслед, я даже не оборачиваюсь. Привычное поведение Луизы Хейл.

Сажусь в машину, опускаю голову на руль.

1 июня 2012

— Давай Джекки, чего тебе? — Складываю руки на груди, уставившись на парня, лицо которого расплывается в разные стороны. Ох, все еще мутит.

— Джексон, тупица.

— Ага.

— Сейчас ты возьмешь себя в руки и станешь хорошей девочкой, хотя бы на пять минут. Боже, что несет это идиот? Я почти не слушаю его, не могу перестать думать о Дени, о том, что сегодня нас ждет.

— Там внизу, мой друг. — Указывает пальцем. — Мне плевать, что этот болван в тебе нашел, но сейчас ты спустишься туда и послушаешь, как он поет, и ты даже улыбнешься ему, ясно?

Медленно растягиваю улыбку, а затем и вовсе смеюсь.

— Твое время вышло, давай, убирайся. — Выталкиваю его из комнаты. Кретин. Дверь закрыть не получается, кажется этот тип снова заходит. Меня мутит, я иду на балкон, парень плетется позади, хватается меня за руку и разворачивает к себе.

Наши дни

Друг. Если сопоставить то, что помню я и то, что говорила Лиззи, значит ли это то, что этим другом был Николас? Нет, бред какой-то. А даже если так? Нет. Вот дерьмо. Я просто должна забыть об этом всем, как о страшном сне.

— Пап. — Вхожу в его кабинет, без стука, поднимает голову, вижу усталость в его глазах.

— Миссис Макэвой звонила.

— Я не вернусь на ферму.

— Как хочешь.

Правда? Кто-то украл моего отца и подсунул мне нового. Удивительно.

— Что делал Николас в нашем доме?

Вздыхает.

— Это бизнес, Луиза.

Фыркаю.

— Какой у тебя может быть бизнес с мальчишкой?

— Раньше ты его так не называла.

— Времена меняются.

— Их проект. Группа. Они потеряли концертного директора, у которого куча долгов перед моей фирмой. Мы пытались договориться.

— Ты простил долг?

— Нет, конечно. Они бы могли судиться, но это бессмысленно, я дал отсрочку.

— Понятно.

— Что у вас произошло? — Отец останавливает меня уже у двери.

— Ничего. — Куча мыслей кружится в голове, куча эмоций: прежний страх, сочувствие,

неполноценность, одиночество, слабость, боль, ненависть... все и сразу. — Могу я тебя попросить?

— Хм?

Бинго!

— Можешь простить группе долг?

— Нет. Я, конечно, ценю твой интерес, но это не обсуждается.

— Ты не понял, пап. У тебя есть козырь, правильно? И ты можешь поставить ультиматум.

— И что ты предлагаешь?

Я расплываюсь в улыбке. Хочешь играть Ник? Мы будем играть.

Глава 27

Вышвыриваю из шкафа всю свою старую одежду, заталкиваю в чемодан, к той, которую привезла с собой из центра. Нахожу в ящике кухни спички и без разрешения беру одну из бутылок отцовского виски. Тащу все на задний двор, мама идет за мной.

— Даже не спрашивай.

Так и вижу застывшие на ее лице вопросы. Расстегиваю чемодан с вещами, пинаю его ногой, чтобы все вывалить из него, открываю бутылку, делаю глоток, какая мерзость.

— Луиза, ты уверена, что в порядке?

— Да. — Выливаю содержимое бутылки на гору одежды и бросаю несколько горящих спичек.

Нет, мам, я не уверена, но если я не переверну этот лист позора прямо сейчас, то не сделаю этого никогда. Несколько минут смотрю на пламя, поглощающее мою старую жизнь, затем возвращаюсь в дом, мама остается там.

— Мы ждали тебя.

Отец улыбается мне, как никогда, я уверенно шагаю по паркету, цокая каблуками. Надеюсь, теперь он видит во мне свою дочь. Со всей своей уверенностью и расчетливостью смотрю на Николаса сверху вниз, он изучает меня взглядом, начиная с ног и заканчивая головой, я ухмыляюсь.

— Ник, познакомься с новым директором вашей группы. — Папа произносит это с гордостью и даже с каким-то величием. То есть все, что мне нужно было сделать это — покрасить волосы, переодеться и перестать быть жалкой, чтобы они полюбили меня снова? Как просто.

Николас бросает взгляды от меня к моему отцу и обратно, качает головой в знак отрицания, встает с кресла, прерывисто смеется.

— Луиза наш. Вы шутите?

— Не Луиза. — Обхожу вокруг кресло, проводя указательным пальцем по кожаной обивке, парень вопросительно смотрит на меня. — Так меня называют друзья и близкие, впредь, для тебя я Саманта, можешь называть мисс Хейл, предоставляю выбор.

Отец прокашливается, сдерживая смех, прикрывает рот рукой.

Я смешаю с этим человеком все, что касается ненависти, мое имя и все остальное для него теперь вне зоны доступа.

— Это безумие, я на это не подписывался, мистер Хейл. — Кажется он в растерянности, и полной безысходности.

— Если ты отказываешься, завтра деньги должны быть на моем счету, вся сумма. Луиза

хочет помочь, прими это как шаг доброй воли.

Ехидно улыбаюсь, а он ненавистно сверлит меня взглядом.

— Это конечно ничто по сравнению с тем, как ты трахнул меня и бросил одну, но я думаю, мы сможем сработаться.

Я говорю это с полным спокойствием и безразличием и никто не знает, как выворачивает меня изнутри, словно кожу сдирают. Выражение лица папы меняется.

— Что ты сказала?

— Все нормально, пап, мы уже все выяснили, правда Ник? — Моя ирония, кажется ставит его в неловкое положение, вижу как дергается его кадык.

— Значит так, сопляк. — Отец ударяет рукой по столу. — Ты либо принимаешь предложение..

— Он согласен. — Отвечаю я. Куда же ты еще денешься, гаденыш. — Я провожу гостя. — Киваю на дверь. Николас испепеляет меня взглядом, пропускает вперед и следует позади. Оказавшись у выхода, он дергает мою руку и толкает к стене, я издаю вопль от удара спиной.

— Что за цирк, а?

— Понятия не имею, о чем ты.

— Если ты что-то задумала, тупая стерва... — Шипит на ухо, чеканя каждое слово. Внутри меня сплошной бушующий неконтролируемый ураган, которому я не дам волю. Никогда.

— Мисс Хейл, пожалуйста.

— Ты об этом пожалеешь.

— А ты пожалеешь, что вообще взглянул на меня. — Отталкиваю от себя, гоня прочь все эмоции, тепло его тела, нахлынувшую слабость. — Мне нужно расписание всех ваших выступлений на текущий месяц.

Ты выдержишь это Луиза. Пусть я не шарю в музыке и вообще ничего толком не знаю о ведении концертных программ, я уверена в своих силах, не зря же я Хейл, во мне от природы бизнес-жилка.

Он уходит, я выдыхаю запертый в груди воздух, запускаю пальцы в волосы. Держи себя в руках.

Возвращаюсь в кабинет, приведя мысли и чувства в порядок, папа сверлит меня глазами.

— Ты не твоя мать. — Качает головой. — Нет. Остановись, пока не поздно. То, во что ты ввязываешься, принесет только страдания, вам обоим.

— Он обманул меня!

— И ты хочешь отомстить.

— Нет. — Я не знаю, чего хочу. Я не согласна с тем, что требует мое сердце, но и избавиться я от этого не могу. Папа прав, я не моя мать, если все пойдет наперекосяк, она отпустит отца, будет тихонько страдать в своей комнате, а я хочу справедливости. Луиза пятилетней давности растоптала бы этого парня одним своим каблуком, наколола его сердце, как на острие ножа и скормила собакам, другая Луиза все еще беспокоится, и я топчу ее внутри себя каждую секунду, чтобы ничего не осталось.

— Я хочу поговорить с Гарри, это возможно? — Первое что я сделаю, постараюсь помочь этому парню, потому что если он сядет в тюрьму, мне придется сдать Николаса, а как бы я ни заставляла себя, я не смогу это сделать, лучше себя подставлю.

- Я позвоню Аделаиде, она договорится.

— Почему он под стражей? — Шепчу я, когда мы пересекаем патрульный участок.

— Его отпустят перед судом под подписку о невыезде и залог.

— Можешь добиться, чтобы до суда не дошло?

— У него нашли героин, Луиза.

Я останавливаюсь, пилю женщину взглядом.

— Ты вытащила меня из дерьма, из которого не было выхода.

— Тебя признали сумасшедшей. Это разные вещи. — Аделаида продолжает идти.

— Но я не сумасшедшая. Сделай что-нибудь.

— Он твердит, что это подстава, но доказательств нет.

— А если будут? Если я скажу, что я подсунула наркотики?

— Совсем умом тронулась? Твой отец меня живьем закопает.

— Это моя ответственность.

— Иди. У вас пятнадцать минут.

Я захожу в сырую пустую комнату, похожую на ту, в которой я постоянно встречалась с Аделаидой пять лет назад, словно все они одинаковы, будь то тюрьма или психушка. Гарри сидит, опустив голову, опершись на крепкие руки. Когда я вхожу, он поднимает лишь взгляд, вижу темные круги под глазами и усталость на его лице.

— Привет. — Говорю тихо, сажусь напротив. — Как ты?

Пожимает плечами, откидывается на спинку стула.

— Кормят по расписанию, спать есть где.

Он ненавидит меня. Смотрит и ненавидит, потому что я должна быть на его месте. Он не сделал ничего, а казалось бы, я сделала нечто ужасное и избежала наказание.

— Почему тебя не отпускают?

— Я преступник, Луиза.

— Ты не... Ты не преступник. — Беру его за руку. — И скоро ты выйдешь отсюда.

Гарри сжимает мои пальцы и смотрит в упор.

— Почему ты делаешь это для меня?

— Потому что я знаю, что наркотики не твои, и ты мой брат.

Отпускает руку.

— Я не думал так же о тебе, но ты все равно помогаешь. Как ты?

Если бы ты знал Гарри, что я имею прямое отношение, к тому, что ты здесь... Если бы ты знал.

— Я... отлично. — Натягиваю улыбку. — Но мы здесь не обо мне говорим. Ты видел Кетрин?

— Она не приходила, если ты об этом. Луиза... — Он берет мою руку и опускает голову, я чувствую себя неловко оттого, что кажется теперь он доверяет мне больше, чем когда-либо, а я даже не могу помочь, хотя могла бы. — Прости, что поверил во всю эту чушь о тебе, я должен был знать, что это неправда.

— Это то, что решил суд. Это не твоя вина.

— Но ты призналась..

— Да и сейчас это не имеет смысла.

— Когда я выйду отсюда, все узнают правду.

Его слова, его взгляд и настрой пугают.

— Нет. Все будет так, как есть. Ничего нельзя изменить.

— Ты не заслуживаешь..

— Время вышло! — Наш разговор прерывает дежурный.

— Забудь об этом. — Говорю я. — Думай о себе.

Я должна сделать что-то. Если у Аделаиды не получится вытащить Гарри до суда или во время, мне придется что-то делать, пока не знаю что и как.

Если Кэтрин возьмет себя в руки, она хотя бы сможет проявить совесть и навестить брата. Следующий шаг — Дениел Харт, и я не стану звонить, а поеду напрямиком к нему домой.

Глава 28

Я всегда считала себя немного пафосной, хотя это было оправдано лишь дорогим шмотьем и моим вызывающим поведением, которым не отличалась моя семья, они работали — я тратила. Нас не печатали в журналах, кроме того случая пятилетней давности, когда наш дом, после случившегося атаковали репортеры(узнала понаслышке, что это был сущий кошмар для мамы, прежде всего), только местные газеты, ничего больше. Семья Хартов была создана на пафосе. Может для убедительности тоже стоит нанять столько охраны? Уверена, эти болваны большей проблемы, чем я, здесь не видели. То есть, я говорю, что их нахождение здесь абсолютно бесполезно.

Миссис Харт несется ко мне на всех скоростях, чуть ли не сшибая себе лоб в кровь, я ухмыляюсь.

— Зачем пришла Луиза?

— Как думаете?

— Не играй со мной, девочка. — Ее ноздри раздуваются, и я с уверенностью могу сказать, что она боится. Нет, не меня, а того, что я знаю. У нее может быть и роман с моим отцом, но больше него она любит конечно же свои деньги, которых скорее всего лишится, если мистер Харт того захочет. Расчетливый человек. Раньше, когда мы с Дени оставались наедине он много рассказывал о своих родителях, я думаю это были не просто рассказы парня своей девушке, это был крик о помощи несчастного подростка. Все мы были такими, в шике, блеске, мы были несчастны, недолюблены и использованы.

— Не впустите?

— Я позвоню твоему отцу. — Женщина на взводе, я смеюсь. Дешевое кино.

— Мне нужен Дени.

— Его нет. — Она расслабляется, но все равно начеку.

— Мам, кто там? — А вот и Дениел, которого нет и, кажется, он идет сюда.

— Да, так. Вернись в дом.

— Впустите меня, иначе пожалеете.

— Соплячка, угрожает мне?

— Это предупреждение, миссис Харт.

— Пошла вон.

Черта с два.

— Мам!

Я стою на месте, и не собираюсь уходить, Шарлотта сверлит меня взглядом ненависти, а затем делает нечто странное, она бьет себя по лицу, наиграно охает и начинает плакать.

Браво! Оскар за лучшую пощечину получает Шарлотта Харт.

— Дени, сынок, эта девица меня ударила!

Дениел показывается у ворот и разглядывает меня, затем переводит взгляд к матери, и снова ко мне.

— Она врет. — Спокойно отвечаю, не дожидаясь вопроса.

— Дениел. — Шарлотта хнычет, чуть ли не подаваясь истерике. — Убери эту девушку из нашего дома. Она убийца, она сделает то же самое и с тобой, она угрожала мне! Парень смотрит на двух молчаливых охранников, те кивают ему. Что за бред? Я издаю смешок.

— Какого черта Луиза? — Дени приближается ко мне, я не отступаю ни на шаг.

— Она врет, ты же видишь.

— Сынок, я боюсь ее. Вызови полицию.

Я вспыхиваю.

— Вы боитесь того, что я расскажу всем о вашей связи с моим отцом, миссис хреновая актриса.

Глаза Дени округляются.

— Что ты несешь?

— О, мама не поделилась с сыном столь прекрасной новостью? Кажется, мы скоро станем братом и сестрой.

Он все еще сверлит меня взглядом, миссис Харт несется на меня.

— Ах, ты лживая дрянь! — Она толкает меня в грудь, я не сопротивляюсь, затем она замахивается, чтобы ударить меня по лицу, но Дениел перехватывает ее руку.

— На самом деле, я пришла к тебе. У нас с тобой есть маленький секретик, Дени, ты помнишь? — Я подавляла в себе суку так долго, что уже почти забыла какого это, теперь мне нужно перестать ненавидеть это и выпустить на волю все, что я похоронила раньше, я воскрешаю самые потаенные уголки себя, всю грязь, все безразличие, потому что это все, что во мне хотят видеть.

— Луиза, думаю нам нужно поговорить в другом месте. — Он пытается схватить мою руку, но я не позволяю.

— Ты возвращаешься к Кэтрин, иначе я упеку тебя за решетку, Дениел Харт.

— Что она мелет? Пошла вон отсюда!

— Мам! Луиза..

— Я сказала все, что хотела. Решай.

С гордо поднятой головой, я сажусь в машину, не позволяя Дени догнать меня или сказать хоть слово, уезжаю. Мне приходит сообщение на почту от отца — расписание выступлений группы «Николсон» на две недели. Этот выродок даже не посчитал нужным прислать мне его лично. Торможу у «Еллоу Бич», иду напрямиком в клуб, где у группы обычно репетиции, пропускают меня без вопросов. Голос Николаса собирает всю дрожь на свете и пускает ее по моему телу. В сочетании с Кэндис, это что-то более мелодичное и приятное, и от этого я ощущаю укол ревности в груди. Песня заканчивается, я глухо аплодирую, облокотившись на тяжелый деревянный стул.

— Тебе не обязательно приходиться на репетиции. — Рычит Николас, сильно сжимая микрофон в руке.

— Я не работаю через отца, все решаем со мной. Ясно?

Светловолосый парень спрыгивает со сцены, с улыбкой на лице, протягивает мне руку.

— Кэл, а это Джей. Джей, как Джаред, только..

— Я поняла, очень приятно, ребята. Завтра выступление, я хочу, чтобы каждая девчонка в этом зале намочила свои трусики.

Кэндис хмыкает, с отвращением глядя на меня, Ник спрыгивает со сцены и идет ко мне, я поднимаю на него взгляд.

— Каждая девчонка мочит свои трусики только при виде меня. — Он немного наклоняется, чтобы смогла слышать только я. — Но тебе ли не знать.

— Эй! — Орет Кэндис, я закусываю губу, чтобы не ухмыльнуться, эта дрянь все-таки ревнует, даже не потому что я девушка, а потому что я Луиза Хейл, которую они не видели раньше. — Я не буду с ней работать, Ник. Как хотите, я уйду. — Она бросает микрофон и уходит со сцены, я перекрываю ей путь.

— Ты будешь работать с тем, с кем я захочу, пока долг не будет закрыт. Ты будешь мыть языком мои туфли, если я тебе скажу.

— Ты просто бесишься, что мой парень, поиграл с тобой и выбросил. — Она выделяет слово «мой» будто он ее собственность, я топчу в себе бушующий гнев, возрастающий с каждой секундой. Будь спокойна, Луиза, держи лицо. Гнев еще никого не сделал лучше, он ломает людей, рушит планы.

— Меня никогда не интересовали жалкие малолетки, вы два глупых лузера, которые..

— Воу — воу, девушки. — Кэл проскакивает между нами и прерывает наш диалог, спасибо ему за это, я чуть не поддалась эмоциям и не наговорила ерунды, которая сдала бы меня с потрохами. Я все еще работаю над этим. Каждую секунду я закапываю себя изнутри, и жду, когда наступит момент полного отключения.

— Я не буду с ней работать, Коннел сбежал, его долги нас не касаются.

— Ты также далека от бизнеса, как твои волосы от шампуня, дорогая. — Говорю я. — Все документы были подписаны рукой вашего солиста. — Смотрю на Николаса.

— Это не правда. Да Ник?

Он молчит.

— Итак, вы продолжаете репетировать, а я тихонько сижу здесь, и забываю о нашем конфликте. — Натягиваю улыбку.

— Я уйду. — Выплювывает девушка, направляясь к выходу, Николас Янг хватается за руку, я делаю вид, что не замечаю, как они касаются друг друга.

— Вернись на сцену, Кэн.

Девушка немного медлит, затем неохотно поднимается к своему микрофону.

Николас щелкает пальцами и поочередно кивает каждому участнику группы, я сажусь за столик напротив сцены, закидываю ногу на ногу, демонстрируя свои оголенные лодыжки, виднеющиеся из-под укороченных брюк и новые черные «Джимми Чу».

— Ту самую? — Спрашивает Джаред, солист кивает и по залу разносится громкое брынчание электрогитары.

Разбуди, разбуди

Скажи, что ты не сон

Разбуди, разбуди

Вдыхай мое тепло

Мой пульс учащается, я знаю эту песню, Николас смотрит на меня в упор с вызовом и чувством полного превосходства надо мной, я сглатываю. Тот день, когда я вернулась сюда врывается в меня жгучим воспоминаем.

Ты возвращаешься

*Теперь ты стоишь предо мною
Ты окисляешься, в сосудах моих нет покоя
Когда ты рядом мой пульс дрожит и грохочет,
но я-то знаю, что ты этого не хочешь*

— Стоп! — Кричу я, но никто не останавливается. — Стоп, достаточно! — Я встаю и показываю рукой, чтобы они остановились, но они продолжают, кровь сворачивается в моих венах.

*Мой мир сомкнулся на тебе,
Тебя ищу глазами
Ты отражение планет
Ты яд в крови
Ты дым над облаками*

Он пел ее для меня. Все сходится. Я не знаю, что означает эта песня, но он, как и тогда поет, не сводя с меня ненавистного взгляда. Он не пытался узнать, кто я и где меня видел, как мое имя и откуда знает меня, он все знал.

*Ты смерть
Твоя душа покрыта мглой
Ты враг
Я не хочу тебя такой*

— Достаточно! — Сглатываю ком, песня заканчивается, я с трудом могу сдержать себя от побега. Давлю, давлею в себе все, что знала раньше, растаптываю собственными ногами, пронзаю сердце своим каблуком, разбрызгивая капли крови по внутренним органам.

— Нормальная песня. — Бубнит Кэл.

— Вы не будете ее петь. — Говорю я.

— Почему же? — Николас словно бросает мне вызов, я приближаюсь.

— Потому что, до тех пор, пока я ваш директор, вы не будете ее петь. Это полный отстой. — Я буквально шиплю. — Я не ваш Коннор или как его там, я с вас глаз не спущу. Заканчивайте. Мне нужно разобраться с вашим расписанием, оно никуда не годиться.

— Ты не ставишь правила. — Выплевывает Кэндис. — Все решает Ник.

— Он ваш солист, и пока есть я, решения принимаю тоже я. Репетируете завтра утром.

Ребята оставляют свои инструменты и спрыгивают со сцены, каждый из них бросает на меня косою взгляд, кроме Николаса, он вообще не смотрит в мою сторону, молча кладет микрофон и следует за остальными.

— Ну и сука. — Шипит Джаред, толкая вперед Кэндис. — Жаль ее не посадили. — Делают вид, что шепчутся, но прекрасно понимают, что я все слышу. Мне должно быть больно, горько, обидно. Я не доставлю им такого удовольствия, показывая все это. Помещение становится холодным и пустым, я провожу рукой по лицу, запуская пальцы в волосы, опускаюсь на стул, опирая голову на руки.

Через некоторое время слышу, как кто-то садится напротив, медленно поднимаю голову. Кэл. Задаю молчаливый вопрос.

— Ты хочешь разрушить нашу группу?

— Я хочу помочь.

Качает головой.

— Я знаю, что сделал Ник и, я не одобрял это с самого начала. Я понимаю, что ты

чувствуешь.

Они знали, все знали, я позволила смеяться над собой каждому.

— Не понимаешь.

— Позволь нам самим погасить долг, Ник хороший руководитель.

— Нет. Это он тебя послал?

— Он бы не сделал этого, и ты знаешь. Луиза..

— Нет. Я сказала, нет!

— Ты же не такая, какой хочешь казаться.

— Ха. Не думай, что твое лживое отношение что-то изменит. Будем реалистами, вы бы пожелали, чтобы я сдохла, нежели работала с вами, будем взаимными. Мое решение — нет.

Я уйду первой, чертovsky каблук замедляют мои шаги, когда я поднимаюсь к машине, которую по привычке оставила почти у дороги, кто-то плетется сзади меня.

— Я, кажется, все сказала, Кэл. — Нажимаю кнопку разблокировки дверей и пытаюсь развернуться, чтобы сказать этому парню пару ласковых, я не изменю свое решение. Кто-то мощный придавливает меня всей силой к машине, я пытаюсь обернуться, но большая рука в черной перчатке сжимает мое лицо, это точно не тот парень, с которым я разговаривала три минуты назад. Всеми силами пытаюсь вывернуться, топчу ногами по земле, желая задеть ноги мужчины своим каблуком, оказываюсь еще сильнее прижатой к жесткой поверхности автомобиля, хочу закричать — не выходит. Теперь я думаю о том, почему поставила машину так далеко от клуба, и почему здесь никого нет? Мои приглушенные вопли вряд ли чем-то помогут. Дыши, Луиза, дыши. Если бы он освободил мне рот, я бы спросила что ему нужно. Хочу сказать, что у меня есть деньги, но получается лишь нелепое бормотание. Немного отталкиваюсь назад, стараюсь нащупать ноги грабителя, или кем бы он ни был. Кажется, получается, резко ударяю каблуком по нащупанной мною вслепую, поверхности.

— Сука. — Шипит незнакомый голос. — Слушай меня, не лезь не в свое дело, усекла?

О чем он говорит? Голос грубый и низкий, звучит не очень естественно.

— Усекла? Кивни!

Я снова пытаюсь вырваться.

— Кивни!

Я понятия не имею о чем ты говоришь, ублюдок. Набираю в себе силы, снова бью по ноге мужчины, и высвобождаю одну руку, пытаюсь развернуться, чтобы увидеть лицо, на полуобороте что-то острое впивается мне в бок, затем я слышу крик и чувствую облегчение, когда оказываюсь свободна.

— Луиза! — Навстречу мне бежит Кэл, я смотрю вслед мужчине, который только что чуть ребра мне не сломал, вижу лишь крупную спину и мелькающую макушку за поворотом. Все болит, словно и правда мои ребра проломились вовнутрь и проткнули что-то из органов. Опираюсь рукой о машину, запыхавшийся парень пытается что-то рассмотреть на моем лице. Хочет разглядеть мой страх, уверена.

— Что он хотел?

— Я..я не знаю. Ты видел его лицо?

— Нет, я просто шел к своей тачке. Нужно позвонить в полицию. Он что-то украл?

Качаю головой, стараюсь сравнять дыхание. Немного неприятная ситуация и я действительно испугалась. Черт, как больно.

— Если это дело рук Николаса... — Шиплю я.

— Ты спятила? Луиза..

Одергиваю блузу. Ауч. Что-то мокрое и липкое касается моей руки. Я не могу сосредоточиться, сердце все еще колотится, Кэл распахнув глаза, смотрит на мою руку и на то место, где я трогала блузу, я медленно опускаю взгляд.

— У тебя кровь. О, Господи. Мать твою. Идем со мной. — Он хватает мою руку, а затем резко отпускает, я замечаю, что его пальцы дрожат, затем понимаю, что мои тоже, когда звук упавших на асфальт ключей эхом отдается в голове. — Нужно позвонить 911, нет, идем. — Он поднимает мои ключи и блокирует машину, затем хватается за предплечье, я спотыкаюсь. — Дерьмо собачье. Дай телефон, я позвоню твоим родителям.

— Нет. Только не родителям, прошу. Это просто царапина.

Он открывает заднюю дверь своей машины и помогает мне разместиться там, я боюсь что-либо испачкать кровью, потому что кажется, будто я теперь вся в ней. Кэл оборачивается ко мне, пока заводит машину, и такое ощущение, что он напуган больше меня. На самом деле, я только сейчас начинаю чувствовать боль под правым ребром, такая жгучая, мерзкая, неприятная.

— Мать твою! Я в жизни столько крови не видел.

— Ты паникуешь, как девчонка. — Я стараюсь сохранять маску полного безразличия даже к самой себе. Какая-то машина подрезает нас и несколько раз сигналит. — Не спеши, я не умру у тебя в тачке.

— Я позвоню Нику.

— Нет! Даже не смей. Если сделаешь это, я выпрыгну из машины на ходу. Никому ни слова. Понял?

Парень смотрит на меня, прищурив глаза, затем кивает и машина снова набирает скорость.

Ненавижу вид крови, кажется, я даже могу чувствовать ее запах. Закрываю глаза, дрожь опоясывает с ног до головы, перед глазами картина, которую я не хочу больше видеть ни во сне, ни наяву. Он мог упасть в бассейн и, был бы в порядке, еще чуть-чуть, буквально несколько сантиметров и его голова бы не была расшиблена как плод граната.

Глава 29

Мужчина в белом халате протягивает мне несколько листов документа, который я должна подписать, затем удерживает их в своей руке, пристально заглядывая мне в глаза.

— Я же сказала, что все в порядке, дайте ручку.

— Не смотря на то, что жизненно важные органы не были задеты, я настаиваю на госпитализации.

— Я отказываюсь.

Доктор тяжело вздыхает и отдает бумаги для подписи, затем достает из кармана ручку и передает мне.

— Здесь и здесь. — Он указывает на несколько пунктов, в которых говорится, что я добровольно покидаю клинику и, она не несет за меня никакой ответственности. — Ваш парень уехал..

— Я вызову такси. — Ставлю свои подписи в нужных местах. — И он не мой парень.

— Вам нужно отдохнуть. Никаких резких движений, иначе шов может разойтись. Постельный режим желателен.

— Хорошо, я поняла.

Закидываю сумку на плечо, выхожу в коридор, вызываю такси до «Еллоу Бич», чтобы

забрать машину и вернуться домой. Наложённый шов и повязки вызывают дичайший дискомфорт и жгучую боль, надеюсь, через несколько дней я от этого избавлюсь. Не могу не думать о случившемся, не могу выбросить из головы мысль и страх того, что это проделки Николаса. Не могу поверить, что он способен на такое, но не исключаю такого варианта.

Домой удастся проскочить незаметно, слава Богу, даже Карен не путается под ногами. Первое что делаю, это закрываю комнату на ключ и сбрасываю с себя окровавленную одежду. Ребра все еще ноют, место пореза стягивает, словно канат в морской узел. Я бы могла обратиться в полицию, но кажется слишком труслива из-за того, что копы на самом деле могут найти того, кто к этому причастен. Это не Ник, это не он — повторяю я себе.

«Не лезь не в свое дело» — сказал напавший мужчина. Но... что я сделала? Все что приходит мне в голову, это группа, в которую я влезла. Или нет? Черт. Ничего не понимаю.

Открываю расписание, которое присылал мне отец.

«Еллоу Бич», «Еллоу Бич».. снова «Еллоу бич». Серьезно? Они вообще еще где-либс выступают? Я устрою им сумасшедший график, я собираюсь подавить их гребаное высокомерие.

Прихожу я немногим раньше, чем зал наполняется полупьяными кричащими девицами, готовыми буквально в ключья разорвать Николаса Янга и его команду мужского пола, потому что они реально горячие парни, как бы я это ни игнорировала. Когда вхожу, ребята уже настраивают инструменты, проверяют микрофоны, готовясь в очередной раз довести публику до сумасшествия. Каждый из них, не стесняясь, запечатлеет на мне свой взгляд.

— Мы думали, ты не придешь. — Говорит Джаред.

— С чего бы вам так думать? — Складываю руки на груди, испепеляю взглядом каждого, по очереди, Ник отводит взгляд, каждый раз, когда я на него смотрю, словно меня не существует.

— Кэл сказал, что ты заболела. — Пожимает плечами.

— Но я здесь, и буду здесь, даже под угрозой смерти. Или ты думал иначе? — Смотрю на Николаса, ему в свою очередь плевать. Я подхожу ближе, задевая рукой стойку его микрофона. — Думал, я испугаюсь или..

— Что ты несешь? — Его взгляд полный ненависти и отвращения, наконец, встречается с моим, я лишь надеюсь, что он видит во мне то же самое.

— Луиза, можно тебя на минутку. — Кэл кладет руку мне на плечо, я не реагирую, пытаюсь найти во взгляде парня, который мне так нравился, что-то не животное, что-то, что я видела раньше, он отворачивается, затем я замечаю, как зал заполняется людьми и спускаюсь со сцены.

Когда выступление группы заканчивается, народ неустанно аплодирует и потихоньку начинает расходиться, я выдыхаю, оттого что эта на первый взгляд большая, пропитанная алкоголем комната, скоро опустеет. Николас всех возвращает обратно, девчонки буквально открыв рты, повинуются. Что за цирк?

— У меня есть песня, я исполнял ее на публике единожды, возможно кто-то из вас ее слышал, она немного странная, потому что это не то, что мы обычно поем. — Поочередно кидает взгляды на каждого участника группы, затем ехидно ухмыляется, взглянув на меня. Звук ритма моего сердца, приглушает все остальные. — Я написал ее два года назад, готовясь ко встрече с девушкой, в мои иллюзиях конечно. — Смеется, крутит пальцем у виска. — Каждый раз, выходя на сцену, я представлял себе, что сделаю это, но не имел возможности... Знаете... иллюзии, они тоже имеют свойство воплощаться в реальность. Эта

девушка сейчас находится в этом зале. — Замечаю, как многие начинают переглядываться, будто могут отыскать ответ друг в друге, я продвигаюсь ближе к сцене, чтобы заглянуть этому человеку в глаза. — Многие из вас знают ее, но это не важно. — Кто-то проходит мимо, чтобы также быть ближе к сцене, когда люди начинают толкаться, ловлю на себе взгляд Кэла, отвожу глаза, снова смотрю на Николаса, жду, какой еще бред выльется из его рта. — Ты слышала ее дважды, но я хочу, чтобы ты поняла... — Он замолкает. — Я был идиотом, который писал тебе песни, но ты даже ни одной не услышала. — Усмехается, все внутри меня дрожит от волнения, люди перешептываются и звук их голосов давит на мое сознание, смотрю на Кэндис, она так же недовольна ситуацией, как и я. Но ее можно понять, потому что мы трое точно знаем, о ком говорит ее парень. Он писал для меня песни? Я даже не помнила его лица. Должна ли я оправдать его и ненавидеть себя? Нет. Он сделал свой выбор, я сделала свой, поэтому я рою в себе могилу, чтобы поместить туда весь скопившийся гнев, громко выдыхаю, и пытаюсь успокоиться. По залу разливается знакомая музыка, Кэл не сводит с меня взгляда, Николас делает вид, что меня вообще здесь нет, толпа снова взрывается воплями.

..Ты смерть

Твоя душа покрыта мглой

Ты враг

Я не хочу тебя такой

Вот оно. Такой он меня видит. То, что он думает, не зная абсолютно ничего. Я собираюсь разбить тебя вдребезги Николас Янг, за то, что ты даже не пытался меня услышать.

— Это для тебя, не так ли? — Кэтрин. Я даже не оборачиваюсь, люди постепенно начинают расходиться, кто-то идет к бару, я наблюдаю за сценой, пока группа собирает свои инструменты.

— Что ты здесь делаешь?

— Хочу поблагодарить за Дени. Что ты ему сказала? — Ее голос звучит, так же стервозно и надменно, как прежде, ничего нет от той разбитой, рыдающей Кэтрин, которую я недавно видела, значит Дениел все-таки вернулся. Хорошо. Эти двое друг друга стоят.

— Какая разница? У тебя свои методы, у меня свои. — На самом деле я воспользовалась тем же, чем и она, но ей знать об этом не обязательно.

— Да ты еще хуже, чем раньше. — Посмеивается. — Команда? — Обходит меня вокруг, протягивает руку, я приторно фыркаю, не собираясь отвечать на рукопожатие.

— Нет никаких команд, я одна.

— Почему ты помогла мне?

— Не тебе. Гарри, навести его, не будь свиньей.

Фыркает, сверлит меня взглядом некоторое время, я даже не смотрю в ее сторону.

— Не думай, что ты снова главная.

Нет никаких главных, идиотка, и никогда не было, каждый сам за себя в этой жизни, и твоя меня интересуется в последнюю очередь.

Кэтрин исчезает, как и мое терпение, иду к сцене, кто-то дважды задевает меня локтем в то место, где наложен шов, который может разойтись, но мне почему-то плевать.

— Нужно поговорить. Все вместе.

— Говори. — Шипит Кэндис.

— Слишком шумно.

— Можем воспользоваться служебкой. — Влезает Кэл.

— Отлично.

По узкому коридору с желто-зеленой мрачной подсветкой мы направляемся в так называемую служебку «Еллоу Бич», Кэл идет первым, я следую за ним и остальные в полном молчании за мной, я буквально уже слышу их недовольства. По собственной дурости касаюсь места ранения, одергивая вниз задрвшуюся рубашку, издаю легкий шипящий звук, парень впереди меня оборачивается.

— Ты в порядке?

— Иди.

Не нужно мне здесь глупых вопросов, особенно не касающихся его.

Помещение грязное и сырое, повсюду на стульях разбросаны какие-то вещи, пустые банки от колы, служат вместо пепельниц, запах табачного дыма, кажется, отсюда уже не убрать.

Я становлюсь спиной к большому зеркалу, ребята выстраиваются в линию у двери, все как один складывают руки у себя на груди, кроме Кэла, который изредка исподлобья поглядывает на меня. Я не медлю.

— Я отменила все выступления в «Еллоу Бич» на будущую неделю, хочу, чтобы вы знали заранее.

— Что ты сделала? — Кэндис крайне недовольна, но это то, чего стоило ожидать, ноздри Николаса раздуваются при взгляде на меня, но он молчит, позволяя своей девушке приблизиться ко мне почти вплотную. — Выступления в этом клубе — наш хлеб, нас здесь любят.

— Ты даже не дослушала. — Обхожу девушку стороной, задевая плечом, та в ответ толкает меня, я немного пошатываюсь, задевая рядом стоящий стул, но не падаю, Кэл делает шаг вперед, но я показываю ему взглядом, чтобы вернулся на место.

— Это ты не дослушала!

— Кэндис. — Рычит Ник, вижу, как желваки играют на его лице, замечаю, как часто он избегает встречи взгляда с моим.

— Ник, ты, что не видишь? Она пришла в нашу группу, чтобы ее разрушить! Ты! — Тычет в меня пальцем. — Хочешь отомстить Нику за то, что он поиграл с тобой?

Игнорируй ее, Луиза, игнорируй. Я должна засунуть, куда подальше весь свой гнев, свое отчаяние, жжение в груди. Я должна быть сильнее, чем она, чем они все.

— Она права, чувак. — Джаред вступает в разговор, выходя вперед. — Что это еще за долг, откуда он? Может она со своим папочкой все это придумали. Давай скажи, чего молчишь?

— Наш Лондонский тур. — Говорит Ник. — Я соврал, что компания все оплатила, все было за счет Коннела и наш гонорар тоже. Само собой это были не его бабки.

— Какого черта? Почему ты не сказал?

— Я не мог, ясно?

— Ник.

— Достаточно. Выйдите все отсюда. Кроме тебя. — Кивает в мою сторону. — Сейчас. Кэн, пожалуйста. — Его голос смягчается при обращении к ней, снежная королева оттаивает и выходит за дверь, Джаред следует за ней, Кэл смотрит на меня так, словно готов протянуть руку помощи во всем этом дерьме, но я не верю больше никому.

— Ты не умеешь слушать, я это уже поняла.

— Что ты задумала? — Измеряет комнату шагами, запуская пальцы в волосы, я смотрю в упор. Интересно, как долго он планирует избегать моего взгляда?

— Ничего. — Отвечаю спокойно, что злит его еще больше. — Тебе нужно научиться терпению.

Николас резко разворачивается на пятках, скрепя ботинками о кафельный пол, он несетя ко мне, впечатывая меня в зеркало позади, я сильно закусываю губу от боли.

— Какие дела у тебя с Кэлвином? — Его глаза шарят по моему лицу, я сдерживаю в себе все как могу, внутри и снаружи.

— С Кэлом? — Фыркаю, пытаюсь высвободиться, иначе ни к чему хорошему это не приведет. Несмотря на свою внутреннюю дрожь, я также думаю о том, чтобы мои гребаные бинты не пропитались кровью.

— Если ты втянешь его во что-то, я..

Меня злит его тон, его взгляд, его близость.

— То что? Что ты сделаешь? — Моя единственная защита, это вызов.

— Ходишь, вынюхиваешь, как лиса..

Я все еще пытаюсь выбраться из тесноты, но оказываюсь еще сильнее прижатой, словно он делает это намеренно, будто знает, что мне больно.

— Отпусти меня.

В третий раз, я не выдерживаю и сильно зажмуриваю глаза, это чувствуется намного больнее, чем когда я получила тот удар ножом или что бы это ни было. От неожиданности мои колени подкашиваются, пальцы начинают дрожать. Просто дыши, Луиза. Он ничего не должен понять. Даже малейшая капля моей слабости заставит его играть мною дальше.

Его руки касаются моей талии, я тихо медленно выдыхаю, затем открываю глаза, Николас блуждает в них словно в потемках, безостановочно ища что-то, я ловлю себя на мысли, что хочу разрыдаться прямо здесь и сейчас, но я не могу себе такого позволить. Все это вранье. Я набираю полную грудь воздуха и отталкиваю от себя парня, он остается на месте и его руки замирают в том же положении, в котором они держали мою талию, затем одна из них опускается и Николас разворачивается ко мне. Я сглатываю, медленно опускаю взгляд к своей черной рубашке, которая сделала кровь почти незаметной.

— Что это? — Его рука алого цвета, совсем как вчера моя одежда и мои собственные руки. Ненавижу это. Этот цвет. Его руку. Свою слабость.

— Ничего. — Пытаюсь быстро уйти, но парень захлопывает перед моим носом только что открывшуюся дверь, медленно разворачивает меня лицом к себе, я почему-то больше не могу сопротивляться, хотя должна. Моя ненависть, гордость, боль, расчетливость — все куда-то испаряется, я ненавижу это тоже.

Он осторожно поднимает край моей рубашки, все выше и выше, я замираю, почти не дышу. Его рука тянется к окровавленной повязке, а затем он резко отстраняется

— Я думаю... — Сглатывает, проверяет карманы джинсов. — Черт. Телефон забыл. Нужно позвонить 911.

— Это не имеет значения. Нужно просто сменить повязку. — Я прихожу в себя, дергаю ручку двери, чтобы уйти, но снова оказываюсь на своем месте.

— Не думаю, что это... должно так выглядеть. Что произошло?

— Ничего.

— Луиза.

— Саманта. — Поправляю его.

— Да кем ты ни была. Дай мне телефон.

— Будто ты не знаешь, да? — Я все еще боюсь, и я все еще допускаю его причастность к этому. В глубине души молюсь, чтобы это было не так.

— Что? — Хмурится. — Ты думаешь? Дерьмо собачье, ты такая дура. Я могу сделать все что угодно, но только не это. Дай мне телефон.

— Отпусти меня.

Его взгляд говорит «нет», я чувствую, что меня буквально режет изнутри, я должна уйти отсюда раньше, чем я затоплю все своей кровью или еще тому хуже, сделаю что-нибудь глупое.

Кто-то толкает дверь с обратной стороны, я вздрагиваю.

— Эй, ребята, все нормально? — Кэл.

— Кэлвин, мать твою, дай мне гребаный телефон. — Он открывает дверь и запускает парня внутрь. — Вызывай скорую, пока эта сумасшедшая не истекла кровью.

Глаза Кэла округляются, словно он видит ту же самую картину, которую видел вчера.

— Я в порядке. Мне не нужны няньки.

— Какого черта, Ник? — Толкает его в грудь, парень немного пошатывается, но затем возвращается в свою привычную позицию айсберга.

— Откуда я мог знать?!

— Тебе больно? — Спрашивает Кэлвин.

— Я в порядке. Просто нужно сменить повязку.

Пока парень набирает номер службы спасения на своем телефоне, Николас хмурясь наблюдает за нами обоими, и я почти уверена, что он понятия не имеет о том что случилось, он словно сам хочет знать, почему Кэл даже не был удивлен увиденному, его больше разозлило это, нежели удивило.

— Вы даже не дослушали, почему я отменила выступления в клубе. Мы едем в Миннесоту, в детский лагерь.

Глава 30

— Начнем с того, что повязки нужно менять каждый день, как минимум.

— Я знаю.

Девушка накладывает тонкий слой мази на тампон и прикладывает к месту, откуда недавно сочилась кровь, я зажмуриваюсь, ребята из группы стоят напротив и наблюдают как за цирковым представлением.

— Как это произошло? Вам стоило остаться в больнице на пару дней.

— Напоролась на что-то в темноте... — Какая глупость.

— На нее напали вчера вечером. — Кэлвин тут как тут, сверлю его взглядом, Николас сложив руки у себя на груди не прекращает хмурить лоб.

— Полиция? — Девушка крайне любопытна.

— Ваше дело залепить мне это дерьмо.

— Не будь сукой, Луиза. — Шипит Кэл. Вот только его высказываний мне не хватало.

— Будьте внимательны следующий раз. — Она осторожно заклеивает повязку пластырем и опускает мою рубашку. — Лучше Вам провести несколько дней в постели.

— Спасибо. — Я полностью игнорирую ее нравоучения, когда она уходит, я встаю со стула и сталкиваюсь со взглядами недовольства, осуждения, безразличия и задумчивости.

— Что? — Выпрямляю спину.

— Стоило остаться в больнице.

— Не твое дело, Кэлвин. Поговорим о нашей поездке. Итак..

— Ты даже не обратилась в полицию.

— О, прекрати уже! — Орет Кэндис. — Ты не курица, а она... — Тычет в меня пальцем. — Не твое яйцо.

— Она думает, это сделал я.

Все взгляды, включая мой переключаются на Николаса, который все так же задумчив и выглядит немного уставшим, хотя я не уверена, что он перетрутился.

— Разве не ты причастен ко всему дерьму, которое со мной происходило за последние недели?

— Я не делал этого. Никогда бы не сделал.

Фыркаю. В это время внутри все сжимается, и клянусь, что верю ему, а в следующую секунду снова не верю.

— Что насчет Миннесоты? — Мысленно благодарю Кэндис за то, что перевела тему.

— Мы выезжаем послезавтра, можете поковать чемоданы. — Кидаю на каждого самоуверенный взгляд и жду каких либо недовольств. Ничего.

Я нашла эту благотворительную программу на сайте рекламного агентства, когда я написала, организаторы почти сразу откликнулись. Мы проведем неделю в огромном лесу на берегу реки с кучей детворы, и никто из группы еще не знает, что работать они будут за еду, жилье и дорогу туда-обратно.

Перед отъездом я попросила отца, чтобы сообщал мне о каждом продвижении по делу Гарри, я хочу быть уверена, что все не станет еще хуже во время моего отсутствия. Если кто-то и должен пострадать то это Николас, он должен ответить за все, хотя я еще не набралась смелости сдать его полиции. Так сложно противостоять кому-то, но еще сложнее противостоять самой себе.

Мы были в пути почти сутки, организаторы согласились оплатить лишь поездку на автобусе, ни о каком самолете речи даже быть не могло, учитывая то, что это благотворительная поездка. Николас и Кэндис расположились на местах прямо передо мной, я видела, как она спала на его плече, как он гладил ее пышные цветные волосы. Кэлвин, который уселся рядом то и дело пялился на меня, я не смотрела, но краем глаза замечала, будто он хочет что-то спросить или сказать, я просто не обращала на это внимание. Из автобуса мы пересели в фургон, рассчитанный на десять человек, никто друг с другом почти не разговаривал, со мной уж точно. В полдень мы уже были в лагере, у ворот нас встретил крепкий парень лет двадцати пяти на вид и пожилая маленькая женщина, улыбающаяся нам во весь рот.

— Добро пожаловать в «Саншайн Кэмп», Вы должно быть Луиза?

— Да, мэ. Это Джаред, Кэлвин, Кэндис и Николас.

— О, я так рада, что вы приехали, меня зовут Дестини. — Пожимает каждому руку. — Идемте, я покажу вам ваш домик. Дети обрадуется вашему приезду.

— Мы тоже рады быть здесь. — Говорю я. — Правда ребята? — Пытаюсь быть дружелюбной, но наша компания не выглядит такой, все молчат, как бараны, следуя за женщиной. Я никогда не была в лагере, это место похоже на маленькую деревушку, огороженную синим забором, теплое дуновение ветерка, доносит запах реки, я чувствую

себя более уязвимой среди тишины, нарушенной лишь мелодичным чириканьем птиц и шелестом наших ног. Это абсолютно иное место, даже наш маленький город не похож на то, что я вижу здесь. Я чувствую, что могу дышать. Я могу гулять по улице, зная что никто не обзовет меня, не оскорбит и не подставит подножку, никто не поцарапает мою машину, никто не посмеется надо мной.

Возвращаюсь в реальность, когда Кэлвин слегка толкает меня дважды локтем. Я будто на несколько минут выпала из этого мира. Дестини показывает нам дом, в котором мы все впятером будем жить. Это небольшое, по моим меркам строение из красного кирпича не способно приютить нас всех.

— Здесь четыре комнаты. Вас пятеро, но я думаю, девушки смогут жить в одной комнате.

Натянуто улыбаюсь. Черта с два я буду жить с Кэндис Девелпорт. Существование под одной крышей с ними уже заводит меня в ступор.

В маленькой гостиной стоит диванчик и два кресла, небольшой письменный стол, шторы цвета шоколадной глазури, в тон коврику на полу.

— Можете располагаться, я вижу вы устали с дороги. Луиза, чуть позже я принесу расписание вечерних мероприятий.

— Спасибо.

— Мэм, что насчет гонорара? — Гребаный Джаред.

Дестини меняется в лице, но я спешу ее приободрить и сгладить нелепость ситуации.

— Джей так шутит. Как всегда, и никто не смеется. — Смотрю на него, выражая взглядом угрозу. Женщина невнятно хихикает.

— Располагайтесь, я загляну позже.

— Какого черта? — Шипит Кэндис, бросая на пол свою дорожную сумку. — Что значит, шутка?

Ехидно улыбаюсь.

— Ох, я разве не сказала? Это благотворительная поездка.

Все затаив дыхание смотрят на меня, видимо ждут, когда я рассмеюсь и скажу, что пошутила. Выкусите!

— Ах, ты гребаная шлюха! — Девушка бросается на меня, ядовито шипя, испепеляя своим дыханием все вокруг, Николас перехватывает ее, крепко сомкнув руки на талии, оттаскивает от меня. — Отпусти, я убью ее. Убью!

Делаю несколько шагов вокруг этих голубков.

— Мне кажется здесь один человек, которого обвиняют в убийстве. Думаешь, тебе стоит меня бояться? — Останавливаюсь напротив ее лица, Николас смотрит на меня, словно дохлую кошку сожрал. — Бу! — Громко смеюсь, когда Кэндис снова пытается на меня наброситься. — Не трать энергию, птичка. — Хватаю свою сумку и открываю первую попавшуюся дверь.

— Я помогу. — Кэл несется за мной, выхватывая сумку из рук, я не успеваю ничего сказать.

В комнате светло и пахнет хвоей. Одна кровать, один шкаф, небольшой ковер на полу, прозрачные шторы, развивающиеся на ветру. Я чувствую себя здесь лучше, чем дома.

Кэлвин проходит вперед и ставит мою сумку у шкафа.

— Собираешься меня отчитывать?

— Нет. Я догадывался.

— Думаешь, я поступила плохо? Как сука? Так делают шлюхи?

— Луиза.

— Вы ненавидите меня, я на вас плевать хотела. Все решили, можешь идти.

— Я не ненавижу тебя.

Глазеет, будто говорит правду. Очередная ловушка? Даже если нет, к черту все.

— Мне плевать. Иди к себе в комнату, Кэлвин.

— Я просто хотел помочь.

Выдыхаю.

— Оставь меня.

Ты не можешь мне помочь. Кэл смотрит на меня в упор какое-то время, я молча заставляю его уйти, он медленно несколько раз кивает и покидает комнату. Ты сама себя в это втянула, Луиза, назад пути нет. Мне придется целую неделю провести под одной крышей с этими ребятами, ни на секунду не расслабляться, даже во сне быть начеку.

Сажусь на кровать, опускаю голову на колени. Здесь четыре комнаты, нас пятеро, очевидно, Кэндис и Николас поселятся вместе. Хочу придушить их обоих. Я была слишком глупа, наивна, даже не смотря на кучу подозрений, я позволила им смеяться за своей спиной. Этого не произойдет больше. Никогда.

Глава 31

Принятие ванны не уменьшило масштаба моей растерянности, я чувствую себя правильно и неправильно в один и тот же момент, словно моя жизнь закончилась в далеком две тысячи двенадцатом и я все еще не понимаю, кем должна быть, а кем быть не следует. Не достаточно иметь много денег, чтобы создать хорошую жизнь, чтобы чувствовать себя хорошо, полноценно окунуться в суету возможностей и быть кем-то важным, не просто занимать хорошую должность, а играть важную роль в жизни других таких же, как ты. Все звучит правильно в моей голове, но не в моем сердце, которое, как некоторые любили говорить, у меня отсутствует.

Мне понадобилось не больше минуты, чтобы сбросить с себя полотенце, надеть свой шелковый, недавно купленный халат и открыть дверь одному из идиотов, решившему вдруг поговорить со мной.

— Чего тебе? — Складываю руки на груди, становлюсь той, кем должна быть, той которую он во мне видит.

— Поговорить. — Проталкивает меня вперед, закрывая за собой дверь, нагло проходит в комнату, пахнет от него свежестью, волосы влажные после душа, как и у меня.

— Твоя девушка не против? — Не должна я это спрашивать. Не должна. Выглядит так, словно я ревную, и судя по его взгляду, он тоже это понимает.

— Я представляю интересы группы, Кэндис могла бы это сделать, но боюсь, она бы просто надрала тебе задницу.

Издаю легкий смешок, наблюдаю за каждым движением Николаса. Он направляется к кровати, из кучи вещей, которые я вывалила туда из чемодана, он берет флакон цветочного масла и легким движением руки снимает колпачок, подносит к носу, вдыхает аромат, меня начинает это раздражать.

— Говори. — Быстро подхожу и выхватываю флакон у него из рук. Ухмыляется.

— Я хочу знать, каким образом бесплатные гастроли помогут погасить долг.

— Пока я работаю с вами — долг автоматически погашается.

— Твоя прихоть?

Лениво пожимаю плечами.

— Как долго ты намерена... — Прочищает горло. — Терроризировать нас?

— Как только решу, что достаточно.

— Достаточно для чего?

— Просто представь, что я так развлекаюсь. Скучно мне.

— О'кей. — Смеется. Снова рассказывает по комнате, все разглядывая вокруг, хотя особо то нечего.

— Что-то еще?

Резко разворачивается на пятках.

— Кэлвин сказал, что на тебя напал какой-то мужик, ты его знаешь?

Они с Кэлвином разговаривали обо мне? Или они все разговаривали обо мне?

— А ты? — Хочу уличить его или все же хочу доказать себе его непричастность?

Николас делает два шага вперед, приближаясь ко мне, я отступаю на шаг, он замирает, понимая очевидное — я не хочу, чтобы он приближался. Дистанция в нашем случае лучшее, что может быть.

— Я не хочу, чтобы ты впутывала меня в то, к чему я не имею отношения. Обо всем, что я делал, ты уже знаешь.

Воспоминания иголками терзают внутреннюю часть меня, ту часть, которая все еще бессильна, я сжимаю руку в кулак. Этот разговор заведет нас обоих в тупик, я не хочу его продолжать, поэтому просто отдаю Николасу распечатку с расписанием их выступлений на всю неделю.

— У вас восемь выступлений, в младших группах вы не поете.

— Я не нападаю на людей, Саманта. Я не убийца... В отличие от тебя.

— Что ты сказал?

— То, что ты и сама прекрасно знаешь.

Что-то глубоко внутри меня ненавидит его, но что-то еще большее во мне ненавидит эту ненависть..

— Чего ты добиваешься?

— Джексон был не просто моим другом, он был отличным парнем. Знаешь, его родители могли бы разорвать тебя на куски, но они не такие мерзавцы, как я. — Посмеивается. Гнев порождает гнев. Я не могу этому поддаться, иначе медленно сторю изнутри.

— Пошел вон.

— Тебе всего лишь нужно было принять наказание, но ты просто откупились. От убийства нельзя откупиться.

Я пять лет провела в закрытой психушке, которую почему-то называют реабилитационным центром. Я видела больше, чем многие другие семнадцатилетние девочки, около трех месяцев я просто сходила с ума, заставляя себя думать, что все это один и тот же день. Напичканная транквилизаторами я внушала себе один и тот же момент, приходящий в голову, пока сама в него не поверила. Мне понадобилось много времени и сил, чтобы заставить себя стать человеком, а не овощем в огороде, который все время «подкармливают». У меня не было друзей, я почти не видела родителей, они думали, что я сумасшедшая. Пару раз в неделю мне давали мой мобильник, чтобы я могла позвонить кому-то... Я пыталась... Никто не хотел говорить со мной. У меня был дневник, в который я

записывала всякий бред, несколько календарей, в которых я зачеркивала каждый день своего пребывания в дерьме. Я не выбросила тот дневник, не сожгла вместе с вещами, я оставила его как напоминание о худшем в моей жизни. Мне кажется, что чем больше я что-то хочу забыть, тем больше вспоминаю об этом.

— Если бы на его месте была ты, никто бы не расстроился. Понять не могу, как ты живешь с этим.

— Заткнись.

— Но тебе ведь плевать... Корчишь из себя большого босса, ты же никто без денег своего отца... Ноль. Пустое место.

— Прочь. Пошел вон. — Сильно толкаю обеими руками в грудь, снова и снова, Николас даже не сопротивляется. — Убирайся! — Выталкиваю его за дверь, Джаред и Кэл выбегают из своих комнат. — Чего уставились? Валите отсюда! — Захлопываю дверь, опускаюсь на пол, тяжело дышу, заставляю себя подняться, но приказы не работают. Нужно немного времени. Пять минут. Может десять. Просто немного времени, чтобы заставить ком в горле уйти, унять жжение в груди, избавиться от чувства беспомощности, встать, накрасить идиотское лицо, уложить волосы и одеться, продолжить «корчить большого босса».. Просто немного времени.

Слышу шаги за дверью, дурацкие разговоры о том, почему тут нет WI-FI, Кэндис называет Джареда придурком и говорит, что здесь даже связь нормально не ловит. Шаги утихают, голоса тоже, хлопает входная дверь, я позволяю себе опустить голову на колени и тихо расплакаться. Только одну минуту. Только одну.

Кто-то толкает дверь моей комнаты, я быстро вытираю лицо и поднимаюсь с пола.

— Мы все обсудили, пошел к черту.

— Это я. — Кэлвин, мать его.

— Тебя это тоже касается.

— Дверь не заперта, так что я вхожу.

— Кэлвин!

Но ему плевать, уставился как баран, одной рукой потирает мочку своего уха, другой тянется к моему лицу, я хлопаю по ней ладонью и отхожу.

— Ты плакала?

— Еще чего.

— Что произошло между тобой и Ником?

— Ничего, что бы тебя касалось. — Подхожу к зеркалу, нужно немедленно избавиться от красноты лица.

— Я знаю, что тебе тяжело..

Бросаю на него быстрый взгляд, фыркаю. Завязываю влажные волосы в хвост и протираю лицо тоником. Мне нужен воздух, эти люди пьют мою энергию.

— Выйди, мне нужно переодеться.

— Хочу, чтобы ты знала, я не твой враг. — Делая несколько шагов назад, он таки выходит за дверь, я делаю сучающее лицо и возвращаюсь к приведению себя в порядок. Внутри все еще душит, словно и не проходило никогда, будто сигнал о том, что пора привыкнуть к этому. Я не собираюсь.

Натянув топ и короткие шорты, я пошла прочь из домика, и снова столкнулась с Кэлом, который как бы незаметно оценил меня взглядом. Он что-то пробормотал, но я не расслышала из-за музыки в ушах, пришлось вытащить один наушник.

— Что?

Улыбается.

— Придешь нас послушать?

Какой абсурд.

— Я достаточно наслушалась вас, Кэл.

— Выглядишь так, словно на пробежку собралась.

— Выглядишь так, словно достал меня.

Вижу, как выражение его лица меняется. Я обидела его? Какая к черту разница? Я даже не должна об этом думать, вообще о ком либо. Мне плевать.

Из дневника Луизы

92 день

Я проснулась, это уже хорошо, наверное, должно быть... Сегодня день, когда выдают телефон, я обвожу их красным, все дни, которые хоть как либо отличаются от других.

Я позвонила Лиззи. Ничего. И никаких звонков от остальных.

Глупо считать дни, когда понятия не имеешь, сколько еще времени до конца отсчета? Они думают, я сумасшедшая. Я не доказываю обратное, иначе мне назначат еще больше лекарств. Снова хочу спать. Вчера вечером мы смотрели телевизор, совместно, как обычно, женщина по имени Валентина шепнула мне, что я должна вести себя тихо и принимать лекарства. Я хочу закричать о том, что я не сумасшедшая, но тогда меня примут за еще более чокнутую. Немного соскучилась по солнцу. Доктор Таккер обещала, что я смогу выйти погулять уже на следующей неделе. Это через четыре дня, двенадцать часов и двадцать восемь минут, если часы на телефоне не врут.

Чувствую запах крови на своих пальцах. Это нормально? Я ведь не касалась крови. Скучаю по Дени. Вчера вызывали на допрос, я в сотый раз во всем призналась. Доктор Таккер говорит, что нельзя врать, но сама врет, обещая отменить некоторые лекарства, от которых постоянно хочется пить. На завтрак брокколи с омлетом, я говорила, что не люблю брокколи. Тяжело когда не слушают. Хочу домой. Кажется, кто-то идет.

Глава 32

НИКОЛАС

Сделать ей больно, это вообще возможно? Каждый день я думаю о том, что все недостаточно. Никогда не будет. Джексон не вернется. Эта девчонка никогда не будет нормальной. Мой порок. С самого первого дня, как я взял в руки гитару, я знал, для кого буду петь. Я всегда пою для нее. И ненавижу эти песни, потому что ненавижу ее. Джек называл меня тупицей, каждый раз, когда я произносил ее имя. Мне, блять, было двенадцать, я знал, что она старше. Затем пятнадцать. В моем классе уже все обсуждали девчонок, а я записывал в тетрадь фразы, складывающиеся в строки новых песен. Придурки постарше обсуждали ее сиськи и ноги, я много писал о ее глазах и волосах, часто наблюдал, как на школьной парковке ветер раздувал их в разные стороны, она выглядела забавно, а затем появлялся он. Дениел Харт. Я просто хотел сказать ей, что она заслуживала больше, чем разговоры о сиськах. Я считал ее замечательной. Я был реально тупицей. Джексон, бро, прости меня. Это моя вина, потому что я ошибся. Дьявол в лице Луизы Хейл, не может быть замечательным.

Я открыл глаза через какое-то время. Словно очнулся после долгого сна. Во мне все еще

была скорбь по Джеку, но больше всего было злости, на себя и на нее. Тогда я все еще любил ее, но это перестало быть чем-то приятным, интересным, чем-то по-детски забавным. Это стало чем-то большим, чем-то больным, жестоким, чем-то наркотическим, ненавистным.

Она не замечала никого вокруг себя, особенно тех, кто младше. Она ослепляла всех, словно Сирена и заставляла любить себя, одним лишь быстрым взглядом, заставляла слушать. Она издевалась над теми, кто слабее, насмехалась надо всеми, кого не считала равным себе. Она убила моего друга. Единственного, кто пытался доказать мне и открыть всю сущность этой дешевки в дорогих шмотках. Она убила часть меня.

Кэндис та, кто поддерживает, если я делаю какое-то дерьмо она говорит «Эй, чувак, полегче», если ей нравится это дерьмо, она говорит «Я с тобой». Я люблю ее за это.

Моя миссия «Луиза Хейл» жила во мне несколько лет и казалась абсолютным бредом, потому что я знал, что она не взглянет на меня, все будет так, как было в школе. Но я ждал ее и, она сама дала мне команду «старт», она купилась на все то, на что ведется каждая. Ну и конечно я старался не быть мудаком, чтобы не оттолкнуть. Хотя ей нравился Дениел Харт... В общем, весьма, спорный вопрос. Мой провал лишь в том, что я должен был продержаться дольше, месяц, может два, но я больше не мог ее терпеть. Заключением стало то, что я ее трахнул. Первый секс, это должно быть значимо. Я надеюсь. Это должно было стать концом, но я настолько погряз в иллюзиях, планах, мыслях, что чувствую, будто не могу остановиться. Парадокс в том, что с каждой болью, я хочу причинить ей новую, чтобы испытать ее на себе, и я все еще не могу избавиться от ее запаха, от ее лица, когда закрываю глаза. И хочу, чтобы ее боль принадлежала только мне. Я не говорю о физической боли, я хочу подавить эту сучку изнутри, сжать как томат в руке, чтобы она кровоточила со всех сторон. Это мое личное безумие.

ЛУИЗА

Прошло три дня после того, как на меня напали, и я думаю, что моя рана не такая уж и привередливая. Врачи всегда все преувеличивают. Не делать резких движений, не шевелиться, не дышать... Я не калека. Небольшая пробежка не мешает, хочу растрясти кости и разгрузить мозг.

Кажется, я погорячилась, мне пришлось остановиться, когда я услышала в наушниках сигнал, означающий разряд батареи. Все тридцать восемь песен в моем плеере были прослушаны, я даже не заметила, как устала, словно нарочно себя загоняла в состояние беспамятства. Пора возвращаться. Немного отдышавшись, сначала медленным шагом иду обратно, приводя дыхание и мысли в порядок, затем снова бегу, иначе голова начинает кипеть. Гнев делает меня слабой. Жаль, что нельзя включить музыку, заряд батареи на исходе.

Останавливаюсь на развилке двух тропинок, оглядываюсь по сторонам. Эта? Или эта? Они одинаковые. Я думала, что все время направлялась по одной дороге. Бежала я около двух часов, теоретически... О, мой Бог. Я могу быть в десяти, а то и больше километрах от лагеря.

Без паники, Луиза. Мне понадобится примерно столько же времени, чтобы вернуться обратно. Это легко. Осталось лишь выбрать по какой из тропинок, я это сделаю.

Бегу по той, которая выглядела наиболее ровнее, логика ни к черту, но кажется, я никуда не сворачивала. Спустя полчаса останавливаюсь, еще две развилки. Дышать тяжело, я никогда не бегала так много. Геолокация не работает. Ни одного указателя. Возвращаюсь обратно к развилке, выбираю другой путь, еще через час я полностью выдыхаюсь. Открываю

телефонную книгу, один процент зарядки, отлично. Сеть ловит только в определенных местах, но даже от нее мне никакого толка. Звонить Николасу? Никогда в жизни. Насекомые достали, и они наименьшая моя проблема. Еще через какое-то время, я начинаю разговаривать с птицами, ноги устают, осы сменяются комарами, надеюсь только на то, что на меня не нападет дикое животное.

Еще час, я все еще не вышла, хотя была уверена в том, что иду в правильном направлении. Может все-таки та дорога была верной? Смотрю на телефон, уже достаточно поздно и скоро совсем стемнеет, набираю 911.

— Служба спасения, что у вас произошло?

— Я... заблудилась.

— Что? Говорите громче..

Три обрывистых гудка. Сбой сети. Еще один сигнал. Телефон разряжен.

— Черт! Ээй! Кто-нибудь!

Дорога бесконечная. Я больше не могу идти. Что если вернуться обратно к развилке? А что если мне осталось совсем чуть-чуть? Иду дальше. Никаких признаков лагеря.

— Ээй! Кто-нибудь! Я здесь.

А если нельзя кричать? Вдруг здесь животные и они нападут на меня? Это худший исход, быть съеденной кем-то. Слышала здесь водятся олени и даже черные медведи. Брр. Становится прохладно и, комары кусают, поблизости, должно быть, река, значит и лагерь не далеко. Иду дальше.

Не знаю, сколько времени уже прошло, два, три часа, может больше. Я выбилась из сил и ни черта не вижу. Нащупываю рукой широкий ствол дерева, опираясь на него, сажусь на траву, обнимая себя руками. Понятия не имею, куда идти, особенно в полной темноте. Телефон отключен, я не дома, никто не станет меня искать, это просто детский лагерь. Стараюсь не поддаваться панике, но уже через несколько минут шорох в кустах и мысль о том, что меня сожрет медведь, доводит до слез. Если я буду прислушиваться ко всему, можно сойти с ума.

Удивительно, но я уснула, должно быть не крепко, потому что все еще ощущала дрожь своих пальцев. Уханье филина вырвало меня из спячки, я вздрогнула, огляделась по сторонам, все еще темно. Лучше бы спала, по крайней мере, не так страшно быть съеденной, когда ты спишь. Интересно который час, скоро ли рассвет?

Каждый шорох приводит в ужас, где-то вдалеке треснула ветка, я дрожащей рукой закрыла себе рот, чтобы не закричать, писк летучих мышей сводит с ума. Пора убираться. Куда-нибудь да приду. Может выйду к дороге, там поймаю машину, а если повезет попаду в лагерь. Кто-нибудь вообще заметил мое отсутствие? Вряд ли. А если и заметили, то наверняка сочли за удачу. Я одна не только в этом лесу, моя жизнь состоит из одной меня.

НИКОЛАС

Кэлвин разбудил меня около трех часов ночи, Кэндис спала, я осторожно убрал ее голову со своего плеча и вылез из-под одеяла. Джей притащил из кухни кофе и протянул Кэлу, тот покачал головой, продолжая расхаживать по гостиной.

— Может кто-то скажет, почему я посреди ночи здесь с вами в одних трусах?

Джаред пожимает плечами и падает в кресло.

— Она не вернулась. До сих пор.

— Кто?

— Луиза. Она пропала.

— То есть пропала? Кэлвин, пошел к черту, я хочу спать.

— Согласен. — Джаред вскидывает руку. Я немного напрягаюсь, потому что Кэл своими похождениями раздражает.

— Эй, чувак. — Хватаю его за предплечье, останавливая бессмысленные передвижения по комнате. — Остынь.

— Надень гребаные штаны, Ник, мы идем искать Луизу.

— Взгляни на часы бро. Она, должно быть, спит в своей комнате.

— Ее там нет.

Толкаю ногой дверь, нащупываю на стене выключатель, загорается свет, в комнате никого нет, постель не тронута. Ладно, она могла выйти погулять. Что у этой дуры на уме, сложно угадать.

— Я спрашивал у охраны, они видели ее днем, в то самое время, когда и я ее видел. Она не возвращалась.

— Ладно. Я сейчас пойду к охране и все узнаю.

Одеваюсь, иду к воротам, два здоровых мужика замечают меня почти сразу.

— Девчонку видели? Метр шестьдесят максимум, блондинка.

— Которая с вами приехала? Ага, горячая штучка, щеголяла здесь днем полураздетая.

Второй смеется, у меня сводит челюсть, руки сжимаются в кулаки. Это не смешно, ублюдки.

— Где она?

— А нам откуда знать? В лес побежала, потом мы ее не видели. У вас что, одна на двоих? Уже приходил тут один из твоих, нервный такой.

— Говоришь, не возвращалась?

— Может от вас сбежала, пацаны. Я был бы рад, если б вернулась, ей бы нормального мужика... — Поправляет ширинку.

— Слушай, выродок, захлопни рот, я не посмотрю что вас двое, ребята.

— Полегче, пацан.

— Собираете своих остальных, и идете искать девушку, если потребуется — подключайте полицию, она не могла просто взять и пропасть.

Она не могла исчезнуть в этом блядском лагере.

— Мы не покидаем поста, парень. Пропавшие сучки не наша забота, прости.

Я разворачиваюсь и иду обратно, хватаю мужика за ворот пиджака. Его пузо упирается в мой живот, когда я дергаю его на себя, другой рукой сжимаю его челюсть.

— Эй, убери руки, гаденыш! — Кричит второй, пытаюсь схватить меня и оттащить назад.

— Луиза. — Сжимаю его челюсть до тряски в руках. — Повтори. Лу-и-за. Повтори!

— Ник! — Кэндис. — Ник, что ты делаешь? — Ее заспанное лицо излучает недоумение, я отпускаю охранника.

— Возвращайся в дом.

— Что происходит? Ты же не собираешься идти ее искать?

— У меня есть выбор?

— Да! Вернуться ко мне в постель.

— Извини, Кэн.

Мы возвращаемся в дом, я обшариваю все полки и шкафы, нахожу два фонаря, кидаю

Джареду и Кэлу, проверяю заряд своего мобильного.

— Ты с нами или нет? — Смотрю на Кэндис, та ошарашенным взглядом проделывает во мне дыру.

— Ты шутишь?

Она не пойдет. В этом мы отличаемся, она даже позволит Луизе умереть, я нет.

— Все взяли? Идем.

— Ник! Вернись немедленно. Если... Если уйдешь, больше никогда не вернешься ко мне, понял?

Это мы еще посмотрим. Не обращаю внимания на ее нытье, прихватываю с собой теплый свитер, молча выхожу из дома.

Где же ты, идиотка? Я просто представить не могу масштабы этого леса и того, что в нем может происходить.

Разделиться было хорошей идеей и в то же время очень плохой, потому что я, черт возьми, сам теперь понятия не имею, где нахожусь. Через час мы с Кэлом и Джейм встречаемся на назначенном месте. Все кажется бессмысленным. Я понятия не имею, где ее искать. Мы снова разделяемся, еще через час я звоню 911, потому что от нас троих нет никого толку. Ее телефон отключен, я набирал номер десятков раз, просто знал, что услышу ее голос на записи автоответчика. Она ушла вчера. Могла ли уже вернуться за то время, пока мы здесь?

Снова встречаемся, уже в другом месте, Кэлвин без конца набирает номер службы спасения, я выхватываю у него телефон.

— Они сказали, что едут. Успокойся.

— Тебе насрать. Можешь возвращаться в лагерь. Я найду ее сам.

— Кэлвин, остынь, бро. Это же Хейл, наверняка какой-то очередной фокус.

Нам бы стоило поучиться у Джареда спокойствию, в любой ситуации, он остается невозмутим, спокоен, как удав.

— Может... Может она мертва. Да.

— Что ты несешь?

— Человек не может просто взять и исчезнуть, Ник! Если она попала в беду, а?

С ней на самом деле могло произойти все что угодно, я не доверяю этому месту, я не знаю, что могло случиться, но я не рассматриваю вариант смерти, нет.

— Слушайте, мы снова разделимся. Встречаемся через час. Если... кто-то из вас найдет Луизу первым... Просто отведите ее сразу в лагерь и позвоните мне.

— Я бы на твоём месте послал ее к черту, бро, пусть 911 с ней разбираются. Она убила твоего друга, чувак. Я имею ввиду, она убила человека. Эта меленькая..

— Заткнись, Джаред.

Не рассматриваю и такой вариант. Я бы послал Джейа, но от троих больше пользы, чем от двоих. И он прав, возможно судьба Луизы остаться в этом лесу или даже быть убитой, но я не верю в судьбу. На секунду гнев овладевает мной, я хочу плюнуть на все и вернуться в постель, к Кэндис, но ноги не слушаются меня. Никто из нас не сделает из этого леса и шага, пока мы не найдем Луизу Хейл. Это цель сегодняшнего дня. Даже если завтра все вернется к привычному между нами дерьму.

Глава 33

Из дневника Луизы

День 578

Сегодня мне принесли на две таблетки больше, чем обычно. Я не сопротивляюсь. Все как любит доктор Таккер. Они чувствуют, что я в порядке. Они не хотят меня выпускать. Одна розовая, две зеленых, две белых. Я не принимаю их. Лекарства должны делать меня лучше, правда? Нет. Без них я чувствую, как моя голова лишается каждого куса дерьма, которое я себе внушила, которое все мне внушают. Я не убивала Джексона Тревиса. Это лучшее, что я вспомнила за последние несколько месяцев. Она смотрела на меня так, словно знала, о чем я думаю, она знает, что я не сумасшедшая, но она хочет, чтобы я стала такой, словно слышит мои мысли: «Засунь себе в жопу эти таблетки, гнида». Я улыбнулась ей, как обычно. Она ушла.

Наши дни

Солнечные лучи проникают сквозь деревья, согревая мою кожу в некоторых местах. Меня не съели, уже хорошо. Должно быть сейчас полдень, потому что рассвело уже очень давно, кажется даже вчера, время слилось в одну единую линию, как и все мои мысли. Изнутри все еще трясет, то ли от холода, то ли от страха. Я все еще не знаю куда идти. Если вчера я хотя бы понимала, примерно, по каким дорогам могу попасть к лагерю, сегодня я вообще не знаю ничего. Ужасно хочется пить. Иду по той дороге, на которой остановилась ночью, другого выбора у меня нет.

То ли тучи заходят, то ли уже темнеет, понятия не имею сколько часов нахожусь в пути, но какая разница, если отсюда нет выхода. Я не могла зайти так далеко, это значит, что это не та дорога. Мне уже плевать, потому что я просто устала, кажется, что нет ни конца ни начала этому пути, я даже не могу сосчитать сколько часов провела в этом лесу. Это моя вина. Я сама во всем виновата. Каждый раз я пытаюсь думать иначе, обвинять кого-то другого, но кроме меня нет никого. Я позволила Николасу себя облапошить, потому что я та, кем всегда являлась, это мое наказание за прошлые годы, за все, что я говорила, за все что я делала, я позволила засунуть себя в психушку, потому что знала, что виновата. Пусть я не убивала Джексона, но моя вина там от самого начала, до конца. Если бы я послушала его... Ничего бы не произошло. Так что, да, теоретически можно сказать, что я убила его. Почему я здесь? Потому что я сама из-за своей глупости и обиды притащила всех сюда, это то, что должно было произойти. Знаете, теперь я думаю, жаль, что меня не съел черный медведь, пока я спала.

— Это то, что я заслужила, да!? Бродить по лесу пока не сдохну? Получше ничего придумать нельзя? Я имею ввиду, что это достаточно! — Смеюсь, по-идиотски, затем смех сменяется слезами, я быстро вытираю их. Никакого нахрен нытья!

Ноги уже просто не идут, я словно на пружинах, вверх-вниз, вверх-вниз, отодвигаю немного повязку, рана кровоточила, но уже засохла, все нормально, не помру. Уж точно не от этого. Мои ноги откажут быстрее или я умру от жажды.

— Неужели, вы ублюдки не заметили, что меня нет!?

Поднимаю голову к небесам. Смеюсь.

— Всем плевать, я знаю.

Капля воды приземляется мне на нос, выставляю руку вперед, мелкий дождь окропляет ее, отлично. Я официально ненавижу Миннесоту. Иду я должно быть сто метров в час, ноги заплетаются, я падаю, спотыкаясь о какую-то палку, руки скользят по намокшей земле, поднимаюсь, иду дальше. Воздух теплый, но меня ужасно колотит изнутри, я не могу даже

контролировать это. Слышу голоса, останавливаюсь. Может галлюцинации? Нет, не так скоро, Луиза. Черт, должно быть, я уже близко. Я мать вашу, пришла к лагерю! Кто-то спорит между собой, это явно мужски голоса, я иду вперед, почти спотыкаясь, плевать на уставшие ноги. О Боже мой, я почти бегу, а затем останавливаюсь.

— Ребят? — Выдыхаю. Три пары глаз встречаются с моими, я делаю шаг вперед и падаю на колени. Дождь усиливается, поэтому скорее всего никто не видит моих слез.

— Луиза. — Кто-то поднимает меня, опускаясь рядом, убирает мокрые пряди волос с моего лица, меня трясет пуще прежнего. Николас. Он натягивает на меня свой свитер, я не сопротивляюсь, рядом Келвин, пытается узнать, в порядке ли я.

— Я так рада видеть вас, придурки. — Голос почему-то охрипший. Кэлвин посмеивается, Николас осматривает мои руки и лицо, я не могу поверить, что он здесь. Они искали меня? Или просто вышли на прогулку?

— Ты ранена?

Качаю головой. Вытираю капли дождя с лица, грязной рукой. Я все еще сижу на земле рядом с Николасом, в его свитере и его руки касаются моего тела, все кажется таким бессмысленным теперь.

— Можешь идти?

Теперь даже понятия не имею. Пытаюсь подняться, Ник придерживает меня за талию, ноги подкашиваются.

— Я помогу. — Рядом оказывается Кэлвин.

— Я, конечно, ценю эту внезапную заботу, но это смешно.

— Полегче, красотка. Мы искали тебя почти сутки, веди себя уважительно, иначе останешься тут.

— Заткнись Джаред. — Рычит Ник. Я все еще не могу поверить, что они, правда, искали меня.

— Все нормально. — Говорю я.

Мы идем уже минут пять, но для меня это ничего по сравнению с тем, сколько мною уже пройдено. Кутаюсь во влажном свитере Ника, незаметно подношу длинный рукав к своему носу, вдыхаю знакомый аромат. Я могла больше никогда не почувствовать его. Глаза жжет, дождь заканчивается, я больше не могу прятать красные глаза и слезы. Снова спотыкаюсь, падаю на четвереньки, поднимаю голову, яркий свет ударяет в лицо. Выход. Мы пришли. Я начинаю смеяться и плакать одновременно, грязь попадает мне в рот, в нос, в глаза. Сильные руки поднимают меня, гладят по спине, я как маленький беззащитный грязный котенок в этих руках, хочу свернуться в комочек и пригреться на груди этого большого человека.

— Все хорошо. — Шепчет мне на ухо, осторожно поднимая с земли. Руки крепко прижимают меня, я доверяю им. У ворот лагеря замечаю большую полицейскую машину и двоих копов. — Можете забирать своих клоунов. — Выплювывает им Ник. Я чувствую тепло его тела, мои глаза постепенно закрываются, расплывчато вижу, бегущую навстречу Дестини, Кэлвин и Джаред что-то говорят ей, Ник не останавливается. Слышу голос Кэндис кажется она, как всегда чем-то недовольна. Приземляюсь на мягкую постель, не прекращаю дрожать, то ли внутри всю трясет, то ли снаружи.

— Нужно снять с тебя мокрую одежду. — Николас стягивает с меня кроссовки, затем свитер, достает из кармана моих шортов мобильник. — Он немного намок. Я наберу тебе ванну.

— Все нормально, правда. — Натягиваю на себя одеяло и отворачиваюсь лицом к стене. Я не хочу, чтобы он заботился обо мне, потому что я тупица, потерявшаяся в лесу, даже Кэндис Девелпорт сделала бы подобное для меня, это нормально для человека.

Николас уходит, затем снова возвращается.

— Ты, должно быть, хочешь есть, Кэлвин принесет еду из столовой. Я знаю, о чем ты думаешь, я делаю это не для тебя, есть масса причин, по которым я пошел за тобой.

— Потому что ты не такой, как я?

— Возможно.

Сглатываю. Так много в моей голове мыслей, и все кажется каким-то бессмысленным.

— Я бы пошла за тобой.

— Что?

— Если бы ты попал в неприятности, я бы пошла за тобой, одна, куда угодно.

Это правда. Даже не стоит обманывать саму себя. Именно по этой причине, я все еще не сдала его полиции. Я не могу.

— Я набрал тебе ванную. — Он уходит, останавливаю его уже у двери.

— Я не убивала его.

Медленно оборачивается, ловя мой взгляд.

— Это не имеет никакого значения.

Должно быть что-то, что имеет, правда ведь? Что-то, почему я снова поддаюсь ему. Значит ли это, что я уже проиграла?

— Просто, чтобы ты знал.

Я еще не видела в нем сегодня того, что видела вчера или несколько дней назад, он не смотрел на меня с угрозой или с вызовом, не смотрел на меня с ненавистью, я увидела в нем Ника, который не давал мне вешать нос, который посадил для меня васильки, который смотрел на меня, словно я что-то значу. И сегодня я видела это. Обман? Ошибка? Мои фантазии? Я не знаю. Я все еще чувствую его присутствие в комнате, но это меньше, чем его присутствие где-то глубоко внутри меня самой. И я просто заставляю себя силой вцепиться в мысли о том, что он сделал, о том, что в соседней комнате он, должно быть, обнимает Кэндис Девелпорт, и они оба смеются надо мной. Это помогает мне привести мысли в порядок, собрать все в кучу, заставляет снова топтать себя изнутри, убивая все, что я чувствовала ранее, стыдясь того, что я снова поддалась эмоциям.

— Эй, привет. — Я вздрогнула, мокрый полотенце выскользнул из рук, Кэлвин прикрыл глаза. — Извини, я..

— Все нормально, это просто голое тело. — Быстро надев нижнее белье, я обернулась в халат. — Можешь открывать глаза.

Ухмыляюсь, нелепый Кэл, ставит поднос на небольшую тумбу у двери и, как дурак пялится, я молчаливо вскидываю брови кверху.

— Эм... Я не знал, что ты любишь, здесь суп... какой-то... курица и горячий шоколад.

— Спасибо. — Улыбаюсь.

— Ну... я пошел.

— Иди.

Открывает дверь, так медленно, что хочется подбежать и дать ему пинка.

— Кэлвин?

Резко оборачивается, глаза бегают по моему лицу. Боже, как я раньше не замечала?

— Зайдешь позже, мне нужно наложить повязку? Я не уверена, что справлюсь.

— Хочешь, чтобы я помог тебе?

— Угу.

— Конечно, я найду... чуть позже.

Придурок. Это просто невозможно. Как можно быть таким идиотом? Если это то, о чем я думаю, то... Николас будет в бешенстве, когда я утащу Кэлвина из группы.

Глава 34

Когда Кэл возвращается в комнату, я достаю из чемодана бинты, мазь и пластырь, затем снимаю с себя халат, парень, застыв у двери, хлопает глазами, делаю вид, что не замечаю его волнения.

— Мне лучше прилечь? — Указываю на кровать.

— Кхм... как хочешь. — Подходит ближе, вижу, как сложно ему фокусировать свой взгляд на моем лице.

— Извини, я тебя смутила?

Его кадык немного дергается. Я надела хорошее нижнее белье, не какие-то там бабушкины трусы.

Сажусь на кровать, Кэл опускается передо мной, слегка касаясь моей раны, он поднимает глаза.

— Больно?

Качаю головой.

Пока Кэлвин накладывает мне повязку, я наблюдаю за ним, как осторожно он касается меня, как подбирает движения и быстрые взгляды, я размышляю насколько эффективно мое мышление по этому поводу. Насколько будет сложно держать этого парня поближе к себе и правильно ли это? По человечески — нет. Но откуда мне знать, что это не очередная игра Николаса и я снова в ней пешка? Мне нужно впустить Кэла в поле своего доверия, я должна хотя бы знать, что его намерения чисты.

— Спасибо.

Когда он заканчивает, я надеваю халат, прикрывая все то, что уже позволила рассмотреть.

— Я рад, что ты принимаешь мою помощь. Ты напугала меня... когда пропала, всех нас. Не делай так больше. — В его голосе слышатся нотки беспокойства и какой-то глубокой печали, которую я не могу понять.

— Я не очень ориентируюсь в местности. — Улыбаюсь ему, словно открывая ту сторону себя, которую эти люди не хотят видеть. — Если я захочу прогуляться... составишь мне компанию?

Блеск в его глаза говорит о том, что он заинтересован. Хороший знак.

— Правда? — Будто не верит, что я на самом деле спросила его об этом. Неужели они и правда считают меня монстром? Я не лучший человек на планете, но я все еще человек, а людям свойственно ошибаться, все зависит от того, как скоро ты осознаешь свои ошибки.

— Конечно. Завтра? — Смотрю на часы. — У вас через час выступление, а я так устала... Думаю завтра в самый раз.

— В полдень? Можем сходить к реке..

— Отлично. Договорились.

— Отдохни хорошо.

— Спасибо, Кэлвин.

Он переминается с ноги на ногу, затем его рот открывается и закрывается снова, после чего парень быстро уходит, не оглядываясь, у меня вырывается смешок. Ведет себя, как шестнадцатилетний.

Поутру мы все собираемся на маленькой кухне, нам принесли из столовой омлет и обжаренный в сыре бекон, Кэндис всем кроме меня приготовила кофе, затем схватила свою тарелку и направилась в комнату, Кэл притащил откуда-то коробку с шоколадным печеньем. Когда Джаред потянулся за ним, парень шлепнул его по руке.

— Это для Луизы. Ты же любишь шоколад? — Подвинув ближе ко мне коробку, он искренне улыбнулся.

— Конечно. Спасибо.

Николас поднимает глаза от своей тарелки, смотрит сначала на меня, затем на Кэла, потом его рука тянется к коробке, он достает одно печенье и бросает его обратно.

— Она аллергик.

— Что? — Наши с Кэлвином голоса сливаются воедино, Ник лениво пережевывает свою еду, глядя на нас как на баранов.

— Темный шоколад. Помнишь, как тебя раздуло в школьной столовой и, ты убежала?

Мне было четырнадцать, и я понятия не имею, почему это проявилось только тогда. К счастью все обошлось, и я не так боялась задохнуться и умереть, как позора в школе, что кто-то увидит меня в таком «не идеальном» виде. Сейчас меня волнует это меньше всего, и больше то, что Николас знает об этом, что он видел это. Насколько много ему обо мне, на самом деле, известно? Насколько же мерзкой я была, что даже не помню этого человека в школе, где столько лет училась?

— Правда? — Спрашивает Кэл. Я киваю. — Прости, я не знал. — Он убирает подальше коробку и пятится назад. — Я принесу что-нибудь еще.

— Кэл. — Собираюсь остановить его, сказать, что нет необходимости, но он уже уходит. И вот я остаюсь наедине с Ником, Джаред куда-то ушел, Кэндис в своей комнате и, слава Богу она не видит нас здесь двоих, не видит, как долго я смотрю на ее парня, не слышит звук моих мыслей, моего сожаления, моей печали, моего крика. Я закрываю глаза на мгновение, беру свои воображаемые руки и душу ими внутреннюю себя. Прекрати пялиться, прекрати думать, прекрати сожалеть.

— Откуда ты знаешь? О Шоколаде. — Стараюсь, чтобы звучало без особого интереса.

— Я был кем-то вроде сталкера раньше. — Отвечает без капли каких-либо эмоций.

— Следил за мной? — Давай же, Луиза, закрой свой рот.

— Иногда. — Удивлена его признанию. — Я думал, что у меня хорошая техника, раз ты не замечаешь, но потом я понял, что ты просто дрянь и не замечала никого, в принципе.

Сглатываю ком, пытаюсь найти подходящие слова для ответа, но не нахожу. Какое-то время в воздухе царит тишина, кроме звяканья вилки о тарелку не слышно ничего. Кусок в горло не лезет.

— Почему ты не сказал мне?

Смешок. Николас бросает вилку и кладет руки перед собой, пожирая взглядом мои внутренности.

— Что бы это изменило?

— Что-нибудь... Я... — Я вовсе не знаю, что сказать, потому что он прав, ничего бы не изменило, я бы просто посмеялась ему в лицо, как минимум. Я была ребенком, он тоже, но наши границы понимания чего-либо ценного имели разницу намного больше, чем разница

нашего возраста. Я считала себя центром вселенной, минимум центром учащихся школы «Скайлет Хай Хиллз».

— Ты бы не убила моего друга? Или что-то еще? Скажи мне.

Его голос сдавливает виски, его взгляд проникает под кожу, я закусываю губу, причиняя себе физическую боль, в отместку внутренней агонии.

Когда Кэлвин появляется в дверях, я спрыгиваю со стула и направляюсь в комнату.

— Какого черта, Ник? — Орет Кэл, затем я слышу звук упавшей в раковину тарелки, прижимаю ладонь к лицу, чтобы не издать ни единого звука. Я не могу выиграть. Приехать сюда было ошибкой. Разница между мной и Ником в том, что он не чувствует ничего, а я слишком много, я проиграла еще раньше, чем началась война.

Нога Николаса упирается в дверь, не давая мне ее закрыть, он врывается внутрь и поворачивает замок. Я просто хотела побыть немного одна, привести в себя в порядок, натянуть улыбку и вести для всех привычный образ жизни.

— Ник, что ты делаешь?

— Убирайся, Кэлвин.

— Оставь ее.

— Я просто обсужу некоторые детали с нашим новым директором.

— Луиза ты в порядке?

Набираю побольше воздуха в легкие, чтобы скрыть идиотскую дрожь в голосе.

— Да, Кэл, все нормально.

Кажется, он уходит, я прислоняюсь спиной к окну, посылаю себе команды взять себя в руки, закрываю глаза, представляю себя одну в большом коконе, среди цветов, солнца, безудержного смеха, привожу дыхание в норму. Легкое касание, словно мягкая шелковая ткань исследует кожу моей руки, заставляет меня распахнуть глаза.

— Тебе нужно прекратить это. — Шепчу я.

— Прекратить что?

— Ты знаешь.

— Просто... одну минуту. — Он утыкается носом в мою шею, я громко вздыхаю, почти задыхаясь, дрожащей рукой запускаю пальцы в его волосы. — Скажи, что ты не делала это, скажи, что это ошибка... — Горячее дыхание Ника обжигает мою кожу, я закусываю губы, чтобы сдержать внутри всю свою боль и ужас, терзающий меня годами. Я понимаю, о чем он говорит.

— Я не делала этого. — Готова повторять это вечно.

Его слегка колючая щека касается моей, я с трудом дышу, мои предательские руки дрожат, когда я касаюсь его лица, из моих предательских глаз срываются слезы, когда губы Николаса касаются моих, я задыхаюсь, дрожу, как осиновый лист на ветру. Это невозможно настолько сильно ощущать, огонь, приятный трепет, стягивающие канаты, удушье. Мягкие теплые губы отстраняются от моих буквально на несколько миллиметров, сквозь пелену слез я вижу перед собой яркие темные глаза Ника. Это должно быть ошибка, но я не чувствую себя неправильно.

— Я не верю тебе. — Шепчет он прямо мне в губы, я издаю тихий всхлип и со всей силы сжимаю руками подоконник.

Медленно отступая назад, он ехидно улыбается мне, выворачивая меня наизнанку, наблюдая, как я постепенно схожу с ума.

— Будь ты проклят, Николас. — Сквозь зубы шиплю я, ощущая тонкую соленую струйку

воды, падающую на губы. — Будь ты проклят! — Ору, забывая о том, что в доме мы не одни.

Он открывает дверь нараспашку, я вижу настороженного Кэлвина и, у меня нет сил, вытащить себя из этой грязи.

— Не знаю, что ты там себе придумал, чувак, но она только что поцеловала меня.

Я загниваю изнутри с каждой секундой, с каждым взглядом и брошенной им фразой. Что случилось со мной? Когда я стала такой? Дениел предал меня, буквально собственноручно отдал меня в руки полиции, и я не пролила ни единой слезинки по нему. Что со мной не так?

— Будь ты проклят. — На этот раз я шепчу, спускаясь вниз по стене, хватаясь рукой за подоконник. Вдалеке слышу вопли Кэндис, Кэлвин, который держит ее, но затем отпускает, расплывается в глазах. Девушка подлетает ко мне и бьет по лицу, я даже не шевелюсь. Думаю, что могла бы встать и надрать ей задницу, но не могу и не хочу. Кэл поднимает меня с пола и что-то невнятное шепчет мне на ухо, я слышу лишь звон в своей голове. Он кладет меня на кровать, ложится рядом, мне плевать, что он гладит мои волосы, пока я закусываю край одеяла, чтобы не выдать свое сумасшествие. Может я и правда безумна?

Глава 35

Из дневника Луизы

День 378

Я долго смотрела вниз. Наблюдала, как красная жидкость стекает в наш бассейн. Мои руки дрожали, но я не знала почему, ведь это так прекрасно, сочетание граней, красок, прозрачное и цветное. Я слышала крик, было несколько голосов. Кто-то поднял голову вверх и заглянул мне в глаза. Я не помню кто, потому что началась паника. Все выбежали во двор, а я стояла на балконе и смотрела вниз. Слезы стекали по моему лицу. Я не сразу поняла, почему плачу. Дениел? Я обернулась. Его не было. Я осталась одна. Мне нужен был Дениел, он ведь был со мной. Или не был? Я так думала. Это я сделала? Я это сделала. Я. Кто еще? Никого нет. Мне нужно было, чтобы он обнял меня. Конечно, вызвали полицию. Мне заломили руки. Я все время что-то кричала. Звала мать. Дени. Кэтрин. Ребекку. Лиззи. Я была одна. Затем допрос до глубокой ночи. Я не помню, что говорила. Но я помню, что он ушел, этот предатель. Его не было со мной? Нет. Он был там. Он сбежал, чтобы поглазеть на меня снизу.

Наши дни

Не знаю, сколько спала, ноющая головная боль разбудила меня. Когда я распахнула глаза, то сразу прокрутила в голове недавние события, ощутила присутствие Кэлвина, дышащего мне в затылок.

— Который час? — Хриплым голосом спрашиваю я.

— Около трех.

Его голос ровный и спокойный, ни злости, ни ненависти. Почему жизнь так несправедлива? Скажите мне, когда узнаете ответ на этот вопрос.

— Могу я спросить кое-что?

— Конечно.

— Почему ты хорошо относишься ко мне?

Недолгое молчание.

— Почему нет?

— Ник..

— Он осел.

Издаю горький смешок.

— И все же?

— Мне двадцать один, Луиза и за свою небольшую жизнь я много где был, много чего повидал, много разных людей встречал. Люди — идиоты, все, поголовно. Особенно в маленьких городах. Ты даешь им пищу для размышлений, а они проглатывают ее как готовый кусок хлеба. Я знаю о тебе достаточно, хотя я не местный. Мы познакомились с Ником в музыкальном училище, с тех пор я играю в его группе. Он классный чувак, но он рос в этом городе, как и Кэндис, как ты. Таким как вы нет шанса на исправление. Я имею ввиду, если ты однажды сделала что-то плохое, а затем что-то очень хорошее, все будут помнить только плохое. Ты не получаешь шанса. А я хочу, чтобы он был, у тебя или у кого-либо другого, посмотри на Джареда, он тоже не отсюда и знать тебя не знает, но он четко уверен, что ты сука, извини за подробности. Влияние общества, ничего больше.

Я впечатлена тем, что он сказал мне, и я бы хотела видеть рядом с собой таких людей, как он, но... Я поворачиваюсь к нему лицом, разглядываю его растрепанные светлые волосы, прямой нос, пухлые губы и голубые глаза, он бледный, как будто загар к нему вовсе не прилипает и он... симпатичный.

— Я думаю, тебя легко полюбить, Кэлвин.

Его щеки немного розовеют, я улыбаюсь.

— Но ты не можешь этого сделать, я знаю.

— Я бы хотела... — Это искренне. Я бы хотела стереть из своей жизни все дерьмо и довериться такому человеку, но это невозможно. Я влюбилась в Николаса медленно, а потом очень быстро, как будто ударила головой об асфальт, падая с велосипеда. И я впервые подумала об этом слове, как о чем-то большем, чем симпатия. С Ником я чувствовала это сразу, он привлек мое внимание с первого взгляда, с первого слова, и затем я медленно текла по течению, потом я больно ударила, и эта боль разливается по телу с каждым днем все больше и больше. Я не могу заставить себя пройти тот же путь с кем-то другим. Может когда-нибудь? Но я теперь не уверена..

— Я верю тебе. — Глаза жжет. Это слова, которые я никогда не услышу от Николаса Янга. Никогда. Мне пора признать, что все не случайность. Да, он не заставлял меня влюбляться, но он надеялся на это, чтобы потом вылить кучу дерьма мне на голову, чтобы посмеяться, как когда-то я смеялась над людьми. Должно быть, это справедливо.

— В то, что я сказала?

— Во все.

Я молчу какое-то время. Что-то щелкнуло во мне. Я должна остановиться, иначе не будет конца. Это не моя война и мне ее не выиграть. Я могу жить, как раньше, терпеть все, что обо мне будут говорить на улице, в супермаркетах. Когда-нибудь они отстанут от меня. Я могу устроиться на фирму к родителям каким-нибудь помощником. Осенью пойду учиться. Возможно, родители позволят мне поехать в Лондон, я все еще в глубине души мечтаю там однажды оказаться.

— Я хочу рассказать тебе кое-что.

— Правда?

— Да. — Укладываюсь поудобнее. — Я об этом никому не говорила.

Вижу заинтересованность в его глазах и толику страха. Я на самом деле никому

постороннему об этом не говорила, разве что Дениелу, но он знает лишь самую малость, я не вдавалась в подробности.

— Я никогда не была в Лондоне. — Говорю тихо. Глаза Кэла немного округляются. — Я имею ввиду, ты же слышал, что говорят люди? Якобы мои родители откупили меня от тюрьмы и отправили учиться в Лондон. — Усмехаюсь. Печально. Не скрываю своих истинных чувств, не надеваю масок. — Я не была в Лондоне. — Кэлвин затаив дыхание внимательно слушает каждое мое слово. — Я была в психушке. Пять лет. Они называли это реабилитационным центром. Я имею ввиду доктора, мои родители. — Кэл быстро моргает, словно не до конца понимая, что я сказала. Я посмеиваюсь. — Но это просто психушка, в которой происходят вещи, которые ты не хотел бы видеть.

— Луиза. — Он берет мою руку. И я вижу, что он даже не знает, что мне сказать. А мне и не нужно слов.

— Я думала, что умру там. Иногда даже мечтала об этом. Они делали из меня сумасшедшую изо дня в день. Меня спасло то, что я перестала принимать их таблетки, иначе мы бы вряд ли с тобой лежали на этой кровати. Сначала я прятала их в рукав, затем смывала в унитазе, потом я начала собирать их... — Выдыхаю. Кэлвин проводит рукой по лицу.

— Ты... хотела покончить с собой?

— Я почти сделала это. — Голос немного надрывается, вспоминаю те ужасные дни. У меня был маленький шанс, но он сработал. Я могла умереть, а могла остаться в центре навсегда, но вселенная распорядилась так, что я смогла выбраться оттуда.

Кэлвин встает с кровати, потирает нос, расхаживая по комнате, затем его взгляд возвращается ко мне.

— Что ты сделала?

— Ты действительно хочешь это знать, Кэл? Все в прошлом.

— Я хочу знать, что ты не повторишь это снова.

Усмехаюсь. И вижу, что парень не намерен отступать, кажется, даже не моргает.

— О'кей, я выпила все таблетки, которые собрала почти за две недели, около пятидесяти. Но я не собиралась умирать, я хотела выбраться из того места... Когда я очнулась, родители настояли на выписке. Они даже не приехали... Им сообщили по телефону. Я просто хотела выбраться. И нет, я больше не сделаю ничего подобного.

— Если тебе что-то понадобится... Запиши мой телефон, Луиза..

— Кэлвин.

— Я хочу помочь тебе.

Долго смотрю на него, и я все еще ковыряюсь внутри себя, придумывая очередной подвох. Кэл выглядит искренне, но Николас... он выглядел так же..

— Луиза.

Я тянусь к телефону и, в это время раздается звонок с незнакомого мне номера, немного насторожившись, я принимаю вызов.

— Алло?

— Луиза, я не могла дозвониться до тебя вчера. Генри просил позвонить тебе в случае чего.

Отец сдержал слово, уже радуется, но при этом еще чувство тревоги поселяется внутри.

— Что случилось, Аделаида?

— У Гарри будет суд, если ты хочешь поддержать..

Его будут судить. Гарри будут судить из-за меня. Я не позволю этому произойти.

— Когда?

— Во вторник.

Выдыхаю. У меня есть время.

— Я выезжаю сегодня. Спасибо, что позвонила. — Кладу трубку, быстро встаю с кровати.

— Ох, Луиза, скажи мне что-нибудь хорошее.

— Ничего хорошего, связанного со мной быть не может, Кэл. Сделаешь одолжение?

— Конечно.

— Когда будете уезжать, заведи мой чемодан с вещами.

Стягиваю с себя помятую рубашку и надеваю другую, быстро расчесываю волосы и складываю в сумку предметы первой необходимости.

— Что... что ты делаешь? — Парень подходит ближе, привлекая внимание к себе.

— Я прошу помощи, ты сказал..

— Да, я знаю. Но... что происходит?

Бросаю сумку, набираю в легкие воздух. Без паники, Луиза, еще есть время.

— Мой друг в большой беде. Из-за меня.

— Кто? Почему?

— Гарри Стэнфилд. Его будут судить за наркотики.

— Гарри? Я знаю его, он что..

— Нет. Вот именно. Я должна помочь.

— Как? Что значит из-за тебя?

— Пожалуйста! Не задавай столько вопросов. — Натягиваю кроссовки, хватаю кардиган, собираю все деньги, которые у меня есть. — Скажи Ник. группе, что долг аннулирован, и я больше не ваш директор. И пожалуйста... не уезжайте раньше времени, я слышала, вы понравились детям.

— Ты прощаешься? Как мне помочь? Скажи, что происходит! — Не подпуская меня к двери, Кэл хватается за мои руки. Если я скажу ему? Я ведь итак наболтала слишком много.

— Николас... — Выдыхаю. Снова набираю воздух. — Николас хотел, чтобы я подсунула Гарри порошок... Я не сделала этого, и вообще это было не то, что я подумала... И он..

— Сделал это сам?

Киваю.

— Пожалуйста. Пожалуйста, не говори ничего никому, даже ему. Я заварила это дерьмо, мне его и разгребать. Обещай, что не скажешь.

Некоторое время он молчит, а затем наконец, отвечает.

— Обещаю. Ты сдашь Ника? — Шепчет он.

Я бы хотела, но я не могу. Даже если он еще сотню раз плюнет мне в душу, я не сдам его.

Качаю головой, Кэлвин хмурится и, кажется, все понимает.

— Нет. Луиза. Нет.

— Ты обещал. — Сквозь зубы процеживаю я и дергаю на себя ручку двери, затем быстро выбегаю из дома. Кэл идет за мной, я слышу. Быстро подбегаю к охране и прошу их не выпускать парня за периметр ближайших полчаса.

— Луиза!

— Ты обещал! Не вздумай меня обмануть.

Не вздумай меня обмануть, Кэлвин.

Глава 36

Я провела в пути больше, чем рассчитывала, мне пришлось ехать с тремя пересадками и, я потратила все свои деньги на дорогу. Дважды звонила Аделаиде, чтобы узнать хоть какие-то новости, — ничего не изменилось, суд во вторник. Никого не волнует, принимал ли Гарри наркотики или нет, у него их нашли, пусть даже по чьей-то наводке. Нет. Не по чьей-то. Николас сделал это. И я на самом деле стараюсь ненавидеть его за это, и за то, что мне придется сегодня сделать. Добравшись до города, я сразу же направилась в дом Стэнфилдов, Кэтрин встретила меня у порога, ничего не объясняя, я прошла внутрь дома, Гарри показался из гостиной, я молча подбежала к нему и обняла. Мы стояли так несколько минут, и я почти расплакалась, когда увидела его усталое лицо, темные круги под глазами, печальный взгляд. Это все моя вина.

— Прости. — Шепчу я. — За то, что Аделаида..

— Эй, ни ты, ни твоя семья мне ничем не обязаны. Аделаида сказала, что сделает на суде все возможное..

Я молчу, потому что не будет никакого суда, не над ним точно.

— Тебя отпустили до вторника?

— Да, под залог.

— Все будет хорошо.

— Ты придешь... Поддержать меня?

— Конечно, Гарри, конечно, я приду. — Лгу, но он не замечает. Мы снова обнимаемся, затем я говорю, что мне нужно идти. Кэтрин, все это время стоявшая у двери, молча пропускает меня, я вытираю нахлынувшие слезы и направляюсь напрямиком в полицейский участок. Нет времени, чтобы идти домой и объяснять родителям эту тупую ситуацию с подставой. Я виновата — мне за все и отвечать.

Сдаюсь прямо у входа, дежурный сразу же ведет меня к шерифу, отрывая его от какой-то телефонной дискуссии. После часа беседы один на один с шерифом, женщина, с которой мы уже виделись раньше, кладет перед собой руки и смотрит на меня в упор.

— Ты же понимаешь, что это не шутки, Луиза?

— Я понимаю. — Ох, еще как понимаю.

— Ты была судима. За убийство.

Тонкая острая игла пронзает мою грудь. Убийство уж точно не смягчающее обстоятельство.

— Я знаю.

— И теперь ты говоришь, что намеренно подставила человека, подложив ему героин?

— Да.

— Чего ты добиваешься?

— Правды, мэм.

— Хм... На пакете не было твоих отпечатков.

— Я эмм... не трогала его руками. Это просто.

— Ты употребляешь?

— Наркотики? Нет.

— Я не могу понять закономерность твоих действий. Кажется, все логично, но если подумать..

— Мы были в ссоре, я просто отомстила... Не думала, что все так далеко пойдет. Героин

мой, я подложила его Гарри Стэнфилду.

— Я бы хотела, чтобы ты врала. Но и при этом ты нарушаешь закон.

— Я знаю, шериф.

— Тебе нужно время, чтобы сказать родителям или адвокату? Я пойду тебе навстречу, Луиза.

Качаю головой.

— Нет. Мне не нужен адвокат.

На кой черт мне адвокат, если я созналась во всем? Это не имеет смысла.

Шериф вызывает патрульных, которые отводят меня в камеру, слава Богу, я там одна, не выдержала бы всех этих лиц, возможных насмешек. Я остаюсь в неведении о том, что со мной будет, до следующего допроса. Времени я не знаю, потому что мои вещи у меня отобрали на досмотре. Примерно через два часа состоялся еще один допрос, я рассказала все то же самое. Меня отвели на экспертизу, где я сдала анализы на наличие запрещенных препаратов в крови. Если бы они что-то нашли, это прибавило бы мне проблем.

Холодные стены, старая кровать, холодный неудобный матрас. Спасибо за одеяло. Я не хочу здесь быть. Молюсь лишь о том, что по итогу меня просто оштрафуют или отправят на исправительные работы. Если все тюремные камеры такие, смогу ли я выжить в одной из них? Думаю о том, что меня могут снова отправить в «реабилитационный центр», я не выдержу, клянусь, что убью себя, если снова окажусь там.

У меня было много времени для сна, но я не спала, вместо этого я постоянно думала о том, почему оказалась в этом месте, почему вообще со мной все это происходит. Все свелось к одному. Николас. Это тоже моя вина. Я оказалась слишком доверчивой и слишком слабой, чтобы противостоять хотя бы самой себе, своим желаниям. Я думаю, что могла бы все это закончить, сделав лишь одну вещь — рассказав полиции все о Николасе Янге. Как он обманул меня, как я неспроста оказалась в автомастерской и меня чуть не изнасиловали, как Ник управлял мною с помощью дурацких СМС, как он нашел мою старую фотографию с вечеринки пятилетней давности и превратил ее в огромный плакат, как он пробрался ко мне под кожу, затем в сердце, которое попытался выдернуть из моей груди. Не получилось. Но оно все еще кровоточит. Я чувствую это даже сейчас. Еще сильнее, когда начинаю думать об этом дерьме. И постоянная мысль в голове: «Он не мог так поступить» заставляет меня желать рвать волосы на своей голове. Я взаперти. Не только в прямом, но и в переносном смысле. Если я сдам его полиции, то буду ненавидеть себя до конца своих дней, а это еще хуже, чем ненавидеть его. Я просто пройду через это, как делала раньше, а затем вернусь к своей идиотской жизни и буду пытаться ее восстановить. Собирать себя по кусочкам, на которые меня возможно раскидает.

Утром мне приносят еду неизвестного содержания, я даже не притрагиваюсь к ней, затем меня снова вызывают в комнату для допроса, но это не допрос. Аделаида ждет меня, опершись на бетонную крашеную в зеленый, стену. Я не просила адвоката, должно быть шериф позвонила ей.

— Ты тупая маленькая эгоистка. — Ее ноздри раздуваются, она появляется передо мной, я так устала, что даже мои мысли спутались меж собой.

— Родители знают? — Сглатываю. Они ненавидят меня. То, что я делаю не во благо ни мне, ни им. У них итак репутация подпорчена, благодаря дочери — неудачнице.

— Знают. Тебя выпускают под залог. Я отвезу тебя домой.

— Отпускают?

— До суда, идиотка. Дата еще не назначена. Твои анализы чисты, надейся на лучшее.

Суд. У меня был суд. Закрытые заседания. Меня не было ни на одном, я считалась сумасшедшей. Домой — звучит, как приговор. Что я скажу? Как посмотрю им в глаза?

Это была ужасная ночь, я не могла заставить свой внутренний голос заткнуться, я не могла ничего сделать, чтобы матрас стал менее жестким, я не могла ничего сделать для того, чтобы в помещении стало немного светлее, я с трудом видела в темноте свои пальцы.

— Будь помягче. — Говорит Аделаида, когда тормозит у ворот нашего дома.

Иду медленно и, с каждым шагом мне становится все страшнее. Нет, я не боюсь своих родителей. Я боюсь увидеть еще большее разочарование, ненависть на их лицах, я боюсь остаться совсем одна.

Когда переступаю порог дома, родители тут же сбегаются на звук, закрывшейся двери, словно они уже очень долго ждали меня. Я вижу их лица. И вместо того, чтобы просить прощения, сказать как мне жаль, что я снова все делаю не так, я просто направляюсь к себе в комнату. Мать дергает меня за руку, останавливая, затем бьет по лицу. Я не реагирую, с ее глаз срываются слезы и мне хочется обнять ее и разрыдаться, как маленький ребенок. Отец зол, но держит себя в руках.

— Я устала. — Говорю тихо, потирая ладонью, загоревшуюся от удара щеку.

— Что же ты делаешь? С собой. С нами. Ты разрушаешь все вокруг, Луиза. Оглянись!

Она права.

— Прекрати, Шейла.

— У нас нет выбора, Генри. — Мать громко всхлипывает, прикрывая рот рукой. — Либо тюрьма, либо центр.

Я оцетиниваюсь. Отступаю назад, спотыкаясь о порожек, почти падаю, но успеваю ухватиться за деревянный поручень.

— Нет. — Качаю головой. — Вы не сделаете этого. Я не вернусь. Пап.

Они оба молчат, и смотрят так, словно это на самом деле единственный выход, отправить меня в психушку, снова. Чтобы избежать тюрьмы. Снова. Я проклята.

— Клянусь Богом. — Шиплю я, проглатывая слезы. — Я убью себя раньше, прежде чем вы отправите меня туда.

— Генри. — Мать заливается слезами. Я больше не могу это видеть.

— Я лучше сяду в тюрьму!

— Ты не понимаешь, что говоришь. — Встревает отец.

Я пытаюсь уйти, скрыться в своей комнате до того момента, пока не огласят дату судебного заседания. Но я останавливаюсь.

— Луиза. — Он останавливает меня.

— Что ты тут делаешь? Мам, пап, что он тут делает? — Мой голос почти срывается. Это слишком. Какого черта? Он должен быть в Миннесоте. Келвин, я убью его. Он обещал, обещал мне, что никому не скажет. Все предатели, все они. Я больше не могу дышать, проглатывая слезы, которые давно просятся наружу.

— Нам нужно поговорить. — Его глаза рассеянно бегают, он потирает ладони о карманы своих джинсов.

— Нет. Пап, выстави его отсюда!

— Луиза. — Мягко говорит отец. — Тебе нужно послушать Ника, пожалуйста.

Качаю головой. Хочется спросить не идиоты ли они? По вине этого человека я в полном дерьме. Но я не могу не смотреть на него и не чувствовать биение своего окровавленного

сердца.

— Тебя не должно здесь быть.

— Мы просто поговорим.

Усмехаюсь. Что он может мне сказать? Извиниться? Нет. Посмеяться? Возможно.

Почему он вообще вернулся раньше времени..

— Можем мы поговорить... наедине?

Отец кивает.

— В моем кабинете.

Плевать. Я могу запереться в комнате и начать страдать, словно я не решаю ничего, словно ничего не могу, и я могу расставить точки над «і».

Иду первой, Николас следует позади, закрывает за собой дверь. Я смотрю в большое окно, собираясь с духом. Оборачиваюсь, надеваю маску безразличия, складываю руки на груди.

— Я приехал, как только смог.

— Кэлвин сказал?

Кивает. Кэл, ты гребанный предатель.

— Думал, что успею.

— Успеешь что? — Процеживаю сквозь зубы каждую букву.

— Ты сделала глупость, и я хочу, чтобы ты знала, я не имею никакого отношения к тем наркотикам.

Смеюсь. Легко. Непринужденно. Затем как гребанная истеричка. Николас смотрит так, словно я сошла с ума. Может быть.

— Я не знаю, зачем ты здесь, но мне не нужны бессмысленные оправдания.

— Это не оправдания! Это правда!

— Это абсурд! Ты шантажировал меня через СМС. Черт... — Выдыхаю. — Разве ты не хотел, чтобы я оказалась в тюрьме?

— Я не этого хотел. Ты не сможешь меня понять.

— Ну конечно. Я не отрицаю, что настолько тупа, раз поверила тебе. Убирайся из моего дома. Ты сделал то, что сделал.

— Луиза.

— Достаточно! Достаточно..

— Это нелепое стечение обстоятельств. Кто-то подставил тебя... меня..

— Ты! Я убила Джексона, ты решил подставить меня с наркотой! Какая разница, за что оказаться в тюрьме, правда?

— Нет.

Он приближается. Я отступаю назад и упираюсь прямо в отцовский стол.

— Не подходи.

Ему плевать. Пожалуйста. Не подходи ко мне.

— Послушай, ты права во всем, кроме этого. Я ничего не подкидывал Гарри, я никогда в жизни не держал в руках наркотики. Луиза.

— Заткнись. Просто уйди.

— Что ты хочешь, чтобы я пошел в полицию? Сдал себя за то, чего не делал?

— Нет.

Это не то, чего я хочу. И я не хочу, чтобы он оправдывался, потому что это мерзко.

— Я разберусь с этим. Ладно?

— Нет! Ты омерзителен. Вызываешь у меня отвращение.

И самую сильную боль, которую я могла бы испытывать. Желудок скручивает, что-то жжет в области легких. Я не могу смотреть ему в лицо, видеть те же знакомые черты лица, прекрасные глаза, смотреть на его руки, которыми он касался меня так, как никто другой и не сходить с ума, не умирать изнутри, не погребать себя заживо.

— Ты можешь меня ненавидеть, это справедливо, но в тюрьму ты не сядешь из-за какой-то нелепости. Это не то, что я хотел! — Проводит рукой по лицу, запускает пальцы в волосы, отворачивается.

— Чего же ты хотел? — Тихо спрашиваю я. — Причинить мне боль, очевидно. Посмеяться? Конечно. Загнать меня в угол. Может быть, ты хотел моей смерти? Точно. По твоим расчетам я должна была покончить с собой или что-то еще?

— Не носи чушь. Ты понятия не имеешь, что у меня в голове.

— И знать не хочу. — Вранье. Я хочу знать, каждую мысль этого человека. О чем на самом деле он думает, чего хочет. Кто же такая я? Объект для насмешек? Груша для битья?

— Я только прошу тебя сказать полиции, что ты солгала. Я что-нибудь придумаю. У тебя влиятельные родители.

Мои родители по горло в дерьме из-за меня.

— Убирайся. Мне не нужна твоя помощь! Я не хочу знать, чего ты хочешь. Я хочу, чтобы ты исчез. Понятия не имею, какими еще способами ты собираешься меня добивать.

Все внутри сжимает и скручивает, и мои предательские глаза выдают всю адски нестерпимую внутреннюю боль. Мне плевать. Я окажусь либо в тюрьме, либо в психушке. Я бы хотела, чтобы он запомнил меня сильной, несокрушимой, даже бесчувственной. Но я все чувствую, ублюдок.

Приближаюсь к нему сама, тычу пальцем ему в грудь, я не вытираю слез, больше не имеет смысла.

— Ты выиграл. Я сдаюсь. Посмотри. Это то, что ты хотел? Надеюсь, ты счастлив. — Он отводит глаза в сторону, я толкаю его вперед, заставляю смотреть на себя. Желваки дергаются на его лице, но сам он молчит. — Ты разбил мне сердце. — Снова толкаю в грудь, даже не сопротивляется. — Надеюсь, доволен? Ты разбил мне жизнь. За считанные дни. И я хочу, чтобы ты подумал, почему я пошла в полицию и призналась в том, чего не делала. Снова! — Толкаю еще раз, Ник перехватывает мои руки и заглядывает в мои полные слез глаза. Я даже не стесняюсь их. Я просто устала.

— Я бы хотел, чтобы ты понимала..

Выдергиваю свои руки из его и, что есть силы, толкаю его к стене.

— Уйди. Я не хочу тебя видеть, слышать, знать! — Открываю дверь. — Убирайся. — Снова толкаю. — Я ненавижу тебя. — Говорю через силу, сквозь слезы. — Пошел вон! — Мой сумасшедший крик, кажется, заставил его вздрогнуть и отступить назад, мама выбежала из гостиной и попыталась меня обнять, я оттолкнула ее, сама того не желая. Пока Николас пятился к выходу, я провожала его взглядом, таким, который надеюсь, он запомнит навсегда.

Глава 37

Эмоциональные всплески закончились ближе к полуночи, я встала с постели, чтобы принять душ, затем вернулась обратно в кровать. Миллион вопросов и ни одного ответа. Так мучительно просто думать. Кажется я не была так бессильна даже под десятками препаратов в реабилитационном центре. Там я хотя бы не думала так много. Мысли могут сводить с ума.

Может мне и правда нужно лечиться? Есть ли лекарство от моей боли?

Это не может быть правдой то, что сказал Ник, я абсолютно уверена в его причастности к аресту Гарри, но я не понимаю, почему и для чего он пытался оправдаться передо мной. Я ждала, что он снова посмеется, ухмыльнется мне в лицо, оставшись довольным тем, во что я влипла. Он бы мог гордиться собой. Я хочу заставить себя ненавидеть его по-настоящему, но это только слова. Я ненавижу его, но не так, как хотела бы. Совершенно не так. Хотела бы я, чтобы его намерения были чисты, как и намерения Кэлвина, который несмотря на то, что не сдержал свое слово, все еще остается для меня более правильным, чем я сама.

Мои планы рухнули в одно мгновение. Да, я хотела использовать Кэлвина, чтобы насолить Нику, и я даже рада, что этого не произошло. Что может быть хуже, чем ощущение отвращения к самой себе?

Утром позвонила Аделаида и сказала, что заседание через неделю, в этот момент меня словно холодной водой окатили. Так скоро... На самом деле, я по-настоящему еще не задумывалась, насколько все это может быть ужасно. Еще она сказала, что я могу отделаться, как штрафом, так и сроком, она постарается что-нибудь сделать, и напомнила, что у меня все еще есть время пойти на попятную. Я не стану этого делать. В худшем случае мне дадут три года колонии, в лучшем — штраф. И я понятия не имею, чем обернется для меня решение суда с учетом того, что я «убийца».

У меня есть неделя. Для чего? Для чего-то хорошего. Для того, о чем я не пожалею.

И все-таки кое о чем я могу пожалеть, но еще больше могу жалеть, что не сделала этого. Я пошла к Нику, возможно, чтобы сказать ему что-то хорошее, чтобы посмотреть на него, может, чтобы попроситься. Я не знаю. И я не знаю, будет ли он дома. Не знаю, как он отреагирует. Снова посмеется? Я уйду. Примет меня? Я попытаюсь, в последний раз что-то сказать, просто чтобы он знал. Это не заставит его полюбить меня или перестать презирать, но мне кажется, я буду чувствовать себя лучше. А может еще хуже? Я больше ничего не знаю. Я полна бесконечных мыслей и тону в полном отчаянии. Я виню во всем Николаса, но я так же виновата во многом. Не могу перестать думать о нем, это убивает, чувство ненужности. Зачем я иду к нему? Наверное, я уже решила, что иду попроситься, потому что если я не загремлю за решетку, то я хочу уехать из города, туда, где никто меня не знает. Да, я сдаюсь, и я хочу начать новую жизнь. Хочу. Но смогу ли? Я думаю, что узнаю об этом позже.

Слезы душат. Сколько можно, Луиза? Ты не маленькая девочка. Мысленно бью себя по лицу, пинаю ногами.

На ресепшне новый консьерж, возможно я просто не видела его раньше, того любопытного старичка нет, вероятно не его смена.

— Николас Янг дома? — Спрашиваю я.

— Кто? Откуда мне знать. Знаешь, тут сколько таких.

— Спасибо.

Благодарю, хотя он вряд ли мне чем-то помог, просто по привычке. Нажимаю кнопку лифта, замечаю, что руки дрожат. Надеюсь, что там нет Кэндис, я не вынесу этого позора. В глубине надеюсь, что и Николаса нет дома, но больше рассчитываю на то, что снова увижу его.

Несколько минут стою у двери, не осмеливаясь нажать на звонок. Втягиваю в себя воздух, затем выдыхаю его и просто стучу. Тихо, будто не желая, чтобы мне открыли. Его нет дома. Его нет дома. Он дома. Трясет. Дверь открывается. На Нике белая помятая футболка и темные джинсы, спущенные ниже, чем положено им сидеть. Поднимаю взгляд.

Он удивлен, но ничего не говорит, молча пропускает меня и закрывает дверь. Постель не застелена, словно Ник только что проснулся, да и сам выглядит помятым. Прохожу вперед, сажусь на высокий стул у бара, на котором стоит открытая бутылка виски, а рядом в стакане, такого же цвета недопитая жидкость. Беру его в руки, немного взбалтываю.

— Если ты за рулем, то не стоит. — Говорит не принужденно, словно мы старые друзья и я заглянула в гости. Мы не друзья. Делаю глоток, немного жмурюсь, ставлю стакан обратно.

Молчание. Одна минута. Две. Три. Чувствую себя неловко. Николас подходит к окну и еще какое-то время смотрит в него, словно в бесконечность. Господи, зачем же я здесь?

— Я пока не знаю, как тебе помочь. Все еще думаю, кто... — Он оборачивается, его губы сложены в тонкую линию, взгляд рассеянный и затуманенный.

— Я здесь не за этим.

— Зачем ты здесь, Луиза?

— Я не ненавижу тебя. — Признаюсь. Почти шепотом. Он внимательно смотрит на меня, я перебираю пальцы в руках, подбираю слова. — Я пришла попрощаться.

— Хмм... — Снова отворачивается. — Уезжаешь?

— Может быть. После суда.

— Суда? — Конечно, дурачок. Глаза снова находят мои, внутри меня все переворачивается, выворачивается наизнанку от таких взглядов. Не просто его глаза, а те, которыми он смотрел на меня до того, как я узнала, что все это спланированный фарс. — Когда?

Вопрос непринужденный, и вижу, что ему интересно, я не совсем идиотка.

— Не знаю еще. — Вру. Какая вообще разница? Скорее всего, мы больше не увидимся. А если и встретимся случайно где-то, через несколько лет, то будем уже абсолютно чужими. Я вспомню его, он скорее всего, уже не вспомнит меня. Чужие. Еще более далекие, чем сейчас, чем всегда были.

— Что ж... — Он прокашливается. — Прощай?

— Прощай. — Шепчу я, сглатывая очередной ком. Я хочу сделать много чего: обнять его, поцеловать, ударить, может даже избить, а затем снова обнимать, долго. Бесконечно. Хочу уткнуться лицом в его грудь, вдохнуть аромат его тела, волос. Но я прошу лишь одну единственную вещь. — Можешь дать мне... ту песню... текст? Ту, которую ты хотел спеть на моей вечеринке. — Абсолютная глупость, я знаю.

Глаза Ника округляются, но он быстро приходит в норму, словно ничего такого особенного я не сказала.

— Это были плохие времена. У меня нет текста.

— Ладно. — Не буду настаивать. Это абсурд.

Спрыгиваю со стула, медленно иду к выходу, закусываю фалангу указательного пальца, останавливаюсь.

— Ник.

Он сразу оборачивается ко мне. Я не могу найти каких-либо слов, чтобы произнести вслух. Это слишком больно, и я бы даже сказала унижительно. Все, что он сделал... После всего, я как собачка сама же пришла к нему. Верная. Любящая. Глупая.

Снова отворачиваюсь. Почти уйду. Мне есть что сказать, но я не могу. Так много всего.

— Я тоже сдаюсь. — Внезапно слышу я и сильно зажмуриваю глаза. Мне остается пару

шагов до двери, если я выйду сейчас, то больше не войду в эту квартиру снова. Что я должна сказать в ответ? Очередную глупость?

— Что ты имеешь в виду? — Я даже не оборачиваюсь. Но слышу шаги. Он совсем близко. Еще ближе. Меня колотит. Затем, я вовсе, вздрагиваю от внезапного прикосновения к волосам. Я чувствую, как он перебирает их своими длинными пальцами, я не могу пошевелиться, боюсь спугнуть момент. Он издевается надо мной. Снова.

— Очередной трюк..

Сглатываю ком. Сегодня никаких слез. Может быть позже, когда уйду.

— Это не трюк, Луиза. Я не стану лгать, и я бы хотел все объяснить, но я не могу... не могу.

Кажется, он отстраняется и, я снова чувствую холод. Я хочу знать все.

— Скажи мне что-нибудь, если хочешь. Есть несколько секунд перед тем, как я открою эту дверь.

— Но ты не уходишь.

Это намек? Я должна идти. Нет. Бежать. Куда вот только? От себя нельзя убежать.

— Прощай, Николас. — К черту тебя!

Поворачиваю ручку двери, Ник останавливает меня в то же мгновение, он кладет свою руку на мою, а затем утыкается носом мне в шею, потом касается губами мочки моего уха, щеки, я с ног до головы покрываюсь мурашками, а внутри все трепещет, так тепло и волнительно. Я не могу заставить себя прекратить это чувствовать. Это то, что внутри. Его нельзя изгнать, заставить исчезнуть или вылечить. Там все еще болит.

— Есть тысяча поводов, чтобы любить тебя, но я выбрал самое ужасное... Я предпочел тебя ненавидеть. — Разворачивает меня к себе лицом, я вижу нескончаемую боль в его глазах, такую же, какую ощущаю я, но видимо наша боль по разным причинам. Он — причина моей. — Мне каждый раз нужно собраться с духом, чтобы не прикоснуться к тебе, и даже мысль об этом мне ненавистна.

Горечь душит. Душит. Задыхаюсь.

— Ты ненавидишь меня. — Это не вопрос. Факт. И я так тихо говорю, что сама с трудом себя слышу.

— Я не знаю, как это остановить. Ты убила человека, Луиза... — Его голос такой же тихий, и при этом немного безумный. — Моего друга. Я даже не хочу вспоминать о том времени, когда ты всяческими способами не замечала меня. Да, я был пухлым и не очень симпатичным мелким сталкером... И я доказал себе, спустя годы..

— Что я обращаю на тебя внимание? Ты можешь гордиться собой. — Издаю смешок.

— Это не гордость. Черт... Луиза... — Он отходит, запускает руки в волосы, идет к окну, возвращается обратно. Безумный. Безумные глаза. Движения. Я хочу укрыть его от этого, хочу сама спрятаться в нем, но так много ненависти между нами, я не смогу с нею жить. С ложью, предательством, недоверием. — Каждый раз, когда мы были вместе, я проклинал себя, и повторял, что это всего лишь часть плана, от этого становилось легче. Но когда я оставался один, то ненавидел себя, за то, что предаю лучшего друга, за то, что мои мысли о тебе не настолько грязны, как должны быть. Прости, чувак. — Теперь он смотрит в потолок, словно обращается к кому-то.

— Ты издеваешься надо мной? — В глазах мутнеет, и я не понимаю, почему все еще здесь, почему так сильно он меня держит. Сердце болит, когда руки Ника касаются моего лица.

— Я бы хотел. Ты так глубоко пробралась мне под кожу, Луиза, что я теперь не знаю, как мне жить без твоего присутствия. Я эгоист. Но мне так больно, когда больно тебе. Тогда в Миннесоте, наш поцелуй — моя слабость. Этого не должно было произойти, и я сказал об этом перед всеми, потому что ревновал тебя к матери его Кэлвину. — Вытирает слезу с моей щеки. Одну. Вторую. — И я не могу остановить эту ненависть к тебе, даже сейчас. К тебе. К себе. Было бы все иначе... Что мне делать, скажи?

Я хочу верить в каждое его слово, но я не могу. Не после всего. Новый способ добить меня? Что мне делать? Помочь ему уничтожить меня до конца или сбежать? Хочу раствориться в нем без остатка. Готова жизнь за это отдать, продать душу дьяволу за это прекрасное вранье, за его руки и губы на своей коже. Что же мне делать, Ник? Что же мне делать?

— Не молчи, Луиза. Скажи мне что-нибудь хорошее... — Его глаза бегают пол моего лицу, и мне кажется он такой же несчастный, как я. И я знаю, как глупо оправдывать его, и я все еще не забываю о том, что он сделал со мной и скорее всего до сих пор пытается сделать. Врать. Унижать. Так больно, до колिका в пальцах, до удушья.

Я осознаю самое тревожное, прекрасное и печальное, что засело у меня в душе. То от чего можно взлететь, а затем замертво упасть.

Касаюсь пальцами его лица. Немного колючий. Губ. Я закрываю глаза. Ник ощущает дрожь моих пальцев и сильно сжимает мою руку. Мягкие губы касаются внутренней части моей ладони, вздрагиваю. Я позволю себе все, что захочу, даже если это вранье. У меня нет шансов. Я либо умру, либо останусь жить с огромной дырой внутри себя.

— Я люблю тебя. — Я сказала это. В первый раз в жизни, я сказала это. Сейчас время для того, чтобы посмеяться надо мной, сказать какая я дура, убийца и все в духе Николаса Янга, погнать меня прочь... Но вместо этого он целует меня, так жадно, словно я последний глоток воды на земле. Я проваливаюсь в бездну удовольствий и скрипящей боли, я все еще рассматриваю варианты своего позора. Самое ужасное, что мне не стыдно быть опозоренной. И я снова плачу. Слезы. Им нет конца. Николас сжимает мое лицо, целует мокрые дорожки, бегущие по щекам. Слышу его дыхание, кладу руку на его грудь и чувствую бешеный ритм его сердца, уверена у меня такой же, а может еще сильнее. Если я остановлюсь, смогу ли уйти?

«Предатель» — Внутренний голос заполняет почти все мои мысли, пока Ник исследует мое лицо и шею поцелуями, пока его теплые руки находят отклики в моем теле.

«Обманщик. Он лжет тебе. Да-да, как тогда, так и сейчас.» Я знаю! Я знаю. «Уходи. Сейчас. Он подставил тебя. Обманул. Не верь его глазам. Лживые. Он не верит тебе. Ты убийца. Сука. Стерва. Ненавидит тебя». Это правда. Я знаю. Снова плачу. Мне придется это остановить. Но смогу ли я? Я не хочу уходить. Я хочу больше, чем могу себе позволить.

Мы оба тяжело дышим, я зажмуриваю глаза, считаю до трех. Он врет. Он врет. Отталкиваю Николаса от себя, он взволнован, глаза такие яркие, глубокие, сумасшедшие. У меня сводит желудок, сердце падает куда-то вниз. Провожу руками по волосам, приглаживая их, Ник делает шаг ко мне, я выставляю руку вперед и качаю головой, закусывая губу, чтобы не зареветь.

— Ты сказала, что любишь меня. — Его кадык дергается, а глаза не могут найти ответ.

— Но ты нет. Мне не нужна такая любовь, это унижительно.

— Я сказал, все, что чувствую, Луиза. — Он снова приближается, я отступаю назад. — Мне нужно время, чтобы доказать себе, что нет ничего плохого в том... чтобы быть с тобой.

Я клянусь, я пытаюсь.

Пытается перестать ненавидеть меня? Это омерзительно. Что я должна делать? Как я могу доказать ему, что не убивала Джексона? Как мне стереть эту боль из сердца? Как убрать ее из его взгляда?

— Боюсь, у тебя нет времени, Ник.

На этот раз я не медлю, быстро открываю дверь и убегаю.

— Луиза! — Это все, что я услышала. И нет, он не пойдет за мной. Слишком очевидно.

Глава 38

Из дневника Луизы

День 385

Он толкнул его. Не я. Я пыталась уйти. Меня мутило и Джексон выводил из себя, я просто хотела уйти. Он начал хватать меня за руки и заставлял спуститься вниз и послушать идиотскую игру на гитаре его дружков. Мне было жутко хреново. Я вырывалась. Помню это как вчера. Должно быть, я кричала и Дениел слышал меня. Он просил Джека отвалить от меня. Они толкали друг друга. Затем Джексон ударили Дени и, тот не рассчитав силу, двинул его в грудь. Я закричала. Наверное. Уже не помню. И не знаю, сколько времени прошло, прежде чем Дениел ушел, я даже не заметила. Все время смотрела вниз, на красное пятно крови, стекающее в бассейн.

Наши дни

Я снова не смогла уснуть. Сначала мысли о Николасе не давали мне покоя, его слова то, как он целовал меня, смотрел, прикасался. Клянусь, что могла бы ему поверить, будь все не так сложно. Могу ли я избавиться от ненависти? Себя от безумия и тюремного срока? К утру все слилось воедино. Ведь я могу счастливой. Избавиться от насмешек и прочей гадости. Я устала быть на поводу у общественности, помыкать их действиям, их мыслям. Думаю, сложилось бы все иначе, признайся Дени во всем сразу. Скорее всего, да. Что будет если, он признается сейчас? Избавлюсь ли я от грязи? Как поведет себя Ник? Достоин ли он этой правды? Дадут ли мне меньшее наказание? Согласится ли Дениел на такое? Вряд ли. Могу ли я сказать об этом полиции спустя пять лет? Никто мне не поверит. Это ведь не имеет смысла.

С трудом встаю с постели, смотрю на себя в зеркало, определенно мне нужен сон, много сна. Собираю волосы в хвост, иду в ванную. Мысли, мысли, мысли. Дениел Харп сломал мне жизнь. Раньше я почти не задумывалась над этим. Думала, что защищаю его, думала, что это лучшее, что я могла сделать. Ценою своей жизни? Этого не будет. Достаточно. Первые несколько месяцев, я действительно думала, что толкнула Джексона, мне внушили это, и я сочла все за правду. Но это не правда. А Дени, он бросил меня, испугался. Испугался даже отвечать на мои звонки и СМС. Теперь это злит меня еще больше.

Пока одеваюсь, одной рукой набираю его номер. Он отвечает со второго раза.

— Где ты?

— И тебе привет, Лу.

— Я звоню не для того, чтобы любезничать. Где ты?

— Дома. Что-то случилось? — Его голос становится тревожным.

— Да. Я сейчас приеду.

— То есть? Луиза..

Кладу трубку. Случилось, Дени, случилось пять лет назад. Это не мое преступление, я не могу с ним жить. Еду напрямик к дому Хартов и мне плевать пустят меня или нет. Я должна покончить с этим.

Снова звоню ему, потому что как я и думала, охрана не пускает меня. Дениел появляется минут через пять и отдает распоряжение пропустить меня, парни в форме кивают, как послушные собачки. Я не осуждаю, потому что это их работа, но я осуждаю миссис Харт, которая ведет себя по-идиотски.

Мы идем в сад, заходим вглубь деревьев, чтобы из окон нас не было видно. Дени обеспокоен моим визитом, на лице написано. Я не прихожу просто так и, он это знает.

Медлю, не совсем понимаю, как озвучу то, что давно должна была. Я на самом деле нервничаю. Есть ли у меня шанс?

— Ты так и будешь молчать?

— Пять лет я провела в психушке. — Говорю прямо, подготавливая почву. Дени молчит, сводит брови к переносице. — Несколько недель меня привязывали к кровати, потому что я хотела сбежать, затем пошли капельницы и таблетки. У меня забрали все. Телефон отдавали два — три раза в неделю на несколько часов. Я имела в распоряжении лишь блокнот, который прятала под матрасом, несколько ручек и календари. Мы смотрели телевизор, по которому нам показывали всякую политическую пропаганду. Меня отводили в комнату вместе с остальными больными, которые уже ходили под себя. Я часто думала, были ли они такие на самом деле, либо же это все влияние лекарств.

— Луиза..

— Не перебивай. Я думала, что меня на самом деле лечат, что мне помогут и, я смогу жить нормальной жизнью, пока однажды... — Замолкаю. Закрываю глаза, снова распахиваю их. Дени все еще хмурится, в его глазах читается шок и не понимание. Я никому так много не рассказывала. Только мой дневник знает самые потаенные уголки той жизни. — Однажды, я проснулась от того, что лежу в луже собственной мочи. Я даже не чувствовала, понимаешь? — Быстро вытираю соскользнувшую с ресниц слезу. — Затем, я стала принимать на две таблетки меньше, и все равно превращалась в зомби. Они не помогали. Они убивали меня. Позже я выбрасывала их все. Затем прятала их. Чтобы выбраться оттуда... мне пришлось намеренно отравить себя. И я не знала, выживу или нет. Я просто цеплялась за любой шанс.

Дени громко выдыхает, сжимает пальцами переносицу и поворачивается ко мне спиной.

— Ты чувствуешь что-нибудь? — Спрашиваю я. Слезы обжигают глаза, я должна была предвидеть, что будет не так просто. Я открываю сумку и достаю оттуда то, что оберегала несколько лет, как зеницу ока. Я никогда не перечитывала его, наверное, не смогла бы.

— Зачем ты рассказываешь мне это? — Он оборачивается, его глаза красные, словно он мог бы заплакать. Ему жаль меня?

— Возьми. — Протягиваю ему потрепанный блокнот, исписанный моей рукой от корки до корки.

— Что это?

— Мой дневник. Я хочу, чтобы ты прочел его, Дени.

— Луиза... Я не могу его взять. Нет. — Качает головой, делает шаг назад, я делаю два вперед.

— Я хотела быть с тобой. В тот вечер, я все спланировала, мы должны были остаться

вдвоем и..

— Скажи, зачем ты здесь? — Бесится.

Он знает. Догадывается. Я вижу страх в его глазах. Сделай правильный выбор, пожалуйста.

— Когда я вернулась, ты пришел ко мне... С просьбой... Я долго молчала, Дени.

— Нет, ты не сделаешь этого.

— Я нет, но ты... Помоги мне.

— Даже не проси, Луиза. Нет.

— Прошу тебя. Я даю тебе шанс сознаться во всем самому. Я устала, я не могу так больше. Все привыкли думать, будто мне плевать, но я боюсь выйти на улицу, даже если ничего не происходит, мне страшно. Ты видел, как люди смотрят на меня? Слышал, что они говорят? Даже мои родители..

— Ты можешь справиться с этим.

— Я думала, что смогу. Ты не имеешь права забирать мою жизнь. Я пять лет провела в аду, защищая тебя! Ты вообще вспоминал меня когда-нибудь? Думал, что я чувствую?

— Я всегда думаю о тебе, Лу.

— Тогда помоги мне!

— Я не могу! Прости. Попроси о чем-нибудь другом.

Он проводит рукой по лицу, смотрит куда-то вдаль. Он думает, что мог бы сделать для меня что-то, но только не это. Трус.

— Я не могу нормально жить, иногда я думаю, будто правда убила Джексона. Это была случайность. Просто расскажи все, что помнишь! Я не могу ходить гулять, веселиться, заводить друзей, смотреть родителям в глаза, я не могу любить... — Я больше не вытираю слезы, а Дениел больше не смотрит на меня, может ему стыдно, может он испытывает отвращение.

— Ах, вот оно что. — Горько усмехается. — Ты пришла из-за него? Тот парень, Николас Янг, он бросил тебя? Слышал, что вы встречаетесь.

Возможно. Может быть, это одна из главных причин, почему я здесь, но есть еще куча других. Я не хочу, чтобы люди видели во мне монстра, я не хочу прятаться, я не хочу, чтобы Ник ненавидел меня, даже если я никогда не смогу быть с ним, мне нужно, чтобы он знал, кто я на самом деле.

— Только ты можешь меня спасти. Джексон был другом Ника и..

Дени изучающе смотрит на меня.

— Ты любишь его?

Киваю, закусываю губы.

Смешок.

— Пожалуйста. — Я почти умоляю, и я готова это делать любыми способами. — Пожалуйста, если я что-то когда-либо значила для тебя. — В этот момент, я медленно опускаюсь на колени. Если бы мне когда-то сказали, что я сделаю это, я бы не поверила. Никогда. Но мне настолько плевать, что я готова сейчас умереть за эту правду.

— Господи, Луиза. — Он сильно зажмуривает глаза, а когда открывает, я вижу, как слеза катится по его щеке, я всхлипываю. — Это омерзительно. Ты никогда бы не пришла ко мне с этим. Я знаю тебя, ты выдержишь любое дерьмо, и теперь ты здесь... И просишь меня... Черт. Это не касается тебя, либо кого-то другого с улицы, ты здесь из-за него. Ты стоишь на коленях и просишь за гребаного мудака! Ты поэтому здесь? Да? Отвечай! — Он

кричит, я вздрагиваю, собираю мысли в кучу и волю в кулак.

— Да.

— Встань. Ты переходишь все границы. Я не сделаю то, о чем ты просишь, можешь уходить. Встань. Не будь душой. — Он поднимает меня, отряхивает мои колени, я больше ничего не говорю. Что еще я могла ожидать? Думала, у меня есть шанс, но я без толку истратила его. Совершенно бессмысленно. Люди, они может и прекратят смотреть на меня как на врага, но они никогда не забудут, что я убийца. Николас никогда не перестанет ненавидеть меня, я не перестану ненавидеть себя за то, что ничего не смогла сделать.

Протягиваю Дени свой дневник, он мне больше не нужен, и я правда надеюсь, что однажды он прочтет его, однажды он должен понять, во что превратил меня.

— Я думаю, твоя мать подослала ко мне кого-то.

— Что ты имеешь ввиду?

— На меня напали с ножом несколько дней назад.

— Не носи чушь, моя мать... Она бы никогда такое не сделала. Ты пытаешься использовать все, что придет тебе в голову для собственного блага?

— Ты просто придурок. — Фыркаю. — Спроси у миссис Харт об отношениях с моим отцом, может она расскажет.

Дени молча испепеляет меня взглядом, и наконец, забирает блокнот из моих рук. Я с радостью прощаюсь с ним.

Он сомневается, в глубине души верит мне.

Это был тот самый день, когда я пошла к Шарлотте Харт, я не угрожала ей, но пыталась намекнуть на то, что не буду молчать, в тот самый вечер, на меня напали. Совпадение? Я думала, что это очередная проделка Николаса и проклинала себя изнутри за эти мысли. Может, я идиотка, но я верю ему, сейчас верю, даже после всего у меня есть надежда, что этот человек однажды поймет меня, если хотя бы вспомнит.

Глава 39

День 3

Привет, друг. Это смешно, я знаю, но мне больше не с кем здесь говорить. Нас пятеро и все рассматривают меня, словно я их добыча. Мы отличаемся. Думаю, это им не нравится, но я не собираюсь нарываться, знаю свое место. У меня все еще свежий маникюр и крашенные волосы. Я выгляжу неплохо. Эти женщины выглядят иначе, словно им очень не просто. И я знаю, что это так. Мне будет так же нелегко.

Я была в церкви, за день до суда. Видела Ребекку, она даже не взглянула на меня. Не простила. Святой отец сказал, что я должна принять все, что уготовила мне судьба. Я так и сделала, только заперла себя раньше, чем того требовалось. Весь остаток недели я пробыла дома, почти все время в своей комнате. Я больше не видела ни Николаса, ни Дени. Никого. Чувствую себя потерянной.

День 10

Сегодня со мной впервые заговорили. Нормально. Без «эй, ты». Женщина по имени Долорес сказала, что я кричала во сне. Возможно.

День 15

Я все еще плачу. Каждую ночь. Уткнувшись в подушку, чтобы никто не слышал. Не потому что боюсь, что подумают, будто я слабачка, а потому что если я буду мешать спать, у

меня будут проблемы. Не могу много писать. Да и нечего.

День 22

Сегодня меня спросили, почему я здесь. Видите ли, не похожа на преступницу. Слишком белая. Что они имели ввиду?

Меня обвинили в распространение наркотиков. Суд вынес приговор: три тысячи американских долларов — штраф, год заключения в женской колонии. Я чуть не потеряла рассудок в тот день. Меня могли отправить в центр реабилитации. Не уверена, что смогла бы быстро выбраться оттуда. Я так и сказала, своим новым «соседям по комнате», только вот умолчала о том, что невиновна. Какая разница?

День 46

Снова уборка. Мне почему-то всегда достаются самые грязные и вонючие туалеты. Вчера мы ходили гулять. Я почти привыкла, но сильно устаю.

День 58

Научилась писать в темноте. А что? Солнце садится рано. Здесь не многое дозволено. Мама приходила. Все время плакала, затем ушла. Время вышло.

День 70

Каждый день закрываю глаза и мечтаю проснуться где-нибудь в другом месте. Каждый день понимаю, что это не сон. Туалеты. Туалеты. Туалеты. Сегодня меня стошнило, прямо в один из них. Мысли о Николасе спасают. Не то, чтобы я сравнивала его с грязными унитазами... Вспоминаю только хорошие моменты. Представляю их настоящими.

День 75

Скука. Скука. Скука. Ничего интересного. То же, что и вчера.

День 86

Я снова кричала во сне. Теперь у меня синяк под левым глазом. Мы подрались с Карельей, молодая женщина — эмигрантка из Колумбии. Провозила марихуану через границу. Она бы сломала мне пару костей, если бы не охрана.

День 141

Нечего было писать. Все одно и то же. Здесь даже хуже, чем в центре, там хотя бы кормили более или менее. Оставлю блокнот здесь, когда выйду. Может кто-то придет на мое место и прочтет его — будет не так одиноко. Эй, привет. Меня зовут Луиза.

День 158

Папа приходил. Они расстались с Шарлоттой. Я рада. Но вот думаю, не солгал ли он? Надеюсь, нет. Я спросила как мама и случайно упомянула Ника. Отец сказал, что понятия не имеет, где он. Все еще думаю о нем. Так даже легче.

День 170

Получила письмо от Дени. Бумага большая. Письмо короткое: «Прочел твой дневник, спасибо».

День 172

Не собиралась ничего писать сегодня, жутко болит голова, снова сцепилась с Карельей, Долорес нас разняла. Защищает меня, но в остальное время почти всегда молчит. Со мной почти вообще не разговаривают. Словно, я изгой. Не такая, как они. Может быть вообще не человек. Пришло еще одно письмо от Дени, он просит прощения. Нахрен мне не нужно это.

День 180

Николас приходил. Я не вышла к нему. Переборола всю дрожь в теле, трепет внутри. Пусть он остается красивой картинкой среди моих иллюзий. Может она и вовсе исчезнет со временем.

День 185

Он снова пришел. Я снова не вышла. Не могу. Боюсь его увидеть. Он передал записку. *«Потерпи немного, я вытащу тебя»*. Я поверила ему, потому что он лучшая иллюзия в моей голове. Да и больше мне ничего не остается, кроме веры.

День 201

Давно не писала. Удивительно, что вообще жива. Интересно есть ли шанс, что я выйду отсюда не покалеченной? Джун увидела, что я пишу и выхватила у меня блокнот. Они все смеялись надо мной. Затем мы подрались. Я стала немного агрессивна, но все еще не равна по силе этим женщинам. Она надрала мне зад. Конечно, нас наказали. Обоих. Целую неделю я провела в одиночной камере. Я, кровать, стены, туалет и мысли. Слишком много. Лучше бы пила таблетки.

День 256

Я СХОЖУ С УМА. Мама приходила. Она больше не плачет. Я тоже. В городе шумиха. Говорят Дениела будут судить. Маме много не известно, семья Хартов немногословна. Люди любят сплетничать, но знают недостаточно.

День 260

Письмо. От Дени. *«Я сделал это не для него. Будь спокойна. Надеюсь, ведешь себя хорошо и, может, отпустят раньше. Не приходил, извини. У меня фобия... Смотреть тебе в глаза. Прости»*.

День 271

Дениел Харт был осужден за убийство по неосторожности. Он получил пять лет колонии. Аделаида сказала, что меня, возможно, отпустят раньше на месяц, если я буду вести себя хорошо. Почти то же писал мне Дени.

День 272

Я плакала всю ночь. Сама же хотела, чтобы Дениел признался. Мои эмоции сильнее меня. Что заставило его, спустя столько времени? Совесть? Мой дневник? Какая теперь разница? Должно быть зря он. Для меня это теперь ничего не изменит.

День 278

Ник приходил. Ничего не передал. Я ждала. На что я надеюсь?

День 330

Давно ничего не писала. Кому это интересно? Не мне уж точно. Досрочного освобождения не будет, узнала сегодня. На прошлой неделе я влепила пощечину Карелье, та обозвала меня шлюхой. Я даже вспомнила школу. Мое отражение в зеркале оставляет желать лучшего. Не выглядела так хреново со времен психушки. Нет. Никогда не выглядела так

плохо. Словно я постоянно в напряжении, каждую минуту чего-то боюсь. Я больше ничего не боюсь.

День 340

Получила записку от Николаса Янга. Держала ее в руках несколько минут. Читать не стала. Разорвала.

День 341

Сегодня отпустили Долорес. Я осталась одна с гиенами. Жду своего дня.

День 356

Думала, буду строить планы на будущее. Есть ли оно у меня? Мне двадцать три. Кстати, я забыла о своем дне рождения, он был зимой. Все забыли о нем. Теперь не знаю, чего хочу. Будто все не имеет значения.

День 364

Наверное, я должна радоваться? Мне плевать. Я сама загнала себя в ловушку, завтра я выбираюсь из нее. Надеюсь, кто-нибудь найдет этот блокнот. Привет, если ты это читаешь, знай, ты в полной жопе, подруга. Надеюсь, ты не из робкого десятка. Готовься к грязным туалетам, к дерьму в виде еды, к возможному одиночеству, к дракам. Если ты дохлячка, как и я, придется походить с синяками, вывихнутыми пальцами и прочими побоями. Надеюсь, не попадешь в одиночку, это безумие. А еще там холодно. И колючее одеяло. Меня зовут Саманта Луиза Хейл — главная сучка школы Скайлет Хай Хиллз, королева ботаников, местных стерв и шлюх. Нет, я просто неудачница. Ты никогда не узнаешь все мою историю, потому что, наверное, она еще не закончена. Если будешь думать, что в полном дерьме, просто вспомни меня. Я дважды судима. Пять лет психушки. Год колонии. Неразделенная любовь. Бесконечная ложь и предательства. Ты не унывай. Я жива и ты тоже.

Глава 40

Я вернулась, сучки! Нет, не так. Я должна была сказать это по приезду из Лондона. Луиза. Кэти. Лиззи. Ребекка. Нас было четверо. Осталась только я. Я была чемпионом по школьным издевательствам и насмешкам. Я получила все, что должна получить, каждая малолетняя выскочка. Я не вернулась из Лондона. Я не была там. Я не сказала «Привет, сучки». Я не устроила грандиозную вечеринку. Я не вернула былую популярность своей персоне. Мне не нужна популярность.

Еще один год бессмысленного существования на планете. Привет неудачникам, теперь я ваш лидер. Я не получила самого популярного красавчика школы на всю жизнь, он предал меня, его посадили в тюрьму на пять лет. Я не получила любовь, в которой я так нуждалась. Он ненавидел меня за убийство, которое я не совершала. Есть ли искупление в нашей жизни? Получила ли я его? Заслужила ли я другую жизнь?

Мать забрала меня около десяти утра, мы ехали на том же «Кадиллаке», на котором я ездила прошлым летом. Все время смотрела в окно. Ничего не изменилось.

— У нас с папой для тебя сюрприз. — Голос мамы радостный и на удивление я не слышу в нем прежнего отчаяния и презрения. Сюрприз? Ха.

— Вы вспомнили про мой день рождения? Он был зимой. — Говорю без упрека, продолжаю смотреть в окно, мама молчит какое-то время.

— Ты увидишь его завтра. Обещаю, тебе понравится.

— Угу.

Да мне плевать, знаете ли.

Папа встречает нас у ворот, он долго обнимает меня, я почти не реагирую. Настроение этих людей сильно изменилось с последнего раза, когда я их видела. То есть моя непричастность к убийству Джексона Трэвиса, теперь делает меня их дочерью? Я не хочу быть дочерью только тогда, когда якобы хорошая, они должны любить меня в самые дерьмовые времена моей жизни.

— Ну, все, хватит. Мне нужна ванна.

— Я накрою на стол. — Верещит мама.

— Где Карен? — Просто интересно.

— Мы дали ей выходной.

Ага, скорее всего она сбежала из этого дома куда подальше.

Спустя примерно час, я вышла из ванной, разглядывая себя в зеркале, заметила, что мама наблюдает за мной через приоткрытую дверь.

— Нужно сделать что-то с волосами. — Говорю я. За год корни слишком отрасли, выглядят темнее и это смотрится более чем ужасно. Не хочу быть такой.

— Можем их покрасить.

— Правда? Сегодня. — Хочу побыстрее избавиться от этого кошмара, связанного с последним годом моей жизни.

— Иди за стол. Вечером займемся твоими волосами.

Не хочу идти в салон сейчас, не хочу появляться на улице в таком виде, я снова боюсь насмешек, и в то же время мне совершенно плевать.

Папа ничего не говорил, но не сводил с меня взгляд, пока я ела. Это портило аппетит, но я не могла отказаться от этой еды. Это Божественно.

— Ты видел его? — Решаюсь спросить.

— Николаса?

Мысль о нем все еще находит отклик в моей душе, маленький теплый огонек, легкую судорожную боль. Я надеялась забыть его, хоть и часто вспоминала.

— Угу.

— Он помогал мне, последнее время... найти доказательства.

В груди что-то екает. Сердце ли это? Если осталось.

— Какие?

— Того, что ты не виновна.

Он обещал мне. Он писал, что вытащит меня, я приняла это как вранье, пустышку, но я все равно верила.

— Видимо неудачно. — Бормочу я.

— Его подруга сбежала. Ник уверен, что это она подставила Гарри.

— Кэндис? — Мне стоило хоть раз подумать об этом. Кэндис Девелпорт была заодно с Николасом, и если я провалила то СМС-задание, она вполне могла отплатить мне такой подставой.

— Она уехала через неделю после того, как... — Отец замолкает.

— После того, как я попала в тюрьму. Все нормально.

— Мне жаль, Луиза.

— Мне тоже. — Делаю глоток фреша, громко возвращаю стакан на стол и молча ухожу в свою комнату.

Вечером мама превращает меня в платиновую блондинку, я едва узнаю себя в зеркале. Глаза стали ярче, кожа не такая бледная, я даже улыбнулась.

— Спасибо, мам.

— Знаешь, я подумываю сделать ремонт в твоей комнате, у меня есть несколько вариантов, они у меня на компьютере. Посмотришь?

Качаю головой, не разделяя ее радужного настроения.

— Не думаю, что останусь здесь.

— То есть?

— Этот город не для меня.

— Это твой дом, Луиза не говори глупости.

Господи, кому я это говорю?

— Могу я взять твою машину?

— Конечно. Ключи в верхнем шкафчике в гостиной. Будь осторожна, ладно?

Киваю.

Если Кэндис сбежала, значит ли это, что группа «Николсон» развалилась? Что с ними стало? Николас. Келвин. Джаред. Кэл писал мне однажды, письмо пришло между первым и вторым появлением Ника, я не читала. Хотела отстраниться как можно дальше.

Мне, как и прежде, некуда поехать. Все еще нет друзей. Даже знакомых. Есть одно место, которое я очень любила. Но и оно теперь некий отголосок боли в моей груди. Были моменты, когда я хотела приехать туда и вырвать с корнем все цветы, которые он якобы для меня посадил. Но цветы не при чем, правда? Поэтому я не приезжала больше, до сегодняшнего дня.

Васильков стало меньше, я помню, Ник говорил что-то о том, будто эти цветы живут максимум два года, только если семена остаются в почве, тогда, должно быть, они снова вырастают. Я люблю их, они напоминают мне голубое чистое небо. Небо это птицы, а птицы это свобода. Мне часто ее не хватало.

По пути сюда я встретила Кэтрин, точнее случайно узнала ее среди покупателей у местной лавки. Она выглядела иначе, и мне понадобилось несколько минут, чтобы убедиться в том, действительно ли это Кэтрин Стэнфилд. Ее длинные волосы были замотаны в небрежный пучок, отросшие корни неокрашенных несколько месяцев волос, напоминали мне еще сегодняшнюю меня. Ее лицо было измотанным и, на удивление, без грамма косметики, одной рукой Кэти держала ревущего малыша, прижимала его к себе, немного покачивая, другой же, пыталась расплатиться за что-то в молочном павильоне. Я хотела выйти из машины, чтобы помочь ей, но затем вспомнила, что это меня больше не касается. На секунду я впустила в свою голову мысль о том, что лишила ребенка отца на целых пять лет, но тут же отогнала ее от себя. Это не моя вина.

Шаги позади, вызывают дрожь в коленях, так знакомо это, так близко, словно было вчера. Вот так же я сидела, а он подкрадывался сзади.

— Знал, что найду тебя здесь. — Я уже слышала это раньше. Тем же голосом. Те же слова. Как мне себя вести? Упасть на землю и разрыдаться? Послать его к черту? Игнорировать? Я просто сижу, медленно пропуская через пальцы травинки.

— Хочется уничтожить то, что любишь, чтобы больше не мучиться. Это ты чувствовал ко мне?

— Понадобился год, чтобы понять это?

— Я поняла это раньше. Чувствую то же самое.

— Ты не ответила на мое письмо.

— Я его не читала.

Ник стоит примерно в метре от меня, но даже на таком расстоянии я чувствую его близость.

— Прости, что не смог помочь... Кэндис сбежала..

— Я знаю.

— Даже не обернешься?

Ничего не говорю. Просто встаю, немедленно. Безразлично смотрю в знакомые глаза. Как же мечтала я о них, рисовала их в голове несколько месяцев. Немного изменился. Волосы по бокам пострижены короче, чем раньше, лохматая челка по-прежнему падает на ресницы. Опускаю взгляд ниже, сердце, как отбивной молоток грохочет.

— Что это?

Я прекрасно знаю, что у него в руках, злюсь на Дени больше, чем прежде.

— Я прочел его несколько раз. И у меня нет слов..

— Мне не нужны твои слова.

— Теперь ты ведешь себя, как я?

— В этом есть смысл. Разве нет? Что ты хотел? Чтобы я упала тебе в ноги, прыгнула в объятия, молила о любви и ползала на коленях? Я стояла на коленях перед человеком, который отдал тебе этот блокнот, я просила его сдать его полиции, чтобы доказать что-то тебе. Не знаю зачем..

— Хочешь вернуть его? — Кивает на блокнот.

— Нет. — Немного скукоживаюсь. Интересно, как давно у него мой дневник? Должно быть, достаточно долго.

— Ты смотришь на меня по-другому. — Печально усмехается.

— Ты тоже.

В его взгляде появилось нечто, чего я не видела раньше. Стыд. Стыдится ли он себя за то, что вынужден разговаривать с преступницей? Или же стыдится за то, что не поверил мне?

Ник подходит ближе, и ближе, я странно реагирую, словно он такой чужой, я сама отдала его, превратила в иллюзию, в картинку, нарисованную моим воображением. Мой внутренний тремор выдает меня, когда этот парень касается моей щеки. Мне хочется потереться о нее, закрыть глаза. Ком подступает к горлу. Я давно не плакала, кажется слез во мне и нет вовсе больше.

— Я думал, что знаю о тебе все. Но это... — Он трясет дневником в своей руке. — Я до сих пор его перечитываю, кажется, уже знаю все наизусть, но все равно читаю. Я не мог уснуть несколько первых ночей, после того, как прочел его.

Я дрожу, мысленно прошу Николаса заткнуться, но не могу произнести ни слова.

— Как же я виноват перед тобой. — Он шепчет, проводя пальцами по моей щеке, убирая прядь волос мне за ухо. Я делаю шаг в сторону, и теперь рука Николаса сжимает мое запястье, не сильно, так словно он просит о чем-то, и примет любое мое решение.

— Не уходи, пожалуйста.

Я чувствую себя униженной от того, что все еще чувствую. Это намного сильнее, чем месяц, два или три назад, потому что я вижу его, потому что он касается меня, говорит со мной.

— Я теперь уже не знаю, как можно тебя ненавидеть. Даже если бы мне этого и захотелось. Я хочу знать... — На мгновение замолкает, словно ему сложно говорить, затем

снова продолжает: — Ты все еще любишь меня, Луиза?

Где-то еще в глубине моего тела рождается ноющая боль, я хочу сказать «Нет», но тогда я снова обману саму себя.

— Прощу тебя не молчи.

— Мысли о тебе, заставляли чувствовать себя живой, но теперь я не знаю, жива ли я на самом деле. — Чувствую свое сердце, оно бьется, и никак не может остановиться. Так быстро. Так сильно.

— Боже. — Он резко прижимает меня к себе, одна его рука касается моей талии, другая гладит мои волосы. — Я так отчетливо чувствую твою боль, что не могу сосредоточиться на своей собственной. И святое дерьмо, я так сильно скучал по тебе, Луиза. — Шепчет мне в макушку, создавая ураган мурашек по всему моему телу. В груди бьются бабочки, которых никакие объяснения не заставят упорхнуть прочь.

— Прекрати это. — Молю я.

— Я любил тебя столько лет, что это стало неотъемлемой частью меня. Все эти годы.

Я почти задыхаюсь, чувствую его тепло, как уютно и безопасно в его объятиях. Очередная иллюзия?

— Я больше не знаю, где правда, а где ложь, Ник. Ты так был нужен мне. Где же ты был?

Мой голос срывается, Николас берет мои руки и целует каждый мой палец, заглядывая внутрь моей души, выворачивая меня наизнанку.

— Я знаю, я знаю. Если ты никогда не простишь меня... — Его глаза становятся красными, я нервничаю и чуть заметно дрожу.

— Я не сломанная игрушка, которую ты мог бы починить.

Его руки на моих предплечьях, исследуют мою кожу, я едва сдерживаю дыхание, когда они перемещаются на мою талию, Ник опускается передо мной и прижимает голову к моему животу, я сильно закусываю губу, чтобы сдержать, рвущейся на свободу всхлип.

— Мне так жаль, что тебе пришлось пройти через все это... Тебе нужно время, я знаю.

— У меня было достаточно времени. — Слишком много. И я не могу без боли вспоминать об этом. — Ты самое яркое напоминание обо всем, что я когда-либо испытывала. — Запускаю пальцы в его волосы. Судорожно сглатываю ком. Так давно не было слез, что я вовсе забыла, как они выглядят, какие они на вкус. И если я совсем забуду о них? Если я совсем забуду обо всем до сегодняшнего дня, буду ли я вообще человеком?

Кладу обе руки на лицо Николаса, заставляю посмотреть на себя, глажу его по щеке, мои руки уже должно быть не такие мягкие, как раньше. Его взгляд встречается с моим, я вижу отчаяние, сожаление и стыд, я вижу боль, которая сливается с моей, прямо в эту секунду. Я наклоняюсь, так чтобы наши лица были на одном уровне. Что-то капает из моих глаз и приземляется Нику на губы, я вытираю соленую каплю легким поцелуем, сильно зажмуриваю глаза и боюсь их открыть, потому что снова могу оказаться в заключении собственных мыслей, или в том месте, где была еще год назад — во лжи, ненависти, непонимании. Я знаю, что такое слезы — с ними вытекает боль или радость, а я еще не совсем уверена, что испытываю сейчас. Имею ли я право уйти и оставить нас обоих с разрушенными мечтами?

Год спустя

— Я буду скучать.

— Приезжай скорее. Твоя мама иногда нагоняет скуку. — Смеется, я тоже смеюсь, затем снова обнимаю Сьюзи и бросаю на маму взгляд, та цокает языком.

— Приеду зимой. Обещаю. Передавайте папе «привет» и мистеру Харперу. Обязательно.

— Клянусь.

— На мизинчиках?

Сьюзи хохочет.

— Я отрублю себе мизинец, если не передам.

Я решила, что не поеду домой на летние каникулы, взяла несколько дополнительных уроков художественной литературы, не хочу их пропускать, но «дом» приехал ко мне. Конечно, только мама и Сьюзи, но я рада даже им обеим.

Кстати о Сьюзи и мистере Харпере, прошлым летом мама сообщила о некоем уготовленном мне сюрпризе, это и было тем самым сюрпризом. Отец с матерью вернули в наш дом Сьюзи и ее дядю. Не знаю, как Шарлотта Харт согласилась с этим, да мне и плевать. Эти люди члены моей семьи.

Провожая их на регистрацию, еще долго машу рукой, затем медленно покидаю аэропорт. Смотрю на часы, черт, я обещала не опаздывать. Выбегаю на улицу, торможу первое попавшееся такси.

— Клуб «Карго» пожалуйста.

Это один из самых популярных клубов города и я не могла это пропустить. Не могла! Это первое серьезное выступление за весь прошедший год! Я чертова кретинка. Но я же не могла оставить маму и Сьюзи? И у меня нет вертолета, чтобы так быстро добраться из аэропорта.

Расплачиваюсь с водителем, откапываю в сумке пропускное удостоверение и надеваю на шею, бегу. Быстро показываю охране пропуск, те кивают и открывают для меня турникет, несусь по лестнице вниз, почти спотыкаясь. Останавливаюсь на входе. Выдыхаю. Вот дерьмо. В зале пусто, по полу рассыпаны горы конфетти, ужасно разит выпивкой, ребята собирают аппаратуру. Я опоздала. Элайза швыряет микрофон в коробку, принимает позу «руки в боки» и пялится на Кэлвина, который застегивает кейс от гитары.

— Что? — Спрашивает он, кидая быстрый взгляд на девушку.

— Что? Что? Нет, ну вы посмотрите. — Она буквально брызжет слюной, я еле сдерживаю смех.

— Я устал. Чего тебе?

— «Я устал» — Корчит рожицу. — Ты не попадаешь в мою тональность, Кэлвин!
СНОВА.

— Я не попадаю? А ты не думала, что должна петь в такт музыке, а не я должен попадать в твою тональность?

— Прекратите. — Николас появляется из дверей какого-то закрытого помещения с банкой газировки в руке, я расплываюсь в улыбке.

— Я ухожу, понятно? Он меня достал! Ник, я ухожу!

— Иди. — Он говорит это безо всякого раздражения, так просто как сказать «Привет». Затем он замечает меня, наши глаза встречаются, я поджимаю губы, как бы извиняясь. — Луиза, дашь объявление в своем университете о поисках новой бэк-вокалистки?

Все взгляды устремляются на меня, Элайза психует. Иду к сцене, Ник шагает мне навстречу.

— Грубиян. — Говорю я.

— Она уходит уже в четвертый раз, это блеф.

Улыбаюсь. Николас обнимает меня и целует в макушку.

— Ты опоздала.

— Прости, не рассчитала время... Как все прошло?

— Отлично. Зал живой, много пьяных девиц, конечно, но в целом все хорошо.

Хмурюсь.

— Они трогали тебя?

Смеется.

— Никто из них даже не смотрел в мою сторону.

Врунишка.

— Подбросишь до общежития?

— Конечно.

— Мне нужна помощь. Собрать вещи и все такое... — Намекаю. Не знаю, как правильно сказать. Ник хмурится.

— Собрать вещи?

— Угу. Я... в общем, решила, что переезжаю к тебе.

Его глаза округляются, затем он внезапно становится обеспокоенным.

— Что-то случилось?

— Нет. — Скорее да, чем нет. Но это позже. — Я люблю тебя. — Пожимаю плечами, обвиваю руками его шею, трусь носом о подбородок.

— То есть еще позавчера ты не знала об этом?

— Нет. То есть да. Блин, ты все портишь! — Надуваю губы. Да, я знаю, что он просит меня переехать чуть ли не каждый день, и я не совсем уверена в причине своих отказов. Может потому что я, наконец, нашла друзей и жить в общежитии не так скучно, как я думала, а еще близко к университету.

— Что происходит, Луиза?

Сегодня утром все изменилось. Я вполне осознала, что давно не школьница, и могу иметь друзей на расстоянии, а не в соседней кровати. У меня были подозрения последние две недели, но я боялась говорить кому-либо, не будучи полностью уверенной. Я все еще боюсь спугнуть моменты, силой мысли, силой слова.

— Утром я забрала анализы..

— И... — В глазах зарождается блеск.

— Я беременна. — Почти шепчу.

— Шутишь?

Качаю головой, закусываю нижнюю губу.

— Восемь недель.

— Восемь... — Повторяет за мной. — Правда? То есть?

— Ага, ты станешь папой.

— Боже мой.. Ребят!

— Тсс. тсс. — Закрываю ему рот рукой. Смотрю в бегающие туда-сюда глаза. — Скажем им потом. Ладно? — Давай заберем мои вещи.

Кивает. Я медленно опускаю свою руку, Николас прижимает меня ближе к себе, его

рука ползет под мою майку и останавливается на животе. Я до сих пор странно реагирую на его прикосновения, словно я скучала по ним тысячу лет, а теперь снова ощущаю их, внутри все трепещет. Ник опускает голову вниз, я играю с его волосами, пока он поглаживает мой еще совершенно не выделяющийся живот.

— Так не бывает... — Говорит, словно самому себе.

— Что? — Поднимаю его голову, даже в полумраке замечаю блеск его глаз.

— Ты, черт возьми, приносишь столько счастья, что я... — Голос срывается, я кладу руку ему на лицо и нежно целую его губы.

— Фу, меня сейчас вырвет! — Орет Джаред.

— Заткнулся бы ты. — Отвечает Ник, Кэлвин посмеивается, Элайза сидит в углу сцены и надув губы, смотрит на него. Я знаю этот взгляд.

КОНЕЦ

Больше книг на сайте — Knigolub.net